

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ТРИЦАТЬ ПЯТЫЙ

241

КНИГА VIII—IX

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ

1914

Насквозь горчайшимъ ядомъ раскаянья.
 На вѣчной наковальнѣ упованій
 Я заострю, я отточу кинжалъ,
 И этому кинжалу грудь подставлю.
 Такъ! Такъ! Еще! Ну вотъ и хорошо!

(Падаетъ и умираетъ.)

Протоѳъ (подхватывая царицу).—Скончалася!

Мероѳъ.

—За нимъ пошла.

Протоѳъ.

—Ей благо!

Здѣсь на землѣ ей не было ужъ мѣста!

(Кладетъ ее на землю.)

Верховная жрица.—О, бренное созданье—человѣкъ!

Лежить,—а какъ еще она недавно

Парила гордо на вершинахъ жизни!

Протоѳъ.—Цвѣла такъ гордо, потому и пала.

Выносить бурю омертвѣлый дубъ,

Но крѣпкій буря сломить и повалить,

Вцѣпившись въ роскошную вершину.

Перевели Федоръ Сологубъ и Анастасія Чеботаревская.

Современность.

1. Последняя война.

Свершилось. Рокъ рукой суровой
Приподнялъ завѣсу времянь.
Предъ нами лики жизни новой
Волнуются, какъ дикій сонъ.

Покрывъ столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитямъ Европы древней
Идетъ послѣдняя война.

И все, о чемъ съ бесплоднымъ жаромъ
Пугливо спорили вѣка,
Готова разрѣшить ударомъ
Ея желѣзная рука.

Но вслушайтесь! Въ сердцахъ стѣсненныхъ
Не голосъ ли надеждъ возникъ?
Призывъ племень поработенныхъ
Врывается въ военный крикъ.

Подъ топоть армій, громъ орудій,
Подъ ньюпоровъ гудящій летъ,
Все то, о чемъ мы, какъ о чудѣ,
Мечтали, можетъ быть, встаетъ.

Такъ! слишкомъ долго мы коснѣли
И длили Валтассаровъ пиръ!
Пусть, пусть изъ огненной купели
Преображенный выйдетъ миръ!

Пусть падаетъ въ провалъ кровавый
Строенье шаткое вѣковъ;—
Въ невѣрномъ озареньи славы
Грядущій миръ да будетъ новъ!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть съ гуломъ падаютъ столбы;—
Началомъ мира и свободы
Да будетъ страшный годъ борьбы!

2. Старый вопрос.

Не надо заносчивыхъ словъ,
Не надо хвальбы неумѣстной.
Предъ строемъ опасныхъ враговъ
Сомкнемся спокойно и тѣсно.

Не надо обманчивыхъ грезъ,
Не надо красивыхъ утопій;
Но Рокъ подымаетъ вопросъ:
Мы кто въ этой старой Европѣ?

Случайные гости? орда,
Пришедшая съ Камы и съ Оби,
Что яростью дышитъ всегда,
Все губить въ безмысленной злобѣ?

Иль мы—тотъ великій народъ,
Чье имя не будетъ забыто,
Чья рѣчь и понынѣ поетъ
Созвучно съ напѣвомъ санскрита?

Иль мы—тотъ народъ-часовой,
Сдержавшій напоры монголовъ,
Стоявшій одинъ подъ грозой
Въ вѣка испытаній тяжелыхъ?

Иль мы—тотъ народъ, кто обрѣлъ
Двухъ сфинксовъ на отмели невской,
Кто міру титановъ привелъ,
Какъ Пушкинъ, Толстой, Достоевскій?

Да, такъ, мы—славяне! Инымъ
Донинѣ ль нашъ родъ ненавистенъ?
Легендой ли кажутся имъ
Слова историческихъ истинъ?

И что же! священный союзъ
Ты видишь, надменный германецъ?
Не съ нами ль свободный французъ,
Не съ нами ль свободный британецъ?

Не надо заносчивыхъ словъ,
Не надо хвальбы величавой.
Мы явимъ предъ ликомъ вѣковъ,
Въ чемъ наше народное право.

Не надо несбыточныхъ грезъ,
Не надо красивыхъ утопій.
Мы старый рѣшаемъ вопросъ:
Кто мы въ этой старой Европѣ?

3. Польша

Орелъ одноплеменный!
 ...Вѣрь слову русскаго народа:
 Твой пепелъ мы свято сбержемъ,
 И наша общая свобода,
 Какъ фениксъ, возродится въ немъ!

Ө. Тютчевъ.

Провидецъ! Стихъ твой осужденный
 Не наше ль время прозрѣвалъ,
 Когда „орелъ одноплеменный“
 Напрасно крылья расширялъ!

Сны, что тебѣ туманно снидись,
 Предстали намъ, воплощены,
 И вѣщимъ свѣтомъ озарились
 Въ багровомъ заревѣ войны.

Опять родного намъ народа
 Мы стали братьями,—и вотъ
 Та „наша общая свобода,
 Какъ фениксъ“, править свой полетъ.

А ты, народъ скорбей и вѣры,
 Подъявший вмѣстѣ съ нами брань,
 Услышь у гробовой пещеры
 Священный возгласъ: „Лазарь, встань!“

Ты, бывший мертвымъ въ этомъ мѣрѣ,
 Но тайно памятный Судьбѣ,
 Ты—званный гость на нашемъ пирѣ,
 И первый нанѣ привѣтъ—тебѣ!

Просторъ родимаго предѣла
 Единымъ взоромъ облелѣй,
 И крикни: „Польша не сгинѣла!“
 По-братски, съ русскимъ гимномъ слей!

1 августа 1914 г.

4. Фламандцамъ.

Народъ Верхарна! не напрасно вѣщій
 Тебя прославилъ: живъ твой мощный духъ!
 Онъ молніей въ дыму сраженій блещетъ,
 Онъ въ громѣ пушекъ намъ вѣщаетъ велухъ!

¹⁾ Это стихотворение было уже напечатано въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*.

И, кажется, опять возсталъ Карлъ Смѣлый
Иль Бодуэнъ Желѣзная Рука,
Бой храбрецовъ съ врагомъ остервенѣлымъ
Слѣдять, дивясь величію, вѣка.

Намъ не забыть, какъ ты въ любимомъ Льежѣ
Свою свободу гордо ограждалъ.
Твои сыны, какъ въ славномъ прошломъ,—тѣ же:
Поэтъ далъ клятвы, ты ихъ оправдалъ.

Не пушки, не оружіе стальное
Насъ дѣлаютъ отважнѣй и сильнѣй:
Любовь къ отчизнѣ создаетъ героевъ
Съ дней Марафона вплоть до нашихъ дней.

7 августа 1914 г.

5. Наши дни.

Не вброшены ль въ былое всѣ мы
Иль въ твой волшебный міръ, Уэллсъ?
Не блещутъ ли мечи и шлемы
Надъ стрѣлами звенящихъ рельсъ?

Какъ будто рыцарскія тѣни,
Въ лучахъ прожекторовъ, опять
Летятъ на буйный пиръ сраженій
Торжествовать и умирать!

Смотря въ загадочныя дали,
Мы смѣло ждемъ безмѣрныхъ дѣлъ,
Вновь подвиговъ при Ронсевалѣ,
Твоихъ ударовъ, Карлъ Мартелль!

А мѣрно съ Эйфелевой башни
Летитъ неслышимая рѣчь,
Чтобъ все, что вѣдалъ день вчерашній,
Для будущихъ временъ сберечь.

Ротаціонныя машины
Стучатъ какъ ночью, такъ и днемъ,
Чтобъ мигъ не минулъ ни единый,
Газетнымъ позабыть столбцомъ.

И сквозь налетъ ночныхъ тумановъ,
Какъ призраки иныхъ вѣковъ,
Горятъ глаза аэроплановъ
Надъ свѣтомъ вражескихъ костровъ.

9 августа 1914 г.

Валерій Брюсовъ.

Генрихъ фонъ Клейстъ ¹⁾.

Генрихъ фонъ Клейстъ (1777—1811)—поэтъ эпохи расцвѣта нѣмецкой литературы. У насъ, къ сожалѣнью, его совсѣмъ не знаютъ, но это и не удивительно: даже у себя на родинѣ онъ только въ послѣднее время былъ понятъ и оцѣненъ по заслугамъ. Эпоха увлеченія Ибсеномъ заставила интересоваться его предшественниками, создателями современной психологической драмы: въ линіи развитія нѣмецкой драмы, отъ Клейста и Грильпарцера черезъ Геббеля и Отто Людвигъ къ Ибсену, онъ занялъ тогда начальное мѣсто. Но только еще болѣе позднее время, увидѣвшее драматическое творчество Метерлинка, оцѣнившее Ибсена-символиста (въ его послѣднихъ драмахъ) и пережившее возрожденіе романтизма, сумѣло подойти къ поэзіи Клейста болѣе интимнымъ образомъ, сдѣлало ее дорогой и нужной для нашего времени и выдѣлило ее, какъ отдѣльное и исключительное явленіе, изъ указанной выше цѣпи литературной преемственности. Широкой популярностью Клейстъ никогда не будетъ пользоваться: для этого его личность слишкомъ своеобразна, и печать этого личнаго своеобразія лежитъ на всѣхъ поэтическихъ образахъ, созданныхъ его творческимъ воображеніемъ; но велико и неоцѣнимо его значеніе, какъ самаго значительнаго представителя символической драмы, сумѣвшаго создать объективную художественную форму исключительной цѣнности для романтическаго переживанія жизни.

Литературная эпоха, въ которой жилъ Клейстъ, была преимущественно эпохой индивидуалистической. Молодой Гёте и „бурные гени“ только что открыли всю великую радость непосредственнаго, напряженнаго и глубоко-личнаго переживанія жизни во всемъ ея богатствѣ, во всей ея живой полнотѣ. Это поколѣніе казалось опьяненнымъ новымъ переживаніемъ высокой цѣнности нашего земного существованія. Гёте-

¹⁾ Очеркъ этотъ написанъ по специальной просьбѣ редакціи, въ качествѣ пояснительной статьи къ выше печатаемому переводу „Пентезилеи“ Клейста.

Россія и Константинополь.

Hans Uebersberger. „Russlands Orientpolitik in den letzten zwei Jahrhunderten. Erster Band: bis zum Frieden von Jassy“.

I.

Вѣнскій профессоръ Иберсбергеръ, извѣстный нѣсколькими работами по русской исторіи, предпринялъ обширный трудъ по исторіи русской политики въ балканскомъ, или, какъ теперь принято выражаться, въ ближне-восточномъ вопросѣ. Передъ нами первый томъ этого труда, объемлющій исторію отношенія Россіи къ балканскому вопросу отъ времени зарожденія московскаго государства и до заключенія ясскаго мира при Екатеринѣ II. Мы считаемъ не лишнимъ познакомить русскихъ читателей съ содержаниемъ этой книги вѣнскаго профессора. Нельзя сказать, чтобы Иберсбергеръ открывалъ какіе-нибудь новые горизонты въ научной разработкѣ избранной имъ темы. Онъ не вводитъ въ научный оборотъ никакихъ существенныхъ новыхъ матеріаловъ. Въ его книгѣ почти не встрѣчаемъ ссылокъ на архивные документы. Авторъ опирается цѣликомъ на предшествующую литературу по исторіи балканскаго вопроса, будучи очень основательно знакомъ съ ней. На первый, поверхностный взглядъ можетъ, пожалуй, показаться, что трудъ Иберсбергера представляетъ собою не болѣе, какъ сводное изложеніе всего того, что доселѣ было напечатано въ разныхъ книгахъ и статьяхъ по исторіи русской политики на ближнемъ востокѣ. Но было бы ошибкой довѣряться этому первому впечатлѣнію. При болѣе внимательномъ чтеніи нельзя не признать, что передъ нами—не компиляція, а самостоятельное изслѣдованіе, посвященное обоснованію совершенно определеннаго положенія. Если авторъ не обогащаетъ нашихъ свѣдѣній по соответствующимъ вопросамъ новыми фактами, зато онъ подвергаетъ раяѣ извѣстные факты интересному анализу, въ результатъ котораго получаютъ выводы, достойные внимательнаго разсмотрѣнія.

Весь первый томъ труда Иберсбергера въ сущности посвященъ из-

слѣдованію одного основного вопроса: отъ какого времени и отъ какихъ обстоятельствъ надлежитъ вести зарожденіе традиціонной роли Россіи на балканскомъ полуостровѣ, какъ покровительницы и руководительницы балканскихъ христіанъ на ихъ пути къ завоеванію политической самостоятельности? На этотъ вопросъ вѣнскій историкъ даетъ отвѣтъ, не совпадающій съ довольно распространенными предположеніями, и въ этомъ-то именно и заключается главный интересъ книги Иберсбергера.

Многіе склонны относить зарожденіе идеи русской гегемоніи надъ балканскими христіанами къ весьма отдаленной древности. Въ этой идеѣ многіе хотятъ видѣть выраженіе исконной исторической миссіи Россіи, уходящей своими корнями въ XVI и даже XV столѣтія. На основаніи подробнаго обзора историческихъ фактовъ Иберсбергеръ приходитъ къ заключенію, что указанная роль Россіи въ балканскомъ вопросѣ имѣетъ за собой гораздо меньшую историческую давность. Лишь подъ конецъ XVII столѣтія въ сознаніи нравящихся круговъ въ московскомъ государствѣ забрезжили первые неясные проблески политической мечты относительно объединенія балканскихъ христіанъ подъ гегемоніей Россіи. Но отъ этой мало оформленной и чисто платонической мечты было еще очень далеко до опредѣленной политической программы. На выработку такой программы ушло все XVIII столѣтіе и только къ концу этого столѣтія постепенно назрѣли ея основные элементы. Объединять и взаимно согласовывать эти зачаточные элементы и возвести ихъ на уровень совершенно опредѣленно поставленной политической задачи не пришлось и въ XVIII столѣтіи. То было дѣломъ уже XIX вѣка.

Таковъ одинъ общій выводъ изслѣдованія Иберсбергера: выступленіе Россіи въ роли покровительницы балканскихъ христіанъ и ихъ оборонительницы отъ турецкаго засилія является не исконной традиціей, а сравнительно довольно свѣжимъ фактомъ русской ближневосточной политики.

Другой выводъ этого изслѣдованія заключается въ томъ, что идея объединенія балканскихъ христіанъ подъ гегемоніей Россіи съ цѣлью совместной борьбы съ турецкимъ владычествомъ на Балканскомъ полуостровѣ зарождалась и была выдвигается Россіей не въ качествѣ самодовлѣющей цѣли, а въ качествѣ приѣма, направленного на разрѣшеніе иныхъ задачъ, непосредственно связанныхъ съ интересами и выгодами русскаго государства.

Весьма возможно, что найдутся русскіе читатели, которые прежде всего заподозрятъ въ основѣ этихъ выводовъ вѣнскаго ученаго спеціально австрійскую тенденцію. Не руководитъ ли перомъ вѣнскаго историка сознательное или безсознательное желаніе набросить нѣкоторую

тѣмъ сомнѣнія на прочность и даже искренность отношеній Россіи къ балканскимъ христіанскимъ народностямъ? Не отсюда ли вытекаетъ стремленіе представить эти отношенія неизмѣнными историческихъ корней въ сколько-нибудь отдаленномъ прошломъ и подчеркнуть зависимость ихъ отъ собственныхъ выгодъ русскаго государства?

Я рѣшительно не имѣю желанія брать на себя роль адвоката вѣнскаго историка передъ русской читающей публикой. Теоретически я не вижу ничего невозможнаго и въ томъ, что на изслѣдованіи этого историка въ той или иной мѣрѣ отразился специально австрійскій уголь зрѣнія на изучаемые факты. Но я не могу не замѣтить, что, даже если бы это было и такъ, научное значеніе его труда и въ этомъ случаѣ остается для меня внѣ сомнѣній, а практическое значеніе основныхъ выводовъ его книги является, на мой взглядъ, скорѣе благопріятнымъ, нежели отрицательнымъ для оцѣнки русско-славянскихъ отношеній.

Въ самомъ дѣлѣ, если авторъ и не чуждъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ тенденцій, то все же это не мѣшаетъ ему съ достаточной объективностью группировать факты, не нарушая золотого правила: „изъ пѣсни слова не выкинешь“. Онъ не накидываетъ розоваго флера на ошибки и неудачи австрійской политики въ балканскомъ вопросѣ и, когда это требуется по ходу изложенія, очерчиваетъ ихъ весьма энергичными штрихами. Выводы его книги не голословны. Они опираются на тщательно выполненный обзоръ историческихъ фактовъ. И о чемъ же гласятъ эти выводы?

Иберсбергеръ доказываетъ, что, вступаясь за балканскихъ христіанъ противъ турецкаго владычества, Россія дѣйствовала не только во имя отвлеченныхъ началъ самопожертвованія въ пользу единоплеменныхъ и единовѣрныхъ народностей, но и во имя собственныхъ реальныхъ интересовъ. Мы полагаемъ, что этотъ выводъ указываетъ лишь на солидность и прочность тѣхъ основаній, на коихъ покоятся русско-балканскія отношенія. Если бы вѣнскій историкъ доказалъ, что Австрія соединена съ балканскими народностями дѣйствительною общностью интересовъ, а Россія вмѣшивается въ балканскія дѣла исключительно по побужденіямъ идеалистическаго донкихотства, вотъ въ такомъ случаѣ можно было бы сказать, что его книга колеблетъ и подрываетъ основы русско-балканскихъ отношеній *ad majorem gloriam* австрійской миссіи на Балканскомъ полуостровѣ. Въдѣ только общностью интересовъ и упрочивается взаимное тяготѣніе странъ въ области международной политики и лишь при наличности общихъ интересовъ взаимопомощь дружественныхъ государствъ получаетъ солидную основу. И потому, раскрывая собственную заинтересованность Россіи въ сплоченіи балканскихъ христіанъ подъ сѣнью ея гегемоніи, Иберсбергеръ въ сущности доказываетъ тѣмъ самымъ жизненность и прочность тѣхъ задачъ,

къ которымъ сводится русское дѣло на Балканскомъ полуостровѣ. Въ международныхъ отношеніяхъ, какъ извѣстно, *политика чувства* можетъ вызывать порой взрывы мимолетнаго энтузіазма, но она никогда не вызываетъ солиднаго довѣрія къ устойчивости и послѣдовательности ея проведенія, и только *политика интересовъ* принимается за нѣчто серьезное и дающее основаніе къ твердымъ расчетамъ. Исслѣдованіе Иберсбергера показываетъ, что первоначальное зарожденіе вліянія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ было подсказано гармоническимъ сочетаніемъ политики чувства и политики интересовъ, которыя на этотъ разъ въ силу особаго стеченія обстоятельствъ совпали другъ съ другомъ. Неужели же историческое обоснованіе подобнаго тезиса можетъ быть встрѣчено несочувственно друзьями русско-балканской солидарности? Намъ казалось бы, что какъ разъ наоборотъ, найти такой тезисъ въ книгѣ вѣнскаго историка гораздо пріятнѣе для русскаго, нежели для австрійскаго читателя.

Попытаемся же теперь бросить взглядъ на ходъ исторической аргументаціи нашего автора.

II.

Роль Россіи на Балканскомъ полуостровѣ естественнымъ образомъ сводится къ борьбѣ съ Турціей. Отсюда при поверхностномъ отношеніи къ матеріалу историческихъ фактовъ у многихъ являлась предвзятая увѣренность въ томъ, что зарожденіе притязаній Россіи на первенствующую роль въ дѣлахъ Балканскаго полуострова слѣдуетъ относить ко времени первоначальнаго появленія турокъ въ Константинополь. Рядъ знаменательныхъ фактовъ, на первый взглядъ, какъ будто подтверждаетъ правильность этого предположенія. Извѣстно, что на покореніе Константинополя турками въ XV столѣтіи московское государство откликнулось созданіемъ цѣлой политической теоріи о „третьемъ Римѣ“. Какъ нѣкогда Константинополь унаслѣдовалъ на аренѣ всемірной исторіи былую главенствующую роль Рима и сталъ, такимъ образомъ, вторымъ Римомъ, такъ теперь—послѣ занятія Константинополя „безбожными агарянами“—преемницей Константинополя, третьимъ Римомъ, становится Москва, а великій князь московскій становится преемникомъ былой власти византійскаго императора. Эта теорія провозглашается въ московской Руси XV столѣтія непререкаемой аксіомой официальной политической философіи, и въ соотвѣтствіи съ ней и парадныя инсигнии власти московскаго великаго князя, а впослѣдствіи царя и парадный церемоніаль московскаго великокняжескаго, а затѣмъ и царскаго двorca устроятся по образцамъ павшей Византіи. Идея преемственной связи между возвеличившейся Москвой и павшей Византіей получаетъ, нако-

нецъ и еще болѣе яркое выраженіе въ видѣ брака Ивана III съ византійской царевной Софіей Палеологъ.

Сторонники изстаринности притязаній России на главенствующую роль въ дѣлахъ Балканскаго полуострова и возводятъ зарожденіе этихъ приязаній именно къ описаннымъ только что событіямъ XV столѣтія. На первый взглядъ это сближеніе можетъ показаться чрезвычайно убѣдительнымъ. Если московскій государь сталъ смотрѣть на себя, какъ на преемника византійскихъ императоровъ, и даже запечатлѣлъ это преемство бракомъ съ византійской царевной, то не ясно ли, что съ этого времени онъ долженъ былъ считать себя въ правѣ притязать на принятіе Константинополя подъ свою высокую руку? Кому же и владѣть Константинополемъ, какъ не преемнику власти его прежнихъ владыкъ?

Такой именно логическій выводъ и былъ дѣйствительно сдѣланъ уже въ XV столѣтіи. Но только сдѣланъ былъ этотъ выводъ вовсе не московскими государями, а венеціанской сенъоріей. Въ 1473 г. венеціанская сенъорія дипломатическимъ путемъ ставила московскому великому князю на видъ, что за прекращеніемъ прежней византійской династіи греческое царство должно быть признано законнымъ достояніемъ московскаго великаго князя, какъ супруга греческой царевны. Нетрудно понять, какія соображенія водили перомъ венеціанскихъ дипломатовъ при составленіи этой дальновидной ноты. Венеція съ полнымъ основаніемъ почувствовала въ Турціи опаснѣйшаго врага и спѣшила обезпечить себя возможными союзниками для борьбы съ нимъ. Навести на турокъ страшную грозу со стороны далекой Московіи представлялось при этомъ слишкомъ соблазнительной перспективой для венеціанской республики, чтобы не попытаться испробовать этого пути.

Но эти призывы далекой Венеціи не встрѣтили въ Москвѣ ни малѣйшаго сочувственнаго отзвука. По цѣлому ряду причинъ Москва все не была расположена въ то время подниматься на брань съ турецкими покорителями греческаго царства.

И прежде всего, теорія третьяго Рима сама по себѣ отнюдь не могла подвигнуть московское правительство на завоевательныя стремленія по отношенію къ Царьграду. Иберсбергеръ совершенно правъ въ своемъ истолкованіи названной теоріи, когда онъ указываетъ на то, что между ученіемъ о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ, и планами захвата Константинополя русскимъ оружіемъ не могло быть ничего общаго; напротивъ того, одно исключало другое. Вся сущность указанной теоріи какъ разъ заключалась въ признаніи того, что Москва замѣнила и затмила собою бывшую греческую столицу въ качествѣ культурно-политическаго центра православія. Зачѣмъ же было бы московскимъ людямъ XV стол. устремляться въ своихъ мечтательныхъ чаяніяхъ къ

берегамъ Босфора, когда по ихъ убѣжденію именно у нихъ, на берегахъ Москвы рѣки, сосредоточилась послѣ паденія Константинополя вся истинная святость и вся истинная политическая мощь? Послѣ паденія второго Рима третій Римъ—Москва—всецѣло довлѣлъ самъ себѣ, „а четвертому Риму не быть“, какъ утверждали тогдашніе московскіе книжники. Наслѣдовать Византии значило по московскимъ понятіямъ того времени поставить Москву *взамѣнъ* Царьграда на высоту вселенскаго центра, а вовсе не перемѣстить резиденцію московскаго государя изъ Москвы въ Царьградъ.

Съ точки зрѣнія той же теоріи московское правительство не могло стремиться и къ освобожденію балканскихъ единовѣрцевъ отъ ига мусульманъ во славу Креста. Захватъ Константинополя турками названная теорія объясняла какъ разъ тѣмъ, что балканскіе христіане измѣнили истинному христіанству, впади въ душевредныя ереси, и въ наказаніе за это Богъ ниспослалъ на нихъ иго нечестивыхъ „агарянтъ“, какъ заслуженную ими суровую кару. Такъ можно ли было поднимать оружіе въ защиту тѣхъ, кого покаралъ самъ Богъ? Божественная благодать отлетѣла отъ балканскихъ народностей и осѣнила собою новое московское царство, и московскому государю, этому новому намѣстнику Бога на землѣ, рѣшительно нечего было дѣлать и нечего было искать въ Константинополѣ, слава котораго померкла заслуженно и безповоротно.

Не ясно ли изъ всего изложеннаго, что лишь по глубокому недоразумѣнію и по недостаточному знакомству съ ученіемъ о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ, можно было усматривать въ этомъ ученіи теоретическій источникъ восточнаго вопроса въ ходѣ внѣшней политики Россіи!

Если политическія партіи, восторжествовавшія въ московскомъ государствѣ въ XV ст., не могли возбудить въ московскомъ правительствѣ того времени стремленій къ борьбѣ съ турками за обладаніе Константинополемъ или за освобожденіе балканскихъ христіанъ отъ мусульманскаго ига, то столь же мало могли вліять въ такомъ направленіи и очередныя практическія задачи тогдашней внѣшней политики московскаго государства. Вѣдь насущнѣйшей задачей этой политики являлась тогда борьба съ польско-литовскимъ государствомъ изъ-за обладанія верхнимъ и среднимъ теченіемъ Днѣпра и прилегающихъ къ этой рѣкѣ промежуточныхъ и спорныхъ областей, переходившихъ то къ Литвѣ, то къ Москвѣ. Благоразумно ли было бы, имѣя у себя на рукахъ такую борьбу, создавать себѣ въ тылу столь могущественнаго врага, какимъ явилась бы тогдашняя воинствующая Турція? Одно важное обстоятельство могло бы еще болѣе усилить эту опасность для московскаго государства. Турція была далеко отъ театра борьбы Москвы съ Литвою,

по уже совѣмъ подь бокомъ его находилось крымское ханство. А вѣдь это былъ аванпостъ турецкихъ силъ по направленію къ русской равнинѣ. Крымскій ханъ сталъ вассаломъ константинопольскаго султана, и вступитъ во вражду съ Константинополемъ значило бы для московскаго государства не что иное, какъ сплотить Крымъ съ Литвою для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Москвы. Въ лицѣ крымскаго ханства константинопольскій султанъ всегда имѣлъ наготовѣ отличное орудіе угрозы противъ Москвы, и московскому правительству приходилось съ этимъ считаться самымъ серьезнымъ образомъ.

И вотъ, „преэминики византійскихъ императоровъ“ Иванъ III и Василій III всячески стараются поддерживать дружественныя отношенія съ Константинополемъ. При Иванѣ III въ столицѣ султановъ появляется первый московскій посоль Михаилъ Андреевичъ Плещеевъ, встрѣтившій тамъ вполне привѣтливый пріемъ. Василій III пошелъ еще далѣе и прямо обратился къ Селиму I съ предложеніемъ союза противъ Польши.

Ко всѣмъ попыткамъ поднять Москву на турокъ московское правительство оставалось глухо. Уже упомянутая выше попытка венецианской сеньории не имѣла никакого успѣха. Столь же безрезультатны были и старанія императора Максимилиана I, отправившаго въ Москву извѣстнаго Герберштейна, который долженъ былъ вовлечь московскаго великаго князя въ крестовый походъ противъ турокъ. Миссія Герберштейна получила даже обратное дѣйствіе. Посоль Максимилиана думалъ вѣрнѣе достигъ своей цѣли, яркими красками изображая московскому князю могущество и грозную силу турокъ. А московскій князь вынесъ изъ этихъ рѣчей лишь еще болѣе твердое убѣжденіе въ необходимости всѣми мѣрами ладить съ Константинополемъ.

III.

Въ царствованіе Ивана Грознаго дружественныя отношенія Москвы и Константинополя впервые подверглись серьезному испытанію. Завоеваніе Москвою казанскаго и астраханскаго царствъ произвело сильное впечатлѣніе въ мусульманскомъ мірѣ, и это впечатлѣніе было учтено въ Константинополѣ. На безоблачномъ горизонтѣ московско-турецкихъ отношеній впервые появились тучи. Падишахъ, какъ глава мусульманъ, почувствовалъ въ Москвѣ грядущаго врага. Въ царствованіе Грознаго былъ моментъ, когда эти предчувствія могли перейти въ положительные факты. Извѣстенъ споръ двухъ противоположныхъ партій при дворѣ Грознаго по вопросу относительно общей ориентировки внѣшней политики московскаго государства. Сильная партія съ Сильвестромъ и Адашевымъ во главѣ настаивала на томъ, чтобы на первую очередь было

поставлено расширение государственной территории въ южномъ направлении. Эти планы приводили неизбежно къ рѣшенію завоевать Крымъ. И тогда неминуемо возгорѣлась бы борьба съ Турціей.

Въ концѣ-концовъ, превозобладала совершенно иная программа. Не черноморское, а балтійское побережье было поставлено цѣлью завоевательныхъ стремленій Москвы. вмѣсто борьбы съ Крымомъ и Турціей московское государство углубилось въ борьбу съ Польшей и Ливоніей. И, продолжая традицію предшественниковъ, Иванъ IV старается возобновить дружественныя сношенія съ Константинополемъ и попрежнему стремится подготовить себѣ въ лицѣ Турціи союзника противъ Польши. Но судьба приволжскихъ татарскихъ царствъ не была забыта на берегахъ Босфора. Въ сношеніяхъ константинопольскаго кабинета съ Москвой наступилъ переломъ: довѣрчивость смѣнилась подозрительностью и враждебностью. На всѣ авансы московской дипломатіи султанъ отвѣчалъ требованіемъ возстановленія независимости Казани и Астрахани. Весьма вѣроятно, что Турція не остановилась бы и передъ поддержаніемъ этого требованія силою оружія, но, къ счастью для Москвы, важныя событія отвлекали вниманіе Турціи въ другую сторону. Тѣмъ не менѣе предприимчивый крымскій ханъ Девлетъ-Гирей не преминулъ учестъ въ свою пользу выгоду момента и въ 1571 г. опустошилъ большимъ вторженіемъ своихъ войскъ московскія владѣнія. Послѣдствія этого нашествия для московскаго государства были весьма зловѣщи: съ этого времени Москва приняла на себя обязательство ежегодно доставлять въ Крымъ въ опредѣленные сроки дань деньгами и натурой. Лишь при Петрѣ Великомъ удалось ликвидировать это обязательство.

И однако, ни казанско-астраханскій вопросъ, ни набѣги казаковъ на турецкія границы, начавшіе вызывать въ Константинополѣ большое неудовольствіе, все же, въ концѣ-концовъ, не произвели коренной перемѣны въ направленіи русско-турецкихъ отношеній. Въ XVII ст. такъ же, какъ и въ XV, Москва и Константинополь, несмотря ни на что, вопреки накопившимся взаимнымъ недоразумѣніямъ и неудовольствіямъ, всетаки тяготѣютъ другъ другу, и попрежнему соединительнымъ между ними звеномъ служитъ вопросъ польскій. Въ началѣ XVII ст. эти узы скрѣпляются еще сильнѣе, тяготѣніе становится взаимнымъ. Въ 1613 г. царь Михаилъ Федоровичъ заговариваетъ черезъ своихъ специальныхъ пословъ въ Константинополѣ о союзѣ съ Турціей противъ Польши, а въ 1621 г. султанъ Османъ II уже отъ себя поднимаетъ тотъ же вопросъ черезъ Оому Кантакузена, отправленнаго для этой цѣли въ Москву въ качествѣ посла турецкаго султана. Союзъ не осуществился, но это не мѣшало Турціи и Россіи рассчитывать другъ на друга въ борьбѣ съ Польшей, несмотря на то, что съ теченіемъ времени другой рядъ отношеній все ярче выводилъ наружу зародыши ихъ грядущей взаимной вражды.

Ради борьбы съ Польшей Россія и Турція нуждались другъ въ другъ, а въ то же время эти естественные союзники непрерывно накапливали другъ противъ друга запасы взаимнаго раздраженія. Московское правительство ставило на счетъ Турціи безпокойныя движенія крымцевъ, постоянно угрожавшія южнымъ предѣламъ московскаго государства. А константинопольское правительство ставило на счетъ Москвы непрерывныя нападенія донскихъ и терскихъ казаковъ на турецкія владѣнія. Умерщвление казаками турецкаго посла Кантакузена и захватъ ими Азова въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича поставили ребромъ вопросъ объ отвѣтственности московскаго правительства передъ Турціей за дѣйствія казаковъ. И хотя Азовъ не былъ принятъ въ концѣ-концовъ подъ высокую руку московскаго царя, тѣмъ не менѣе этотъ эпизодъ не могъ пройти безслѣдно для ближайшаго будущаго. Со второй половины XVII ст. русско-турецкія отношенія все рѣшительнѣе вступаютъ въ новый фазисъ. Источникъ этой перемѣны нужно искать все тамъ же: въ различныхъ нерипетяхъ польскаго вопроса.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ борьба съ Польшей осложнилась малороссійскимъ вопросомъ. Принявъ подъ свою руку Малороссію изъ рукъ Богдана Хмельницкаго, московское правительство тѣмъ самымъ перевело на себя ликвидацію разнообразѣйшихъ отношеній, которыя Хмельницкій завязывалъ направо и налево, ища выхода изъ критическаго положенія, созданнаго для него затянувшейся борьбой противъ Польши. Въ сложной сѣти этихъ отношеній Турція играла не послѣднюю роль, и эта роль оказывалась далекой отъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на турокъ московскимъ правительствомъ. Выходило такъ, что Турція и ея вассалъ крымскій ханъ могутъ явиться въ польскомъ вопросѣ не пособниками, а соперниками Москвы. Крымскій ханъ обнаруживалъ готовность самымъ легкимъ способомъ перекидываться то на сторону казаковъ, то на сторону поляковъ. Наиболѣе громкіе триумфы поляковъ въ борьбѣ съ Хмельницкимъ были одерживаемы, благодаря измѣнническому вѣроломству крымской орды. Что же касается Турціи, то по ходу событій въ ней стала намѣчаться сила, могущая выступить наперерѣзъ путямъ московской политики: недаромъ Хмельницкій при всякомъ разладѣ съ Москвой начиналъ угрожать тѣмъ, что онъ съ своей Украиной передастся во власть султана.

Такъ, если присоединеніе Малороссіи къ московскому государству вызвало новый взрывъ русско-польской борьбы, то, съ другой стороны, теперь за перспективой одолѣнія Польши, въ слѣдующую затѣмъ очередь, вставала зловѣщая перспектива борьбы съ Крымомъ и Турціей.

И вотъ, только послѣ того какъ задачи самой *московской* политики выдвинули возможность столкновенія съ Турціей, московское правитель-

ство впервые заинтересовалось судьбою христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова.

Въ теченіе XVI и XVII в. въ Москву направлялись непрерывныя паломничества различныхъ монаховъ, игуменовъ, епископовъ изъ турецкихъ владѣній съ просьбами о денежной помощи. Въ этихъ паломничествахъ получало наглядное выраженіе то знаменательное явленіе, что христіане, подпавше подъ иго турокъ, обращали къ Москвѣ свои ожиданія и надежды, какъ къ естественной заступницѣ за страдающихъ единовѣрцевъ.

Московское правительство раздавало всѣмъ этимъ просителямъ денежные подачки, но этимъ и ограничивалось его участие въ судьбѣ балканскихъ и малоазіатскихъ братій.

И вдругъ, въ 1655 г. на Пасхѣ въ Москвѣ разыгралась любопытная политическая демонстрація. Царь Алексѣй Михайловичъ спросилъ присутствующихъ грековъ, хотятъ ли они, чтобы русскій царь избавилъ ихъ отъ турецкаго ига? Разумѣется, тѣ отвѣчали утвердительно. „Просите же,—сказалъ тогда царь,—вашихъ епископовъ, священниковъ и монаховъ молиться за меня, чтобы я смогъ, подкрѣпляемый ихъ молитвами, уничтожить вашихъ враговъ“. И со слезами на глазахъ царь обратился затѣмъ къ боярамъ и сказалъ, что его сердце разрывается на части, когда онъ видитъ, какъ эти люди страдаютъ отъ ига невѣрныхъ. „Богъ взыщетъ съ меня на страшномъ судѣ,—прибавилъ царь,—за то, что я могъ бы освободить ихъ и не дѣлаю этого“. Въ заключеніи рѣчи Алексѣй Михайловичъ далъ обѣтъ пожертвовать, если Богъ на то поволитъ, свои войска, свою казну и собственную кровь на дѣло освобожденія единовѣрцевъ.

То былъ критическій моментъ, когда при московскомъ дворѣ двѣ сильныя партіи вели борьбу, отъ исхода которой зависѣло все дальнѣйшее направленіе московской внѣшней политики. Ординъ-Нащокинъ стоялъ за то, чтобы замирился съ Польшей и сосредоточить всѣ усилія на борьбѣ съ Швеціей за Ливонію съ цѣлью пріобрѣтенія доступа къ Балтійскому морю. Артамонъ Матвѣевъ, напротивъ того, настаивалъ на заключеніи мира съ Швеціей и на продолженіи борьбы съ Польшей. Сначала превозобладала точка зрѣнія Матвѣева. Но послѣ неудачъ польской войны и перехода части казаковъ съ гетманомъ Дорошенкомъ подъ власть Порты восторжествовала политика Ордина-Нащокина, плодомъ которой явился андрусовскій договоръ 1667 г., вновь подтвержденный въ 1670 г.

Андрусовскій договоръ явился поворотнымъ моментомъ въ ходѣ московско-польско-турецкихъ отношеній. До этого договора, несмотря на всѣ частныя колебанія и отступленія, главенствовала тенденція: *Россія съ Турціей противъ Польши*. Теперь наступилъ періодъ обратнаго со-

отношения: *Россия съ Польшей противъ Турціи*. Эта перемѣна тотчасъ была почувствована и въ христіанскомъ и въ мусульманскомъ мірѣ. Московскіе послы, ѣздившіе въ Константинополь въ началѣ 70-хъ годовъ, привезли два знаменательныя извѣстія: 1) о томъ, что Молдавія и Валахія горятъ желаніемъ подняться на турокъ и при первыхъ же успѣхахъ польскаго и московскаго оружія не удержатся отъ возстанія, а 2) о томъ, что казанскіе и астраханскіе татары посылали къ султану ходоконъ съ просьбой, чтобы онъ принялъ Казань и Астрахань подъ свою власть, ибо Москва, ненавидящая исламъ, готовитъ имъ полную гибель; султанъ посовѣтовалъ имъ потерпѣть еще немного и одарилъ ихъ халатами.

Итакъ, и съ той и съ другой стороны уже готовъ былъ возгорѣться зловѣщій пожаръ національно-религіозныхъ распрей. И царь и султанъ уже намѣчали въ своихъ зарубежныхъ иновѣрцахъ орудіе взаимной борьбы. Однако они еще не спѣшили пускать это орудіе въ ходъ. Султанъ совѣтовалъ татарамъ „потерпѣть еще немного“, а московское правительство еще не видѣло надобности начинать борьбу съ Турціей на балканской почвѣ: у него были полны руки заботъ у себя подъ бокомъ, въ Малороссіи и на крымской границѣ.

Въ 70-хъ годахъ XVII ст. Польша находилась уже въ непрерывной открытой войнѣ съ Турціей. Въ 1677 г. и московскія войска впервые скрестили оружіе съ турецкими войсками. Но то не было еще поднятіемъ „восточнаго вопроса“ со стороны московскаго правительства. О борьбѣ за Царьградъ не было еще и рѣчи. При первой встрѣчѣ русскихъ съ турками въ 1677 г. притязанія Москвы ограничивались всего только крѣпостью Чигириномъ.

А черезъ десять лѣтъ, въ правленіе царевны Софьи, Россія уже формально вошла въ составъ противотурецкой лиги, организованной Австріей и Польшей. Въ 1686 г. андрусовскій договоръ былъ превращенъ въ вѣчный миръ Россіи съ Польшей, андрусовскія пріобрѣтенія Россіи, включая и Кіевъ, окончательно закрѣплялись за Москвою, а Россія взаменъ брала на себя обязательство немедленно приступить къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи. И на этотъ разъ при распредѣленіи ролей между союзниками Россія взяла на свою долю такія дѣйствія, которыя еще не могли толкнуть ея на вмѣшательство во внутреннія отношенія Балканскаго полуострова: непосредственную борьбу съ Турціей приняли на себя Австрія и Польша, а Россіи досталась задача отвлекать военными диверсіями силы крымскаго хана. Такимъ образомъ выполненіе союзныхъ обязательствъ для Россіи сводилось къ работѣ надъ достиженіемъ своей чисто московской цѣли: обезопасенія южной границы московскаго государства отъ крымской орды.

Россія и ограничилась дѣйствіями противъ Крыма. Походы Василя

Голицына оказались неудачными. Сослуживъ нѣкоторую службу союзникамъ въ смыслѣ отвлеченія крымскихъ силъ, эти походы самой Россіи не принесли ничего. Даже для борьбы съ Крымомъ московское государство оказывалось малоподготовленнымъ. Гдѣ же тутъ было думать о вторженіи въ предѣлы Балканскаго полуострова и о движеніи на Константинополь?

А между тѣмъ оттуда уже неслись въ Москву горячіе призывы единовѣрцевъ о помощи не только противъ Турокъ, но и противъ... Австріи. 80-е годы XVII в. принесли для Австріи блестящіе военные триумфы. Къ 1687 г. послѣ ряда громкихъ побѣдъ надъ турками Габсбурги уже держали въ своихъ рукахъ всю Славонію и всю Венгрію до Дуная и Савы. Долго жданный освободитель балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига уже стоялъ у порога Балканскаго полуострова, но этимъ освободителемъ являлся вмѣсто православнаго московскаго царя римскій императоръ нѣмецкой націи. И вотъ православныя народности полуострова испугались „освободителя“ не менѣе, чѣмъ самаго турецкаго ига. Зависимость отъ „папистовъ“ улыбалась имъ столь же мало, какъ и басурманская неволя.

Между тѣмъ слухъ о томъ, что московскій царь вошелъ въ составъ священнаго союза противъ полумѣсяца облетѣлъ балканскія страны. И вотъ въ 1688 г. въ Москву прибылъ сербскій архимандритъ Исаія для того, чтобы передать царямъ совмѣстныя заявленія патріарховъ константинопольскаго и сербскаго ипекскаго, а также валахскаго господаря Щербаня Кантакузена о томъ, что всѣ греки, сербы и болгары молятъ московскихъ царей послѣшить имъ на помощь, прислать православное русское войско для завоеванія Константинополя, пока онъ не попалъ въ руки „папистовъ“, которые—лишь достанься имъ полная побѣда надъ турками—не преминутъ истребить на Балканскомъ полуостровѣ православную вѣру.

Правительница Софья вручила архимандриту письменный отвѣтъ на эти призывы. Отвѣтъ Софьи очень походилъ на отвѣтъ турецкаго султана ходокамъ изъ Казани и Астрахани. „Сначала нужно одолѣть крымскаго хана, а потомъ уже можно будетъ подумать и о дальнѣйшемъ“— вотъ къ чему сводилось содержаніе бумаги, которую Исаія повезъ изъ Москвы, но не довезъ до мѣста назначенія, такъ какъ на пути былъ арестованъ австрійскими властями.

Отвѣтъ Софьи можно принять за резюмирующее обозначеніе того предѣла, до котораго дошло развитіе русско-турецкихъ отношеній къ концу XVII ст.

Сравнительно съ XV вѣкомъ картина существенно измѣнилась. Изъ желаннаго союзника Турція уже превратилась для Москвы въ несомнѣннаго врага. Въ зачаточной формѣ намѣтились основныя линіи бу-

душаго „восточнаго вопроса“. Еще въ туманныхъ и неопредѣленныхъ очертаніяхъ, не столько какъ назрѣвшій фактъ, сколько какъ нѣкое предуказаніе отдаленно-грядущихъ событій вырисовывалась будущая роль Россіи, придвигающейся къ Константинополю во главѣ балканскихъ христіанъ и вынужденной при этомъ готовиться къ борьбѣ на два фронта заразъ: и съ Константинополемъ, и съ Вѣной.

Всѣ эти элементы будущаго восточнаго вопроса были уже готовы къ концу XVII в. Но само московское государство не только не участвовало въ этой подготовкѣ, но еще и не сознавало того, насколько близко касаются его обозначившіеся ея результаты. Австрія уже вплотную дошла до Дуная; балканскіе христіане уже предпрѣшили, что наперерѣзъ Австріи къ Константинополю должны будутъ двинуться русскіе полки; а въ Москвѣ въ это время государственные замыслы все еще не шли далѣе одолѣнія крымскаго хана. Правда, Алексѣй Михайловичъ въ своей любопытной пасхальной рѣчи торжественно призналъ освобожденіе балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига Божьимъ дѣломъ, религиозной обязанностью. Но вѣдь о Божьихъ дѣлахъ заботятся святые угодники и монахи; дипломатамъ же дай Богъ управиться только съ земными заботами: на такой точкѣ зрѣнія твердо стояли московскіе государственные дѣятели XVII столѣтія.

IV.

Царствованіе Петра I началось, какъ извѣстно, новымъ энергичнымъ приступомъ борьбы съ Турціей. Отбросивъ въ сторону планы покоренія Крыма, Петръ дебютировалъ съ созданнымъ въ Воронежѣ флотомъ подъ стѣнами Азова. Это было уже непосредственное нападеніе на владѣнія Турціи. Въ то же время Петръ заключилъ новые наступательные противъ Турціи союзы—съ Австріей и Венеціей. Казалось, надъ Турціей собиралась новая военная гроза. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ противотурецкимъ коалиціямъ подходилъ конецъ. Международная борьба рѣшительно мѣняла свое направленіе.

По смерти Яна Собѣскаго Польша, поглощенная избирательной борьбой, на цѣлый годъ должна была устраниваться отъ участія въ турецкой войнѣ. Въ то же время императоръ, не предувѣдомивъ союзниковъ, рѣшилъ вступить съ Турціей въ мирные переговоры: Австріи было уже не до Турціи, ея вниманіе было привлечено борьбой съ Франціей на Рейнѣ. Петръ, посѣтившій Вѣну въ 1698 г., тщетно пытался отклонить императора отъ заключенія мира съ турками на основѣ „uti possidetis“. Но и самъ Петръ былъ уже всецѣло захваченъ совершенно другой комбинаціей, надолго отвлекавшей его вниманіе отъ юга Россіи и отъ борьбы съ Турціей. Въ его умѣ была уже рѣшена великая сѣверная война.

Итакъ, предстояло мириться съ турками. Первоначально Петръ предъявилъ туркамъ черезъ своего посла Возницына не малый списокъ мирныхъ условий: 1) уступку Керчи, 2) свободу русскаго торговаго мореплаванія на Черномъ морѣ, 3) передачу грекамъ святыхъ мѣстъ въ Іерусалимѣ (которыя по настояніямъ Франціи были предоставлены латинянамъ) и 4) облегченіе податнаго бремени и предоставленіе свободы вѣроисповѣданія православнымъ грекамъ, сербамъ, булгарамъ и инымъ.

Послѣднія два условія весьма любопытны. То былъ первый случай формальнаго дипломатическаго обращенія русскаго правительства къ Портѣ въ защиту подвластныхъ туркамъ балканскихъ христіанъ. Предъявленіе этихъ требованій любопытно сопоставить съ слѣдующимъ фактомъ. Въ бытность Петра въ Вѣнѣ въ 1698 г. къ нему тамъ напелъ доступъ сербскій патріархъ и пространно и краснорѣчиво описывалъ русскому царю тяжелое положеніе своихъ соплеменниковъ подъ игомъ турокъ и подъ усиленнымъ натискомъ иезуитской латинской пропаганды. Турція рѣшительно отвергла всѣ эти условія. Любопытно, что Возницынъ при этомъ получилъ предписаніе справиться у константинопольскаго патріарха, можно ли было бы на случай новой войны Россіи съ Турціей рассчитывать на возстаніе всѣхъ балканскихъ народностей и на полученіе отъ нихъ фуража и провіанта для русскихъ войскъ. Очевидно, усиленные призывы, несшемся къ Москвѣ отъ балканскихъ христіанъ, начинали уже оказывать свое дѣйствіе; война съ турками въ представленіи русскихъ дипломатовъ мало-по-малу стала связываться съ мыслью о пропагандѣ среди балканскихъ христіанъ идеи борьбы за религіозно-національное освобожденіе.

Для подкрѣпленія своихъ требованій Петръ вывелъ свой флотъ изъ Азовскаго моря къ Керчи и даже отправилъ одинъ фрегатъ къ самому Константинополю. Продолженіе переговоровъ было возложено на чрезвычайнаго посла Украинцева. Украинцеву не пришлось съ внушительной настойчивостью защищать предъявленныя требованія. Приготовленія къ сѣверной войнѣ были уже въ полномъ разгарѣ, и Петръ то и дѣло торопилъ своего константинопольскаго посла съ заключеніемъ мира съ турками. Всѣ отмѣченныя выше требованія Россіи были отвергнуты, и миръ съ Турціей былъ заключенъ въ юль 1700 г. на слѣдующихъ условіяхъ: 1) русскія крѣпости по устью Днѣпра въ разрушенномъ видѣ передаются Портѣ съ тѣмъ, чтобы тамъ не воздвигалось никакихъ укрѣпленій; 2) Азовъ отходить къ Россіи; 3) уплата Россіею дани крымскому хану прекращается навсегда; 4) Россія получаетъ право держать при Портѣ своего резидента, пользующагося одинаковыми преимуществами съ представителями другихъ державъ.

Съ началомъ сѣверной войны Петръ естественно былъ крайне озабоченъ сохраненіемъ мира съ Портой. Но обстоятельства слагались

такъ, что ему не было возможности питать увѣренность въ прочности мира съ Турціей. Несмотря на заключенный миръ, Порта относилась къ Россіи съ величайшей подозрительностью. Тому было нѣсколько причинъ. Во-первыхъ, крымскіе татары, недовольные прекращеніемъ русской дани, прилагали усилія къ тому, чтобы добиться новаго разрыва Россіи съ Портой. Во-вторыхъ, между Россіей и Портой со времени царствованія Петра появилось новое яблоко раздора. То былъ русскій азовскій флотъ. Петръ проявлялъ настойчивыя стремленія къ тому, чтобы русскіе корабли получили возможность плавать по Черному морю и даже проходить черезъ Дарданелы. Порта, напротивъ того, боялась этого, какъ огня. Если уже появился на свѣтъ Божій русскій флотъ, то его, по крайней мѣрѣ, необходимо держать взаперти въ Азовскомъ морѣ, съ тѣмъ чтобы ни одно русское судно не могло проскользнуть въ черноморскія воды. „Черное море,—говорили турки,—должно остаться неприкосновеннымъ, какъ непорочная дѣвица“. Они говорили и другое: „Овлажденіе Чернаго моря русскимъ флотомъ будетъ означать конецъ Оттоманской имперіи“.

Петръ, скрѣпя сердце, держалъ свой флотъ въ Азовскомъ морѣ, но зато онъ дѣятельно работалъ надъ умноженіемъ судовъ въ составѣ этой флотиліи, держась того мнѣнія, что былъ бы только флотъ, а онъ уже самъ найдетъ себѣ рано или поздно нужныя ему гавани. Слухи объ этомъ въ высшей степени нервировали турокъ и напрягали ихъ враждебную подозрительность по отношенію къ Россіи. А вдобавокъ къ этому Петръ вопреки трактату 1700 г. построилъ на нижнемъ Днѣпрѣ новую крѣпость—Каменный Затонъ.

Назначенный въ Константинополь русскимъ резидентомъ знаменитый Петръ Андреевичъ Толстой испытывалъ на себѣ недоброжелательное отношеніе турокъ къ Россіи. Онъ жилъ въ Константинополѣ, точно въ непріятельскомъ лагерѣ, бойкотируемый населеніемъ, окруженный бдительнымъ надзоромъ властей.

Струны были натянуты до послѣдней степени, и если бы Карлъ XII былъ хотя немного болѣе предусмотрительнымъ политикомъ, ему ничего не стоило бы поднять Турцію на Россію, не дожидаясь полтавскаго разгрома.

Замѣчательно, что еще въ январѣ 1710 г., когда Карлъ, уже разбитый подъ Полтавой, жилъ въ Бендерахъ, русско-турецкій трактатъ 1700 г. былъ продленъ еще на 30 лѣтъ съ прибавленіемъ къ нему условія, чтобы шведскій король былъ отправленъ подъ турецкимъ конвоемъ за польскую границу. Только съ этого момента Карлъ энергично принялся за подготовку разрыва Турціи съ Россіей, и въ ноябрѣ того же 1710 г. султанъ объявилъ Россіи войну.

Эта война весьма знаменательна въ томъ отношеніи, что тогда Рос-

сія впервые на практикѣ сдѣлала опытъ возбужденія возстанія балканскихъ христіанъ противъ турокъ.

Въ манифестѣ о началѣ войны съ Турціей Петръ торжественно упоминалъ о „стонущихъ подъ варварскимъ игомъ турокъ христіанскихъ народахъ, грекахъ, валахахъ, болгарахъ и сербахъ“. Два серба, находившиеся на русской службѣ, Милорадовичъ и Лукичевичъ, были отправлены въ Черногорию къ митрополиту Данилу съ призывомъ къ возстанію противъ турокъ, и Милорадовичъ приступилъ къ организаціи этого возстанія, пользуясь деньгами, собранными съ черногорскихъ монастырей и купцовъ. Въ то же время чрезъ разнаго рода агентовъ были завязаны дѣятельныя сношенія съ сербами. И въ еще болѣе тѣсныя сношенія Петръ вошелъ съ валахскимъ и молдавскимъ господарями.

Извѣстно, чѣмъ все это кончилось. Первый опытъ выступленія противъ Турціи съ расчетомъ на возстаніе балканскихъ христіанъ окончился полной неудачей. Увлечшись надеждами на призракъ такого возстанія, Петръ поставилъ свое войско въ такое критическое положеніе, изъ котораго оказалось возможнымъ выйти лишь путемъ заключенія прутскаго мира на условіяхъ, обозначавшихъ въ сущности крушеніе всѣхъ предпріятій Петра на югѣ Россіи. Въ чемъ же состояла причина этой тяжелой неудачи?

Она сводилась главнымъ образомъ къ преувеличеннымъ представленіямъ, которыя Петръ извлекъ изъ донесеній различныхъ агентовъ о готовности балканскихъ христіанъ къ возстанію противъ турокъ при одномъ лишь приближеніи русскихъ войскъ къ предѣламъ Балканскаго полуострова. По расчетамъ Петра это возстаніе должно было послужить *орудіемъ* разгрома Турціи. На самомъ же дѣлѣ оно могло бы въ то время вспыхнуть лишь, какъ *слѣдствіе* одержаннаго русскими успѣха. Это недоразумѣніе и оказалось роковымъ для Петра. Одержавъ одну или двѣ громкихъ побѣды надъ турками, и, по всей вѣроятности, Балканскій полуостровъ запылалъ бы пожаромъ возстанія. Но Петръ привелъ къ Пруту весьма недостаточное войско въ увѣренности, что одного этого будетъ уже довольно, чтобы разгромъ Турціи былъ *начатъ* и *сдѣланъ* руками балканскихъ христіанъ. Балканскіе христіане ждали въ лицѣ Петра *освободителя* отъ турецкаго ига, а Петръ хотѣлъ ограничиться лишь ролью *подстрекателя* ихъ къ самоосвобожденію. Въ результатѣ и получилась для Петра прутская катастрофа.

Балканскіе христіане издавна возлагали на Россію свои надежды. Но для начала опредѣленныхъ дѣйствій во имя этихъ надеждъ имъ еще необходимо было убѣдиться въ реальномъ перевѣсѣ силъ Россіи надъ мощью Турціи: вѣдь горькія послѣдствія неудачнаго возстанія прежде всего имъ пришлось бы испытать на собственной судьбѣ въ видѣ усиленія турецкихъ карательныхъ репрессій. Это соединеніе страха

передъ Турціей съ надеждами на Россію всего выпуклѣе выразилось въ дѣйствіяхъ господарей придунайскихъ княжествъ. И Бранкованъ валахскій, и Кантеміръ молдавскій одинаково колебались между Россіей и Турціей, только колебанія ихъ разрѣшились въ протовоположномъ направленіи. Бранкованъ началъ сближеніемъ съ Петромъ и потомъ сталъ тяготѣть къ туркамъ, а Кантеміръ началъ съ готовности служить туркамъ противъ руссофильства Бранкована и потомъ перешелъ на сторону Россіи лишь въ силу предположенія, что турки предпочли ему Бранкована.

Такова была роль балканскихъ христіанъ въ русско-турецкой войнѣ 1710—1711 гг. Каково же было отношеніе къ нимъ Турціи и Россіи въ дѣлѣ этой войны?

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это была война вовсе не изъ-за балканскихъ христіанъ, а изъ-за азовскаго флота и изъ-за вопроса о Черномъ морѣ. Турки начали эту войну, потому что въ возникновеніи южно-русскаго флота видѣли смертельную для Турціи угрозу. А Петръ старался утратить турокъ возстаніемъ ихъ христіанскихъ подданныхъ, потому что ему во что бы ни стало было необходимо заглушить турецкую опасность въ виду его борьбы съ Швеціей.

Освобожденіе христіанъ отъ турецкаго ига вовсе не представлялось ему самоцѣлю. Вотъ почему передъ началомъ войны съ Турціей въ 1710 г. Петръ, принимая мѣры по подготовкѣ возстанія христіанъ, въ то же время усиленно старался предотвратить столкновение съ Турціей и искалъ для этого подходящихъ посредниковъ. Ясно, что, если бы эти старанія увѣнчались успѣхомъ и Петру удалось бы сохранить миръ съ Турціей, онъ тотчасъ снялъ бы съ очереди свои заботы о судьбѣ балканскихъ христіанъ.

Со стороны Петра война съ Турціей 1710—11 гг. по существу своему была оборонительной, а не наступательной, хотя формально Петръ и наступалъ на предѣлы турецкихъ владѣній. Вопросъ объ азовскомъ флотѣ и о Черномъ морѣ все же стоялъ тогда у Петра на второмъ планѣ въ общемъ составѣ его предпріятій. Его истинныя устремленія были обращены на балтійское побережье. И вотъ почему дебютъ Россіи въ качествѣ объединительницы балканскихъ христіанъ противъ Турціи блеснулъ тогда лишь какъ мимолетный эпизодъ русской внѣшней политики. Для болѣе твердаго вступленія Россіи на этотъ путь пора въ то время еще не пришла. Ея наступленіе совершилось лишь послѣ того, какъ жизненные интересы самого русскаго государства окончательно выдвинули на первую очередь необходимость закругленія южныхъ границъ государственной территоріи и развитія русскаго мореходства на Черномъ морѣ съ выходомъ въ проливы. Тогда назрѣлъ и новый фазисъ борьбы Россіи съ Турціей и новый фазисъ участія Россіи въ освобожденіи балканскихъ христіанъ.

V.

Прутскій миръ былъ полученъ Петромъ дорогою цѣной слѣдующихъ обязательствъ: 1) возвращеніе Турціи Азова въ томъ видѣ, въ какомъ онъ попалъ въ руки Россіи, 2) уничтоженіе Таганрога, Каменнаго Затона, двухъ крѣпостей на Днѣпрѣ къ югу отъ впаденія Самары и малой крѣпости на самой Самарѣ, 3) отказъ Россіи отъ права держать въ Константинополѣ своего резидента, 4) отказъ Россіи отъ вмѣшательства въ польскія дѣла и въ дѣла отпавшихъ отъ Россіи казаковъ, 5) обязательство предоставить шведскому королю свободный пропускъ чрезъ свои владѣнія и, если онъ того пожелаетъ, заключеніе съ нимъ мира.

Петръ всячески оттягивалъ сдачу Азова, разрушеніе Таганрога и выведеніе русскихъ войскъ изъ Польши. Изъ-за этихъ оттяжекъ сохраненіе мира съ Турціей нѣсколько разъ висѣло на волоскѣ, и лишь съ величайшими затрудненіями въ 1713 г. прутскій договоръ былъ подтвержденъ адрианопольскимъ миромъ, заключеннымъ на 25 лѣтъ. Съ 1714 г. вспыхнула война Турціи съ Австріей. Послѣ блестящихъ побѣдъ Евгения Савойскаго Австрія по пассоровицкому миру въ 1718 г. отхватила отъ Турціи малую Валахію и бѣлградскій пашалыкъ. Тщетно Петръ пытался примкнуть къ торжествующей Австріи: всѣ его предложенія о союзѣ были отвергнуты. Австрія и Англія открыли въ Константинополѣ усиленную дипломатическую кампанію противъ Россіи. Но русскій представитель Дашковъ нашель опору въ лицѣ французскаго посла маркиза де Боннакъ: борьба съ усиленіемъ Австріи составляла тогда главнѣйшую цѣль французской политики, а Петръ съ своей стороны въ это время обнаружилъ самое определенное тяготѣніе къ сближенію съ Франціей. При помощи Франціи Россія заключала новый договоръ съ Портой въ ноябрѣ 1720 г. Адрианопольскій миръ изъ срочнаго былъ превращенъ въ вѣчный, но при этомъ нѣкоторыя его условія были измѣнены къ существенной выгодѣ для Россіи. Такъ, уничтожалось безусловное воспрещеніе русскаго вмѣшательства въ дѣла Польши; Россія снова получала право держать въ Константинополѣ резидента на одинаковыхъ правахъ съ другими державами; русскіе купцы получали въ Турціи право свободной торговли, впрочемъ, только сухопутной; русскіе паломники получали свободный доступъ къ святымъ мѣстамъ.

Этимъ трактатомъ были ликвидированы русско-турецкія столкновенія эпохи Петра Великаго на Черномъ морѣ. Турція дала рѣшительный отпоръ попыткамъ Россіи раздѣлить съ Турціей обладаніе Чернымъ моремъ и создать тамъ свой флотъ. Столь же неудачными оказались и русскіе опыты ослабленія турецкаго могущества въ балканскихъ владѣніяхъ, населенныхъ христіанскими племенами.

Но борьба Россіи съ Турціей не была этимъ исчерпана въ началѣ XVIII ст. Она лишь была перенесена на другую арену. Здѣсь мы подошли къ важному явленію, которое часто упускается изъ виду тѣми, кто склоненъ искать историческаго возникновенія русско-турецкой борьбы исключительно въ отношеніяхъ Россіи къ балканскимъ христіанамъ. Въ теченіе долгаго времени русско-турецкія столкновенія сосредоточивались преимущественно на вопросахъ, не имѣвшихъ никакой связи съ жизнью балканскихъ народностей.

Начиная съ 20-хъ годовъ XVIII ст. яблокомъ раздора между Турціей и Россіей дѣлается не Черное, а Каспійское море, и предметомъ ихъ соперничества служить судьба не балканскихъ народностей, а заманчивыхъ своими естественными богатствами провинцій Персіи.

Торговья связи Россіи съ Персіей возникли задолго до Петра, и уже государственные дѣятели и крупнѣйшіе капиталисты московскаго государства отдавали себѣ ясный отчетъ въ значеніи персидской торговли шелкомъ. Петръ Великій во вторую половину своего царствованія обращаетъ сугубое вниманіе на проникновеніе въ Персію русскаго политическаго и торговаго вліянія. Не только завладѣніе восточнымъ побережьемъ Балтійскаго моря, но и превращеніе Каспійскаго моря во внутреннее русское озеро должно было, по его рѣшенію, вознаградить Россію за неудачи, понесенныя на Азовскомъ и Черномъ моряхъ. Но и тамъ Россіи суждено было встрѣтить на своемъ пути турокъ.

Уже въ 1715 г. Артемій Волинскій былъ отправленъ Петромъ ко двору шаха. Онъ долженъ былъ 1) подробно изслѣдовать внутреннее положеніе Персіи и преимущественно состояніе торговли шелкомъ и 2) внушить персидскому правительству ту мысль, что опаснѣйшими врагами Персіи являются турки. Въ своемъ отчетѣ Волинскій открывалъ самыя радужныя перспективы относительно легкости завладѣнія важными персидскими провинціями.

Петръ ждалъ лишь окончанія сѣверной войны, чтобы двинуться въ персидскій походъ. Въ юлѣ 1722 г. онъ уже былъ въ Астрахани. 23 августа этого года русскимъ сдался Дербентъ, центръ Дагестана. Вслѣдъ затѣмъ отрядъ Шипова обследовалъ Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ. Въ ноябрѣ 1722 г. Шиповъ занялъ Рештъ, а вскорѣ послѣ того генералъ Матюшкинъ захватилъ Баку. Всѣ эти захваты мотивировались желаніемъ помочь персидскому правительству противъ внутреннихъ мятежниковъ, хотя персидское правительство усиленно заявляло, что оно совершенно въ такой помощи не нуждается. Прибывшаго въ Россію шахова посла Измаила-Бега заставили подписать договоръ, на основаніи коего къ Россіи отходили Дербентъ, Баку, Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ, т.-е. все западное и южное побережье Каспійскаго моря, на вѣчныя времена. Шелкъ и нефть должны были отправляться

оттуда непременно въ Россію. Несчастный Измаиль-Бегъ, подписавъ такой договоръ, не рѣшился вернуться съ нимъ въ Персію и засѣлъ безвыѣздно въ Астрахани. Еще въ 1744 г. его видѣлъ тамъ одинъ англійскій купецъ. Шахъ отказался утвердить договоръ. Но Петръ несколько не смутился этимъ обстоятельствомъ: названныя провинціи и безъ того уже находились фактически въ его рукахъ.

Эти событія произвели страшный переполохъ на берегахъ Босфора. Своими прикаспійскими завоеваніями Россія придвигалась вплотную къ азіатскимъ владѣніямъ Турціи и перебивала у нея дорогу къ главенству надъ Персіей. Врагъ, только что отброшенный турками съ одной стороны, подкрадывался съ другого конца и вновь принимался подтачивать ихъ могущество. Нетрудно представить себѣ, какая страстная дипломатическая борьба закипѣла тогда въ Константинополѣ.

Какъ разъ въ это время туда прибылъ новый русскій резидентъ Неплюевъ. Ему сразу пришлось съ головою погрузиться въ бурный водоворотъ дипломатическихъ интригъ. Русско-турецкая распря привлекла живѣйшее вниманіе Франціи и Англии. Франція прежде всего была заинтересована въ томъ, чтобы Турція не переставала служить грозой для Австріи. А между тѣмъ, если бы на берегахъ Каспійскаго моря возгорѣлась русско-турецкая борьба изъ-за раздѣла персидскихъ провинцій, это неминуемо отвлекло бы силы Турціи на востокъ, и Австрія могла бы вздохнуть свободно. Между тѣмъ въ ослабленіи Австріи состояла въ то время главнѣйшая задача французской дипломатіи. Итакъ, Франція стремилась къ скорѣйшему улаженію русско-турецкаго конфликта на каспійскихъ берегахъ.

Совершенно обратное положеніе заняла Англія. Поступательныя движенія Россіи въ глубину персидскихъ владѣній тревожили Англій. Англичане желали сами безраздѣльно господствовать на персидскихъ рынкахъ, они отнюдь не хотѣли выпускать изъ своихъ рукъ торговлю персидскимъ шелкомъ. Отсюда прямой расчетъ англійской дипломатіи состоялъ въ томъ, чтобы всячески раздувать русско-турецкую распря и держать Россію подъ страхомъ турецкаго соперничества въ Персіи.

Такъ, константинопольскіе переговоры, которые пришлось вести Неплюеву, выростали въ сложную проблему международной политики, затрогивавшую перекрестные интересы всѣхъ крупныхъ европейскихъ державъ. Недаромъ эти переговоры изобиловали перипетіями, нѣсколько разъ прерывались, и лишь съ большими затрудненіями привели, наконецъ, къ заключенію русско-турецкаго договора 23 іюня 1724 г. Грузія осталась за Турціей, Дербентъ, Баку, Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ— за Россіей. Этимъ Каспійское море дѣйствительно превращалось во внутреннее русское озеро, такъ какъ полудикіе кочевники, занимавшие восточное побережье Каспійскаго моря, не были въ силахъ оспаривать

у Россіи этихъ владѣній. Остальные параграфы договора были посвящены разграниченію сферъ вліянія Россіи и Турціи въ прочихъ владѣніяхъ Персіи. Излагать содержаніе этихъ параграфовъ здѣсь не представляется надобности, такъ какъ договоръ этотъ никогда не былъ введенъ въ жизнь во всемъ объемѣ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи этого договора Петра Великаго уже не было въ живыхъ. Съ его смертью внѣшняя политика Россіи получила иную ориентировку.

VI.

Какъ мы только что видѣли, русско-турецкій договоръ 1724 г. былъ заключенъ при живѣйшемъ посредничествѣ Франціи. Французская дипломатія усматривала въ этомъ свой немаловажный успѣхъ, прежде всего направленный противъ Австріи. Возможно прочтѣе сблизиться съ Франціей стало въ то время горячей мечтою Петра Великаго. По смерти царя на его столѣ былъ найденъ проектъ русско-французскаго союзнаго договора. Мечты Петра шли еще дальше. Онъ стремился закрѣпить сближеніе Россіи и Франціи бракомъ своей дочери Елизаветы съ Людовикомъ XV или, по крайней мѣрѣ, съ какимъ-либо французскимъ принцемъ королевской крови.

По смерти Петра Екатерина и Меншиковъ первоначально лелѣяли тѣ же планы. Но Франція вошла въ иное политическое созвѣздіе. Народилось тѣсное соглашеніе Франціи, Англіи и Пруссіи. И вотъ, отвергнутая Франціей, Россія надолго бросается въ объятія Австріи. Остерманъ, неизмѣнный сторонникъ русско-австрійскаго союза, получаетъ рѣшающій голосъ въ вопросахъ русской внѣшней политики. 6 августа 1726 г. былъ подписанъ русско-австрійскій союзный договоръ. Но союзъ съ Австріей означалъ для Россіи не что иное, какъ возобновленіе открытой борьбы съ Турціей. Недаромъ въ томъ же засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта (10 февраля 1726 г.), въ которомъ былъ рѣшенъ вопросъ о союзѣ съ Австріей, было прямо постановлено, что союзъ этотъ нуженъ для обезпеченія помощи Австріи въ предстоящей борьбѣ съ турками.

Нерѣдко высказывается мнѣніе, что при ближайшихъ преемникахъ Петра русское правительство обнаружило готовность отступить отъ активной политики въ Персіи, и доказательство тому видѣли въ обратной уступкѣ Россіей въ 1729 г. Мазандерана и Астрабада афганскому владѣльцу Эшрефу. Иберсбергеръ правильно указываетъ на то, что въ названной мѣрѣ надлежитъ видѣть не отказъ Россіи отъ соперничества съ Турціей на персидской почвѣ, а лишь продиктованный обстоятельствами тактический ходъ, всѣ выгоды котораго оказывались на сторонѣ

России. Въдъ Мазандеранъ и Астрабадъ фактически все равно не были еще освоены Россіей, такъ что „уступка“ въ сущности являлась фиктивной, а между тѣмъ въ отплату за нее Эшрефъ бралъ на себя обезпеченіе за Россіей всѣхъ остальныхъ ея пріобрѣтеній въ Персіи, равно какъ и охрану свободныхъ торговыхъ сношеній Россіи съ Персіей, а черезъ Персію и съ Индіей. Итакъ, объ отступленіи изъ Персіи Россія и не помышляла, опредѣленно подготовляясь открыто схватиться съ Турціей, становившейся русскимъ поперекъ дороги въ развитіи ихъ агрессивныхъ персидскихъ плановъ. Это видно изъ упомянутого выше постановленія Верховнаго Тайнаго Совѣта; это видно и изъ сообщенія австрійскаго посла гр. Рабутина принцу Евгенію, сдѣланнаго тотчасъ по заключеніи русско-австрійскаго союзнаго договора 1726 г., о томъ, что русскіе твердо рѣшили захватить Азовъ. Правда, приступить къ выполнению этихъ плановъ не спѣшили. Промелькнули короткія царствованія Екатерины I и Петра II. Русское правительство было слишкомъ отвлечено въ это время иными заботами отъ персидско-турецкаго вопроса. Но гроза русско-турецкой войны не переставала висѣть въ воздухѣ. Она разразилась, наконецъ, въ царствованіе Анны Іоанновны. И Россія и Франція въ одинаковой мѣрѣ усердствовали въ томъ, чтобы поскорѣе возжечь новый пожаръ на Балканахъ. Россія стремилась сломить Турцію для того, чтобы избавиться отъ ея соперничества въ персидскихъ дѣлахъ. А Франція желала вызвать Турцію на бой съ Австріей, ибо успѣхи австрійскаго вліянія въ Константинополѣ все болѣе беспокоили французовъ не только по соображеніямъ общаго международнаго положенія, но и по непосредственнымъ экономическимъ расчетамъ. Австрія начинала уже перехватывать у Франціи выгоды торговли съ Левантомъ.

И вотъ, въ одно и то же время русская дипломатія начала усваивать все болѣе вызывающій тонъ въ сношеніяхъ съ Турціей, а Франція всѣми мѣрами обостряла отношенія Турціи къ Австріи. На Балканахъ все сильнѣе пахло порохомъ. Франція не останавливалась ни передъ чѣмъ. Французъ Бонневаль, политическій авантюристъ и ренегатъ, перешедшій было на австрійскую службу, а потомъ не ужившійся тамъ и рѣшившій всячески вредить Австріи, основался въ Босніи и съ благословенія французскаго правительства началъ организовывать мятежническія банды въ Венгрии и Семиградьи противъ Австріи. Цѣль была очевидна: посорить на смерть турокъ съ австрійцами. Австрія потребовала отъ Турціи выдачи Бонневала и получила отказъ. Но этимъ Франція не ограничилась. Неудачи Турціи въ войнѣ съ Персіей вызывали злобный ропотъ широкихъ массъ турецкаго населенія противъ правящихъ круговъ. Французскіе дипломаты не преминули подлить масла въ этотъ огонь. Въ Константинополѣ вспыхнула революція. Тронъ сул-

тана качался под натискомъ революціоннаго взрыва. Въ чистомъ выигрышѣ отъ этого осталась Франція. Съ переменною султана и всего состава правительства падишаха австрійское вліяніе въ Константинополь было сметено, и турецкій кабинетъ сталъ орудіемъ Франціи. Бонневаль водворился въ самомъ Константинополь въ качествѣ руководителя преобразованіемъ турецкой арміи и авторитетнаго совѣтника по дѣламъ внѣшней политики.

Между тѣмъ Россія рѣшительными шагами шла къ открытому разрыву съ Турціей. Франція въ началѣ 30-хъ годовъ сдѣлала было попытку сблизиться съ Россіей. Было ясно, что при данныхъ условіяхъ международнаго положенія такая попытка была обречена на неудачу. Ея окончательное крушеніе было ускорено смертью польскаго короля Августа II въ февралѣ 1733 г. Борьба за польскій престолъ обнажила со всей отчетливостью противоположность позицій Франціи и Россіи. Французскій кандидатъ въ польскіе короли Станиславъ Лещинскій долженъ былъ отсиживаться въ Данцигѣ отъ осады русской арміи и Франція стала хлопотать объ организаціи вторженія въ русскія владѣнія крымскихъ татаръ, а такая диверсія очевидно должна была явиться прелюдией къ русско-турецкой войнѣ. Русское правительство отдавало себѣ полный отчетъ въ неизбѣжности такой войны и само шло ей навстрѣчу. Въ 1735 г. Персіи были возвращены всѣ приобрѣтенія Петра Великаго, лишь бы она обязалась ни въ коемъ случаѣ не мириться съ турками; расчетъ былъ ясенъ: разгромивъ Турцію, рассчитывали легко вернуть себѣ уступаемыя персидскія провинціи и на свободѣ отъ турецкаго соперничества подчинить своему вліянію цѣликомъ всю Персію.

Извѣстіе объ этомъ соглашеніи встревожило Турцію, и султанъ отдалъ приказаніе крымскому хану вторгнуться съ 80 тысячами чело-вѣкъ въ кавказскія области и захватить Дербентъ и Баку. А русское правительство успѣшило признать этотъ шагъ Турціи за *casus belli*. 16 іюня 1735 г. кабинетъ министровъ постановилъ начать войну съ Турціей.

Россія вступила въ эту войну съ самыми смѣлыми надеждами. Минихъ представилъ Аннѣ такой планъ войны, рѣзко отмѣченный свойственнымъ этому генералу самолюбіемъ: въ 1736 г. взятіе Азова, въ 1737 г.—овладѣніе Крымомъ, Кубанью и Кабардой, въ 1738 г.—овладѣніе Бессарабіей, Молдавией, Валахіей, въ 1739 г.—взятіе русскими войсками Константинополя и коронованіе въ Софійскомъ соборѣ русской царицы въ греческія императрицы. Написать этотъ планъ перомъ было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Осуществить его мечомъ оказалось Аннѣ и Миниху не подъ силу.

Война дѣйствительно продлилась съ 1736 по 1739 г. Но ходъ и исходъ ея далеко не совпали съ предположеніями Миниха. Первый годъ

войны на самомъ дѣлѣ ознаменовался взятіемъ Азова. Но этотъ успѣхъ былъ отравленъ зловѣщими симптомами—Австрія не двинулась, а Персія, вопреки русско-персидскимъ соглашениямъ, помирилась съ Турціей. Минихъ опустошилъ Крымъ, но за недостаткомъ провіанта вернулся ни съ чѣмъ изъ этой экспедиціи, стоившей громаднѣхъ пожертвованій людьми. Въ Петербургѣ приуныли. Заходила уже рѣчь о томъ, чтобы вступить съ Турціей въ мирные переговоры на условіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ первоначальными радужными надеждами.

Но изъ-за Балканъ неслись ободряющіе призывы. Представитель Россіи въ Константинополѣ Вешняковъ бомбардировалъ Петербургъ депешами, въ которыхъ твердилъ, что стоитъ только русскому войску показаться на Балканскомъ полуостровѣ, какъ къ нему примкнутъ молдаване, валахи, греки, болгары и другія христіанскія народности, и быстрое паденіе Константинополя станетъ несомнѣннымъ.

На дѣлѣ, однако, нечего было и мечтать о быстрыхъ успѣхахъ. 1737 годъ очень мало подвинулъ дѣло. Правда, этотъ годъ начался заключеніемъ конвенціи между Россіей и Австріей 9 января 1737 г., по которой Австрія обязывалась приступить, наконецъ, къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи. Но то была уже не та Австрія, которая незадолго передъ тѣмъ была такъ страшна туркамъ. Принцъ Евгений сошелъ въ могилу. На смѣну ему въ руководители австрийскими военными силами полѣзли „мошки да букашки“. Общее состояніе Австріи не обѣщало ей военныхъ триумфовъ. Въ военной администраціи господствовалъ хаосъ. Финансы находились въ глубокомъ разстройствѣ. Немудрено, что выступленіе австрийцевъ на военную арену не оказало существеннаго вліянія на ходъ войны. Австрийцы „увязли“ въ Босніи, не достигая никакихъ положительныхъ результатовъ. Минихъ блеснулъ взятіемъ Очакова, хотя этотъ блескъ очень густо потемнѣлъ, когда стали извѣстны подробности очаковской операціи: на повѣрку, своимъ успѣхомъ Минихъ оказывался обязанымъ всецѣло ошибкамъ своего противника. Ласси ходилъ въ Крымъ и повторилъ прошлогоднюю исторію: опустошилъ часть полуострова и вернулся ни съ чѣмъ по недостатку провіанта. На этомъ русскіе фельдмаршалы и покончили операціи, почивъ на лаврахъ до слѣдующаго года.

Вмѣсто нихъ въ Немировѣ работали дипломаты, впрочемъ не съ бѣльшимъ успѣхомъ. Тамъ съ августа открылась конференція между представителями Австріи, Россіи и Турціи. Предложенія Россіи состояли въ слѣдующемъ: 1) Кубань, Крымъ и всѣ татарскія земли до Дуная отходятъ къ Россіи, 2) Молдавія и Валахія получаютъ независимое существованіе подъ властью особыхъ государей и подъ покровительствомъ Россіи. Это второе условіе вызвало протестъ со стороны не только турецкихъ, но и австрийскихъ уполномоченныхъ, ибо Австрія на-

мѣрена была потребовать Валахию себѣ. Турки же заявили, что условия, выставленныя Россіей, вообще признаются ими совершенно неприемлемыми. Тогда Россія значительно сократила требованія и, уже умалчивая о Крымѣ, Молдавіи и Валахи, заявляла притязанія на земли отъ Азова до Днѣпра, Кинбурна, Кубани и на островъ Тамань. Австрія также начала съ предъявленій чрезвычайныхъ требованій и потомъ сразу значительно сократила ихъ. Но ни запросы, ни скидки не производили на турецкихъ уполномоченныхъ сколько-нибудь замѣтнаго дѣйствія. Турки явились на конгрессъ просто-на-просто для того, чтобы 1) протянуть время въ переговорахъ и 2) попытаться, если можно, разорвать русско-австрійскій союзъ. Въ октябрѣ 1737 г. конгрессъ кончился ничѣмъ, несмотря на то, что Россія еще болѣе понизила свои требованія, соглашаясь удовольствоваться лишь Азовомъ, Очаковымъ и Кинбурномъ. Турки смѣло разорвали немировскіе переговоры: они не чувствовали себя одинокими, за спиной Турціи стояла Франція.

Тотчасъ по окончаніи Немировской конференціи Австрія обратилась къ Франціи съ просьбой о посредничествѣ. Россія заявила съ своей стороны, что и она не намѣрена отвергать французскаго посредничества, но считаетъ необходимымъ настойчиво продолжать военныя дѣйствія.

Но какъ разъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и началась заминка. 1738 годъ оказался совершенно безплоднымъ въ этомъ отношеніи. Минихъ дошелъ до Днѣстра и воротился вспять. Ласси совершилъ очередной набѣгъ на Крымъ съ обычной безрезультатностью. Тѣмъ и кончилась кампанія 1738 г. А въ Константинополь и Парижъ на всѣхъ парахъ шли уже дипломатическіе переговоры относительно выработки мирныхъ условий. Руководящая роль въ этихъ переговорахъ досталась Франціи.

Наконецъ, въ 1739 г. Минихъ, слѣдуя приказаніямъ изъ Петербурга, придавъ кампаніи рѣшительно наступательный характеръ. Русская армія двинулась въ Молдавію, разбила визиря при Ставучапахъ, взяла Хотинъ, безпрепятственно дошла до Яссы и при ликованіи христіанскаго населенія Молдавіи заняла все это княжество. Казалось, настала часъ реванша за прутскія неудачи Петра Великаго. Но какъ разъ въ это время Австрія, утомленная своими неуспѣхами, заключила миръ съ Турціей. Тогда и въ Петербургѣ заторопились съ миромъ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ миръ былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ. Россія получила только Азовъ, однако съ обязательствомъ срыть всѣ его укрѣпленія, и право построить крѣпость на донскомъ островѣ Черкасскѣ. Порты получила право построить крѣпость на Кубани. Таганрогъ не могъ быть возобновленъ, Россія не могла имѣть кораблей на Черномъ морѣ и могла торговать тамъ лишь посредствомъ турецкихъ судовъ. Большая и малая Кабарды остались свободны и должны были отдѣлять Россію и Турцію другъ отъ друга.

Это были поистинѣ ничтожные результаты борьбы, стоившей Россіи потери 100 тысячъ человѣкъ и огромныхъ денежныхъ жертвъ.

Иберсбергеръ указываетъ, однако, на одно послѣдствіе войны 1736—1738 гг., не приводившее къ непосредственному, осязательному результату, но получившее, по его мнѣнію, важное симптоматическое значеніе для будущаго. До этой войны Австрія, прославленная блестящими побѣдами принца Евгенія, выступала въ ореолъ грядущей наслѣдницы распадающейся Турціи. Событія 1736—1738 гг. сокрушили этотъ ея ореолъ. Съ этого времени упованія христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова уже не обращались къ Вѣнѣ, но сосредоточивались исключительно на единовѣрной и въ значительной мѣрѣ единоплеменной Россіи. Россія въ 1736—38 гг. не одержала существенныхъ триумфовъ. Но въ сознаніи христіанскаго населенія Балканскаго полуострова Россія была вознесена, если не собственными ея успѣхами, то неожиданными и глубокими неудачами Австріи. Торжественный вѣздъ Миниха въ Яссы и взрывъ ликованія молдавскихъ христіанъ, встрѣтившій этотъ вѣздъ, лишь рѣзче отгѣнили основной итогъ только что разсмотрѣнныхъ событій по отношенію къ балканскому вопросу. Въ сознаніи балканскихъ христіанъ ореолъ Австріи померкнулъ. Тѣмъ ярче вспыхнулъ ореолъ Россіи.

VII.

Время, протекшее отъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра Великаго до конца царствованія Анны, является въ исторіи русско-турецкихъ отношеній періодомъ борьбы Россіи съ Турціей изъ-за персидскаго, а не изъ-за балканскаго вопроса. Боролись за преобладаніе въ прикаспійскихъ областяхъ, но ареною открытаго столкновенія явились не Закавказье и не Персія, а Крымъ и Молдавія.

Въ Персіи Россія не выиграла ничего; напротивъ, все потеряла. Но ходъ событій раскрылъ русской дипломатіи и русскимъ правящимъ кругамъ глаза на то, чего они дотолъ какъ будто не замѣчали. Помимо отдаленныхъ персидскихъ плановъ и перспективъ, у Россіи въ борьбѣ съ Турціей оказались болѣе близкія и болѣе очередныя задачи: твердое включеніе въ предѣлы русской государственной территоріи степного юга, уничтоженіе вѣчной грозы со стороны Крыма, обезпеченіе возможности безпрепятственно развивать черноморскую торговлю. Всѣ эти задачи могли быть разрѣшены не иначе, какъ путемъ открытаго столкновенія съ Турціей. Начиная съ 40-хъ годовъ XVIII ст., въ ходъ русско-турецкихъ отношеній и происходитъ новый поворотъ; изъ вопроса азиатскаго русско-турецкое соперничество снова становится вопросомъ европейскимъ; воскресають притязанія, какъ будто покинутыя послѣ

прутской катастрофы 1711 г. И вмѣстѣ съ тѣмъ, вновь и все въ болѣе внушительныхъ формахъ подымается грозный какъ для Турціи, такъ и для Австріи призракъ установленія гегемоніи Россіи надъ балканскимъ славянствомъ.

Пробиться къ Черному морю и крѣпко припать къ государственной территории плодоносный югъ русской равнины — вотъ основная задача русско-турецкой борьбы; поднять на Турцію балканскихъ славянъ — вотъ основное средство одолѣнія Турціи, необходимаго для разрѣшенія вышеуказанной задачи. Таковы два коренныхъ пункта, около которыхъ неизмѣнно вращались всѣ перипетіи ближневосточной политики Россіи и при Елизаветѣ, и при Екатеринѣ II.

Сношенія Россіи съ балканскимъ славянствомъ уже при Елизаветѣ принимаютъ весьма оживленный характеръ. Россія поддерживаетъ, насколько можетъ, національно-культурное движеніе, начавшееся среди сербовъ. Въ одномъ эпизодѣ елизаветинской политики вдругъ съ наглядной ясностью освѣтилась связь русско-славянскихъ симпатій съ специально русской мѣстной потребностью прочнаго овладѣнія югомъ русской равнины. Елизаветинское правительство озабочивалось хозяйственной колонизаціей русскаго юга и напало на мысль связать эти заботы съ углубленіемъ русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Было рѣшено призывать для заселенія пустого юга русской равнины колонистовъ изъ среды балканскихъ славянъ! Россія получила бы такимъ образомъ нужныхъ ей колонистовъ, а среди балканскихъ славянъ укоренялась бы мысль о Россіи, какъ о надежномъ прибѣжищѣ для тѣхъ ея славянскихъ братьевъ, которымъ тяжело живется подъ игомъ турокъ или подъ опекой австрійцевъ! Идея была великолѣпна по остроумію положеннаго въ ея основу расчета. При Елизаветѣ былъ произведенъ и первый опытъ практическаго примѣненія этой идеи. Я разумѣю выходъ въ Россію изъ австрійской Сербіи полковника Хорвата съ нѣсколькими сотнями его соотечественниковъ, которые и были поселены между Бугомъ и Днѣпромъ. Какъ водится, въ своемъ практическомъ примѣненіи идея оказалась менѣе привлекательной, нежели въ отвлеченной своей чистотѣ. Но на подробностяхъ судьбы спутниковъ Хорвата мы здѣсь не будемъ останавливаться. Фактъ этотъ насъ интересуетъ въ настоящій моментъ лишь, какъ симптомъ въ развитіи международныхъ отношеній, связанныхъ съ балканскимъ вопросомъ. Австрія отнеслась къ этому событію съ нескрываемымъ безпокойствомъ и неудовольствіемъ. Ее тревожили успѣхи престижа Россіи среди балканскихъ славянъ, Турцію взволновала другая сторона этого дѣла: для защиты новыхъ колоній отъ татаръ Россія приступила къ постройкѣ новой крѣпости св. Елизаветы (будущій Елизаветградъ). Турція забила тревогу и поднимала жалобы на то, что этимъ нарушены условія Бѣлградскаго мира.

Былъ моментъ, когда въ воздухѣ какъ будто запахло новой войной между Турціей и Россіей. Но Турцію ожидалъ вскорѣ еще одинъ, гораздо болѣе тяжкій ударъ, сразу охладившій ея воинственные порывы.

Въ раздираемой враждою семьѣ европейскихъ государствъ подросъ новый членъ, безпокойный, властный и стремительно-настойчивый, своими рѣшительными дѣйствіями и притязаніями сразу перетасовавшій всѣ прежнія международныя отношенія. Читатель догадался, что рѣчь идетъ о Пруссіи. Ростъ Пруссіи вызвалъ, между прочимъ, одно явленіе, въ возможность котораго незадолго передъ тѣмъ врядъ ли повѣрилъ бы кто-нибудь въ Европѣ. Вступили въ союзъ два такихъ смертельныхъ дотолѣ врага, какъ Австрія и Франція, присоединившія къ своей компаніи и Россію. Эта коалиція составилаь противъ Пруссіи, но рикошетомъ ея появленіе больно ударило и по Турціи, которая въ своей борьбѣ съ Австріей и Россіей лишилась такого сильнаго соперника, какъ Франція. Россія съ своей стороны тотчасъ же учла все значеніе этой перемѣны. Характерно, что это сознаніе Россіей большей прочности своей позиціи по отношенію къ Турціи выразилась прежде всего въ образованіи русской торговой компаніи на Дону для основанія торговаго мореходства по Черному морю. Правда, планъ этотъ все же разбился о сопротивленіе Турціи, но самое появленіе такого проекта очень знаменательно; оно освѣщаетъ вполне отчетливо тѣ задачи и цѣли, которыя все сильнѣе начинали служить двигательными пружинами русской политики въ „восточномъ“ вопросѣ. Въ 1760—61 гг. правительство Елизаветы, обсуждая условія русско-французскаго торговаго договора, усиленно убѣждало Францію въ необходимости вынудить у Турціи согласіе на установленіе непосредственныхъ торговыхъ сношеній между Франціей и Россіей черезъ Черное море и проливы. Франція не взялась хлопотать объ осуществленіи такого плана, считая его безнадежнымъ.

Теперь Пруссія стремилась занять въ Константинополѣ мѣсто, только что очищенное Франціей. Въ столицѣ султановъ снова кипѣла страстная дипломатическая борьба, только партнеры перемѣнили мѣста. Пруссія совмѣстно съ Англіей вела ожесточенную дипломатическую кампанію противъ Франціи, Австріи и Россіи. Напрягая всѣ силы среди тяжелыхъ испытаній семилѣтней войны, Фридрихъ прибѣгнулъ, какъ къ одному изъ крайнихъ средствъ, и къ подготовкѣ татарскаго набѣга на южную Россію. Набѣгъ не состоялся лишь потому, что со смертію Елизаветы вся политическая ситуація мгновенно измѣнилась. Петръ III бросился въ объятія Пруссіи. Турки, только что передъ тѣмъ подстрекаемые Пруссіей противъ Россіи, вдругъ стали получать отъ Россіи недвусмысленныя побужденія къ войнѣ съ Австріей, при чемъ Россія обѣщала съ своей стороны дружественный нейтралитетъ. Но эксцентричное царствованіе Петра III промелькнуло, какъ тѣнь.

Екатерина II, занявъ престолъ, поспѣшила дать понять всѣмъ и каждому, что Россія снова возвращается къ серьезному и обдуманному веденію внѣшней политики. Что же это будетъ за политика? Вопросъ этотъ выяснился не сразу.

Вначалѣ у трона Екатерины боролись два течения. Канцлеръ Воронцовъ проповѣдывалъ упроченіе союза съ Австріей для того, чтобы, опираясь на этотъ союзъ, прочно утвердить политико-экономическое господство Россіи на Черномъ морѣ, и первымъ шагомъ къ тому, по его мнѣнію, должно было явиться покореніе Крыма, а слѣдовательно война съ Турціей. Но Воронцова осилилъ Панинъ, сторонникъ такъ называемой „сѣверной системы“, сторонникъ союза съ Пруссіей, Панинъ, говорившій въ 1763 г. прусскому послу Сольмсу, опасавшемуся сближенія Россіи съ Австріей: „Вамъ нечего бояться, пока моя постель не вынесена изъ дворца; вотъ лишь только вы услышите, что это случилось, тогда не сомнѣвайтесь, что разрывъ между Россіей и Пруссіей неизбеженъ“.

Фридрихъ II былъ, однако, чрезвычайно озабоченъ тѣмъ, чтобы закрѣпить связь Россіи съ Пруссіей и еще болѣе прочными узами, нежели вліяніе Панина. Превосходный къ тому способъ открылся для Фридриха въ вопросѣ о замѣщеніи польскаго престола. Въ октябрѣ 1763 г. умеръ Августъ III. Опять предстояла борьба за польскій престолъ. Нельзя было бы избрѣсти лучшаго способа для того, чтобы начисто перессорить Россію съ ея недавними союзницами — Франціей и Австріей. Въ апрѣлѣ 1764 г. былъ заключенъ русско-прусскій договоръ, по которому Фридрихъ обязался всячески содѣйствовать проведенію на польскій престолъ кандидата Россіи Понятовскаго. Въ отвѣтъ на это Франція и Австрія начали всѣми мѣрами подстрекать Турцію на войну съ Россіей, указывая на то, что съ появленіемъ Понятовскаго на польскомъ престолѣ Россія станетъ хозяйничать въ Польшѣ, какъ у себя дома, и это поведетъ къ такому усилению Россіи, которое не можетъ не угрожать Турціи страшной опасностью. Вмѣшательство Россіи въ дѣла Польши въ связи съ вопросомъ о диссидентахъ только подчеркивало вѣскость этихъ австро-французскихъ застрачиваній. Турція нервничала, волновалась, готовилась къ войнѣ. Рѣзня въ Балтѣ наполнила чашу ея страховъ и ея гнѣва.

Въ концѣ сентября 1768 г. русскій посланникъ въ Константинополь Обрѣзковъ былъ посаженъ въ тюрьму семибашеннаго замка, и диванъ объявилъ Россіи войну.

VIII.

Екатерина II не ожидала, что разрывъ съ Турціей наступитъ такъ скоро. Но неизбежность такого разрыва давно уже входила въ планы

русской дипломатии. Теперь въ Петербургѣ рѣшили приступить къ военнымъ дѣйствіямъ со всей энергіей. Точно была обозначена и цѣль войны: *завоеваніе свободнаго плаванія по Черному морю*. Французскій публицистъ Фавье мѣтко сказалъ въ мемуарѣ, составленномъ имъ въ 1773 г., что „война Россіи съ Турціей является прежде всего торговой войной, ибо для Россіи черноморская торговля имѣетъ столь же важное значеніе, какъ для Франціи, Испаніи и Англии—торговля американская“. Рѣшено было отправить на театръ войны двѣ арміи подъ командой кн. Голицына и графа Румянцева, а кромѣ того, согласно предложенію Григорія Орлова, послать флотилію въ Средиземное море въ Морею и Далмацію для извѣщенія подвластныхъ Турціи христіанскихъ народовъ о томъ, что Россія начинаетъ войну за вѣру Христову, и для устройства въ Черногоріи центральнаго пункта по предстоящимъ дѣйствіямъ по объединенію балканскихъ славянъ.

Такъ, опять на сцену появляются балканскіе славяне и снова Россія призываетъ ихъ къ совмѣстной съ собою борьбѣ съ турками. И снова освобожденіе славянъ отъ турецкаго ига ставится на очередь прежде всего потому, что это предпріятіе разсматривается, какъ удобная попутная задача, могущая служить хорошимъ средствомъ къ достиженію еще другой цѣли, составляющей непосредственный интересъ самой Россіи. Россія стремится выхватить для себя изъ рукъ Турціи господство надъ Чернымъ моремъ и при этомъ для нея является прямымъ расчетомъ двинуть на Турцію подвластныхъ туркамъ христіанъ. Ни разу еще русское правительство не принимало приготовленій къ возбужденію балканскихъ славянъ противъ Турціи въ такихъ широковѣщательныхъ формахъ, какъ теперь. Къ сожалѣнію, какъ это бывало со многими начинаніями Екатерины II, широковѣщательность замысла соединялась съ чрезвычайной поверхностнымъ характеромъ его практической разработки. Глубокая идея въ ея практическомъ примѣненіи размѣнялась на рядъ авантюръ, носившихъ на себѣ печать легкомысленнаго дилетантизма. Приведемъ нѣсколько наиболее яркихъ тому примѣровъ. Алексѣй Орловъ собралъ въ Пизѣ нѣчто вродѣ конференціи изъ нѣсколькихъ народныхъ вождей, прибывшихъ изъ Мореи и Румелии. Послѣдующія событія показали, что эта конференція не выработала сколько-нибудь опредѣленнаго и серьезнаго плана дѣйствій. Всѣ чувствовали, что при надлежащемъ отношеніи къ дѣлу изъ него могло бы получиться нѣчто грандіозное, но никто не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, какъ именно надлежало приступить къ его выполненію. И вотъ рѣшили дѣйствовать ошупью, наудачу.

Въ Молдавію и Валахію отправился полковникъ Каразинъ, переодѣтый монахомъ, съ воззваніями, отпечатанными въ Кіевѣ на сербскомъ и валахскомъ языкахъ. Затѣмъ надежды русскаго правительства обра-

тились на Черногорію. Но въ Черногоріи какъ разъ въ это время появился нѣкій Стефанъ Малый, объявившій черногорцамъ, что онъ не кто иной, какъ спасшійся изъ Россіи Петръ III, желающій помочь черногорцамъ въ завоеваніи независимости отъ турокъ. Авантюра самозванца имѣла не малый успѣхъ среди черногорцевъ, и многие изъ нихъ сплотились подъ его знаменемъ. Получалось чрезвычайно оригинальное положеніе. Екатерина, мечтавшая поднять черногорцевъ противъ турокъ, оказывалась опереженной въ этомъ предпріятіи своимъ собственнымъ, изъ гроба возставшимъ супругомъ! И Алексѣю Орлову предстояло, прежде чѣмъ помочь черногорцамъ низложить власть султана, заставить ихъ низложить собственнаго вождя, принявшаго столь неприемлемое для русскаго правительства имя! Съ этимъ двойнымъ порученіемъ въ Черногорію прибылъ кн. Юрій Владиміровичъ Долгорукій, посланецъ Алексѣя Орлова. Ему удалось низложить и схватить Стефана, но далѣе этого его дѣло не двигалось ни на шагъ. Напрасно онъ ждалъ приближенія русскаго флота къ берегамъ Черногоріи. Никто въ Черногоріи не откликнулся на его воззванія, да и онъ самъ боялся развивать свою дѣятельность, чувствуя себя одинокимъ, лишеннымъ поддержки и отлично зная, что его голова оцѣнена турками въ 5 тысячъ дукатовъ. Въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ выбраться изъ Черногоріи по-добру, по-здорову, а передъ отъѣздомъ не нашель сдѣлать ничего лучшаго, какъ освободить захваченнаго имъ Стефана, снабдить его русской офицерской формой и предоставить этому недавнему своему плѣннику письменное уполномочіе на управленіе Черногоріей впредь до своего туда возвращенія.

Этими странными шагами и ограничилась русская пропаганда въ Черногоріи передъ войной съ Турціей.

Въ 1769 г. открылась война. Въ январѣ крымскій ханъ вторгся въ Елизаветградскую провинцію и страшно опустошилъ ее. Въ апрѣлѣ Голицынъ перешель Днѣстръ, подошелъ къ Хотину и за недостаткомъ провіанта вернулся обратно за Днѣстръ и точно такая же безрезультатная диверсія была имъ повторена въ юлѣ. Въ Петербургѣ разсердились, рѣшили замѣнить Голицына Румянцевымъ съ тѣмъ, чтобы второй арміей вмѣсто Румянцева командовалъ Петръ Панинъ; но еще прежде, чѣмъ Румянцевъ успѣлъ принять отъ Голицына команду, Голицынъ нанесъ туркамъ страшное пораженіе подъ Хотиномъ и занялъ эту крѣпость. Визирь отступилъ за Дунай, а русскіе безпрепятственно заняли Молдавію и Валахію. Къ успѣхамъ этого перваго года войны присоединились еще безпрепятственное занятіе русскими Азова и Таганрога.

1770 годъ начался событіемъ, которое, какъ громомъ, поразило турокъ: въ архипелагъ прибыла вышедшая еще въ 1769 году изъ Кронштадта и обогнувшая всю Европу русская флотилія адмирала Спири-

дова. До этого никто въ Турціи не вѣрилъ возможности морского сообщения изъ Балтійскаго моря въ Средиземное. Тогда возстала Морей и за ней часть средней Греціи. Въ апрѣлѣ русскій флотъ, на которомъ находился и Алексѣй Орловъ, сосредоточился у Наварина.

Возставшіе греки ждали помощи отъ русскихъ, а русское правительство было убѣждено, что достаточно лишь подстрекнуть грековъ къ возстанію, и они уже сами справятся съ турками: на помощь грекамъ прибыло всего нѣсколько сотъ русскихъ солдатъ подъ командой Юрія Долгорукаго. Въ результатѣ получилось полное поражение греческихъ повстанцевъ. Тогда Орловъ поспѣшилъ предоставить грековъ ихъ собственной судьбѣ, и грекамъ пришлось искупить не оправдавшуюся надежду на помощь русскаго оружія вторженіемъ турокъ въ Грецію, ознаменовавшимся страшными насиліями и опустошеніями.

Между тѣмъ въ Чесменской морской битвѣ Турція лишилась сразу всего своего флота, а Румянцевъ въ іюлѣ и августѣ нанесъ сухопутнымъ силамъ Турціи страшныя пораженія при Ларгѣ и Кагулѣ и взялъ Аккерманъ и Браиловъ, а Панинъ занялъ Бендеры, хотя и цѣною громаднаго урона въ своей арміи.

Послѣ этихъ побѣдъ ногайскіе татары признали зависимость отъ Россіи, и уже въ полномъ разгарѣ шли переговоры Панина съ крымскимъ ханствомъ относительно подготовки отложенія Крыма отъ Турціи.

Въ сентябрѣ 1770 года обнаружился первый признакъ того, что Европа слѣдила съ тревогой за ходомъ русскихъ побѣдъ и что Россіи придется подводить итоги этимъ побѣдамъ не одинъ на одинъ съ Турціей, а при самомъ дѣятельномъ участіи европейскихъ державъ. Вѣстникомъ этого важнаго обстоятельства явился союзникъ Россіи Фридрихъ II. Онъ писалъ Екатеринѣ, что Турція обратилась въ Вѣну и Берлинъ за посредничествомъ, и съ своей стороны подавалъ совѣтъ приступить къ заключенію мира съ Турціей, дабы этимъ предотвратить замышляемую Франціей всеобщую войну. Недаромъ, конечно, Фридрихъ взялъ на себя эту роль добраго совѣтника. Ссылкой на воинственный пылъ Франціи онъ прикрывалъ собственную тревогу по поводу военныхъ успѣховъ своей союзницы. Побѣды Россіи грозили возвышеніемъ русскаго могущества на Балканахъ и разгромомъ Турціи. Это вовсе не входило въ планы Фридриха. Турція могла еще ему пригодиться на случай диверсіи противъ Австріи или противъ Россіи. Онъ не хотѣлъ также ни сближенія Россіи съ Австріей, ни усиленія одной изъ этихъ державъ на счетъ другой. Ему нужно было, чтобы Россія и Австрія постоянно уравнивали другъ друга и тѣмъ косвенно помогали возвышенію Пруссіи. Съ такими планами Фридрихъ твердо вступилъ на стезю „честнаго маклерства“.

27 сентября 1770 г. въ засѣданіи совѣта Панинъ впервые форму-

лировалъ русскія мирныя условія. Они сводились къ слѣдующему: 1) получение Азова и Таганрога, 2) свобода морской торговли на Черномъ морѣ, 3) общая амнистія всѣмъ бравшимся за оружіе и прежде всего грекамъ, 4) получение одного острова въ Архипелагѣ, 5) независимость татаръ, 6) занятіе на 25 лѣтъ Молдавіи и Валахіи въ счетъ покрытія военныхъ издержекъ, исчисленныхъ въ 25 милліоновъ руб. или взамѣнъ этого провозглашеніе независимости названныхъ придунайскихъ областей.

Фридрихъ никоимъ образомъ не могъ согласиться на такія требованія. Онъ полагалъ, что Россіи можно было бы удовольствоваться всего навсего однимъ Азовымъ! А такъ какъ подобный результатъ являлся бы слишкомъ уже несоразмѣрнымъ съ успѣхами русскаго оружія, то Фридрихъ еще въ 1769 г. намѣтилъ совершенно особый планъ ликвидаціи русско-турецкой войны. Планъ этотъ сводился не къ чему иному, какъ къ раздѣлу Польши. Взамѣнъ возвышенія на счетъ Турціи Россія получила бы кусокъ Польши, съ тѣмъ, однако, неперемѣннымъ условіемъ, чтобы такое приращеніе русской государственной территории было уравновѣшено соответственнымъ увеличеніемъ и Пруссіи, и Австріи также на счетъ польскихъ владѣній. Въ настоящее время не можетъ быть уже никакого сомнѣнія въ томъ, что планъ раздѣла Польши былъ состряпанъ въ берлинской дипломатической кухнѣ.

Первый очеркъ этого плана былъ сообщенъ Сольмсомъ Панину еще въ февралѣ 1769 г. подъ названіемъ проекта графа Линара. Тогда Панинъ остался глухъ къ такого рода предложеніямъ. Но зато Фридрихъ въ теченіе 1769 года успѣлъ сдѣлать все для того, чтобы подготовить Австрію къ проведенію задуманной имъ комбинаціи.

Мирныя условія, намѣченные теперь Панинымъ, къ которымъ Екатерина прибавила еще отъ себя требованіе уступки Кабарды, вызвали крайнее недовольство Фридриха. „Волосы стали у меня дыбомъ, когда я прочелъ эти условія“, писалъ онъ брату, а императрицѣ имъ было сообщено, что онъ никогда не рѣшится передать подобныя условія Турціи и Австріи. По заявленію Фридриха, все, на что могла бы рассчитывать Россія, не вызывая большого противодѣйствія со стороны турокъ и австрійцевъ, сводилось къ полученію Кабарды, Азова и свободного плаванія по Черному морю.

Въ Вѣнѣ русскія условія вызвали взрывъ негодованія. Австрійское правительство уже поднимало вопросъ о выставленіи противъ русскихъ арміи въ 60 тысячъ чел., если русскіе перейдутъ Дунай.

Между тѣмъ въ 1771 году русское оружіе пожало новые лавры. Правда, Румянцеву не удалось перейти Дунай; зато смѣнившій Панина кн. Вас. Мих. Долгорукій въ іюль 1771 г. овладѣлъ всѣмъ Крымомъ. Азовскій флотъ адмирала Сенявина погналъ передъ собою ту-

репкія суда и безпрепятственно занялъ Керчь, Еникале и другія крымскія гавани. Крымскій ханъ Селимъ-Гирей бѣжалъ въ Константинополь. Мурзы избрали новаго хана Сагибъ-Гирея, и въ августѣ 1771 г. Россія могла считать достигнутой давнишнюю свою цѣль: крымское ханство объявило себя независимымъ, а Керчь и Еникале находились въ рукахъ Россіи.

Эти успѣхи Россіи не могли не понизить воинственной рѣшимости Австріи. Но, съ другой стороны, и Россія, несмотря на эти успѣхи, обнаружила готовность значительно сократить первоначальныя свои условія. Чума, вспыхнувшая въ центрѣ Россіи, и безпорядки, которыми она сопровождалась, вызывали желаніе мира. И Россія сдѣлала важный шагъ по пути уступокъ: она заявила объ отказѣ отъ своихъ первоначальныхъ требованій относительно Молдавіи и Валахіи, соглашаясь вернуть ихъ Турціи безъ всякихъ условій. Это было какъ разъ то, чего добивался Фридрихъ. Теперь онъ двинулъ на всѣхъ парахъ свой планъ польскаго раздѣла, и въ февралѣ 1772 г. этотъ раздѣлъ уже сталъ совершившимся фактомъ. Фридрихъ могъ теперь спокойно дожидаться развязки русско-турецкой войны. Эта война продлилась еще два года. Россія не могла отказаться отъ ея продолженія, не добившись отъ Турціи признанія независимости Крыма (для всѣхъ, конечно, было ясно, что признаніе независимости Крыма послужитъ лишь первымъ шагомъ къ присоединенію Крыма къ Россіи) и права на свободное плаваніе по Черному морю—вѣдь то были основныя задачи, ради которыхъ Россія вела войну.

Объ эти требованія Россіи разбились двѣ попытки мирныхъ переговоровъ съ Турціей (фокшанскій и бухарестскій конгрессы). Между тѣмъ потребность Россіи въ скорѣйшемъ мирѣ все обострялась: внутри Россіи пылала пугачевщина.

Послѣ нѣсколькихъ новыхъ побѣдъ Румянцева въ 1774 г., наконецъ, въ іюль этого года былъ подписанъ кучукъ-кайнарджійскій миръ. Вотъ его основныя условія: 1) татары получаютъ независимость на всемъ пространствѣ земель въ Крыму, на Кубани, между Конскими водами и Днѣпромъ и между Бугомъ и Днѣстромъ, но Очаковъ остается за Портой, 2) Кинбурнъ, Керчь, Еникале, Азовъ и обѣ Кабарды отходятъ къ Россіи, 3) Молдавія, Валахія, Бессарабія возвращаются Портѣ, 4) Россія получаетъ право торговаго мореплаванія по Черному морю съ выходомъ въ Эгейское, со всѣми тѣми преимуществами, какими пользуются англичане и французы, и съ правомъ всюду держать консуловъ.

Эти территориальныя пріобрѣтенія сами по себѣ не были велики. Но ихъ важное значеніе заключалось въ томъ, что Россія все же становилась прочной ногой на Черноморьѣ и обезпечивала себѣ въ са-

момъ ближайшемъ будущемъ занятіе всей южной окраины русской равнины съ торговымъ выходомъ въ южныя моря.

А что же случилось съ планомъ освобожденія балканскихъ христіанъ? Освобожденія они не получили. Но кучукъ-кайнарджіійскій трактатъ все же заключалъ въ себѣ знаменательныя статьи, изъ которыхъ явствуетъ, что Россія вовсе не думала отказываться на будущее время отъ непосредственнаго воздѣйствія на балканскихъ христіанъ, видя въ такомъ воздѣйствіи важнѣйшій способъ держать турокъ подъ грознымъ дамокловымъ мечомъ.

Такъ, седьмая статья трактата гласитъ: „Блистательная Порта обѣщаетъ твердую защиту Христіанскому закону и церквамъ онаго, равнымъ образомъ позволяетъ Министрамъ Россійскаго Императорскаго Двора дѣлать по всѣмъ обстоятельствамъ въ пользу какъ воздвигнутой въ Константинополѣ, упомянутой въ 14 артикулѣ церкви, такъ и служащимъ оной разнымъ представленія и обѣщаетъ принимать оныя въ уваженіе, яко чинимыя довѣренною особою сосѣдственной и искренно дружественной Державы“. Въ статьѣ 14 читаемъ: „Россійскому Высочайшему Двору по примѣру другихъ Державъ позволено, кромѣ домашней въ домѣ Министра церкви, воздвигнуть въ части Галата, въ улицѣ Бей Оглу называемой, публичную греко-россійскаго исповѣданія церковь, которая всегда подъ протекцію оной Имперіи Министровъ остаться имѣетъ, и никакому притѣсненію или оскорбленію подвержена не будетъ“. По статьѣ 16-й Турція, принимая обратно въ свою власть Бессарабію, Молдавію и Валахію, торжественно обѣщала свято соблюдать рядъ условій, а именно: не препятствовать свободному исповѣданію жителями христіанскаго закона и содержанію ими своихъ церквей; оказывать должное почтеніе ихъ духовенству; возвратить церквамъ и отдѣльнымъ людямъ конфискованныя ранѣе земли; не препятствовать свободному выѣзду желающихъ оставить отечество; не допускать никакихъ притѣсненій при взиманіи налоговъ, а подать получать черезъ посылаемыхъ депутатовъ; позволять князьямъ Молдавіи и Валахіи имѣть при Блистательной Портѣ повѣренныхъ въ дѣлахъ изъ христіанъ греческаго закона и, наконецъ, Порта „соглашается, чтобы по обстоятельствамъ сихъ двухъ княжествъ министры россійскаго Императорскаго двора, при Блистательной Портѣ находящіеся, могли говорить въ пользу сихъ двухъ княжествъ и обѣщаетъ внимать онымъ съ сходственнымъ къ дружескимъ и почтительнымъ Державамъ уваженіемъ“.

Ст. 17 такимъ же образомъ обезпечивала амнистію, свободу исповѣданія и освобожденіе отъ податей для населенія острововъ Архипелага.

Совокупностью всѣхъ этихъ постановленій, въ сущности говоря, провозглашался въ высшей степени знаменательный принципъ, чрева-

тый въ будущемъ важными послѣдствіями. Въдѣ это было не что иное, какъ признаніе за Россіей права вмѣшательства во внутреннюю государственную жизнь Турціи, въ цѣляхъ охраны интересовъ подвластныхъ Портѣ христіанъ. Этимъ въ твердыню турецкаго могущества на Балканскомъ полуостровѣ впервые вонзался клинъ, которому суждено было затѣмъ все глубже и глубже проникать въ самую ея сердцевину. Въ этомъ смыслѣ кучукъ-кайнарджійскій трактатъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ прологъ къ процессу расщепленія и расчлененія турецкой державы на Балканскомъ полуостровѣ,—процессу, наполнившему XIX вѣкъ и неудержимо продолжающемуся и въ XX столѣтіи.

IX.

Первая попытка извлечь практическіе выводы изъ положеній кучукъ-кайнарджійскаго трактата была сдѣлана уже при Екатеринѣ II, но оказалась въ высшей степени неудачной.

Недавній опытъ долженъ былъ бы показать правительству Екатерины II, что проблемы, поднимаемая русско-турецкой борьбой, отличаются большой сложностью и требуютъ для удовлетворительнаго своего разрѣшенія серьезной и дѣятельной подготовки. Несмотря на побѣды, одержанныя Россіей въ послѣдней турецкой войнѣ, все же было совершенно очевидно, что война застала Россію врасплохъ и военные успѣхи русскихъ войскъ обусловились не столько силою Россіи, сколько слабостью Турціи: но въдѣ Турція была не одинока, въ борьбѣ съ нею приходилось считаться со всею сложностью общаго международнаго положенія, изъ котораго Турція извлекала для себя внушительную опору. Этимъ то именно и объяснялась такая рѣзкая несоразмѣрность полученныхъ Россіей результатовъ съ громкостью одержанныхъ ею надъ турками побѣдъ. Отсюда вытекаетъ тотъ выводъ, что удачное продолженіе борьбы съ Турціей было бы возможно не иначе, какъ при условіи сложной и заботливой военной и дипломатической подготовки.

Опытъ показалъ также, что было неразумно рассчитывать на быстрое и легкое воспламененіе возстанія балканскихъ христіанъ противъ турокъ при помощи такихъ наивно-топорныхъ приемовъ, какими ограничились агенты Алексѣя Орлова. Здѣсь открывалась въ высшей степени благодарная почва, но ее надлежало еще тщательно воздѣлать для полученія нужныхъ результатовъ. Цитированныя выше постановленія кучукъ-кайнарджійскаго трактата могли бы послужить къ тому надежной опорной точкой при осторожномъ, терпѣливомъ и искусномъ ея использованіи.

Екатерина II справедливо считала кучукъ-кайнарджійскій миръ не болѣе, какъ перемиріемъ. Неизбѣжность новой войны была предрѣ-

шена въ Петербургъ. Въ виду изложенныхъ выше данныхъ, программа подготовки къ дальнѣйшей борьбѣ, казалось бы, намѣчалась сама собою. Надлежало развить кипучую дѣятельность по оборудованію сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ Россіи и въ то же время настойчиво, но осторожно готовить благоприятную международную конъюнктуру и довѣрчивое къ Россіи расположеніе балканскихъ христіанъ.

Екатерина поступила какъ разъ наоборотъ. Для боевой подготовки Россіи не дѣлалось почти ничего, а между тѣмъ, по отношенію къ Турціи съ вызывающимъ шумомъ выдвигались самыя широковѣщательныя планы. Въ виду этого опытный и вдумчивый наблюдатель текущихъ событій могъ бы заранѣе предсказать тогда, что изъ воздвигаемой Екатериною горы родится мышь.

Тотчасъ по заключеніи кучукъ-кайнарджійскаго трактата между Россіей и Турціей пошли непрестанныя тренія. Турція не могла примириться съ независимостью Крыма, а Россія претендовала на различныя затрудненія, вопреки мирному договору выдвигаемая турками свободному прохожденію русскихъ судовъ черезъ Дарданелы.

Съ 1774 по 1783 годъ въ Крыму шла борьба турецкой и русской партій. Но участь Крыма въ сущности была уже предрѣшена. Въ 1784 г. состоялось его окончательное присоединеніе къ Россіи. Вторая русско-турецкая война стала неизбежной. Въ предвидѣніи ея Фридрихъ старался сдѣлать все возможное для предотвращенія сближенія Россіи съ Австріей: Онъ носился даже съ проектомъ прусско-турецко-русскаго союза. Но въ Петербургѣ было уже рѣшено вести войну съ Турціей въ союзѣ съ Австріей. Цѣлью войны ставилось ни болѣе ни менѣе какъ изгнаніе турокъ изъ Европы. На всѣхъ планахъ этого грандіознаго предпріятія лежала печать химерическаго воображенія Потемкина. Какими же ресурсами располагала Россія для осуществленія этихъ плановъ?

Ея собственная военная подготовка была самая первобытная. Вновь были предприняты шаги къ возбужденію балканскихъ христіанъ, но характеръ этихъ шаговъ указывалъ лишь на то, что Россія въ этомъ отношеніи не извлекла никакихъ уроковъ изъ неудачъ 70-хъ годовъ. Единственнымъ серьезнымъ ресурсомъ оставался союзъ съ Австріей. Но насколько этотъ союзъ самъ по себѣ былъ непроченъ, это можно было видѣть уже изъ первоначальнаго обмѣна мнѣній между союзниками.

Планы Россіи, какъ они были редактированы Безбородкой и дополнены Екатериной, сводились къ слѣдующему: Россія получить Очаковъ съ областью между Бугомъ и Днѣстромъ, Крымъ и два или три острова на Архипелагѣ для нуждъ своей торговли; Австрія получить Бѣлградъ съ частью Сербіи и Босніи. Затѣмъ, если война не приведетъ къ пол-

ному уничтоженію имперіи османовъ, то изъ Молдавіи, Валахін и Бессарабіи должно быть образовано самостоятельное княжество подъ именемъ Дакии (при этомъ не составляло секрета, что въ дакійскіе князья Екатерина прочила Потемкина), которое не должно быть соединено ни съ Россіей, ни съ Австріей; если же удастся всецѣло изгнать турокъ изъ Европы, то на Балканахъ должна быть восстановлена древняя греческая имперія, престолъ которой займетъ великій князь Константинъ Павловичъ, съ тѣмъ обязательствомъ, что эта имперія никогда не будетъ соединена съ Россіей. Границы греческой имперіи составятъ: Черное море, Дунай и тѣ области, которыя должны будутъ отойти къ Австріи.

Итакъ, оставалось лишь опредѣлить долю австрійскихъ приобретений. Вотъ тутъ-то сейчасъ же и вскрылась трещина въ русско-австрійскомъ единеніи. Іосифъ II намѣтилъ для Австріи слѣдующую долю: Хотинъ съ прилегающею къ нему областью, малую Валахію до Алуты, оба берега Дуная отъ Никополя до Бѣлграда съ крѣпостями Виддиномъ, Орсовой и Бѣлградомъ; затѣмъ все то, что окажется къ западу отъ прямой и кратчайшей линіи, соединяющей Бѣлградъ съ устьемъ Дрины у Адриатическаго моря, включая и венеціанскую Истрію и Далмацію. Венецію предлагалось вознаградить приобщеніемъ къ ея владѣніямъ Мореи, Кандіи, Кипра и другихъ острововъ Архипелага. Австрія должна была получить, кромѣ того, право свободнаго и безпошлиннаго плаванія по Дунаю до самаго его устья.

Екатерина выступила съ возраженіемъ противъ расширенія Австріи на счетъ венеціанскихъ владѣній, указывая на то, что Венеція понадобится въ качествѣ важнаго союзника противъ турокъ и что, съ другой стороны, греческую имперію нельзя лишать Мореи и острововъ Архипелага.

Это возраженіе Екатерины сразу охладило отношеніе Іосифа къ широкообъщательнымъ планамъ Россіи и только Кауницъ удержалъ его отъ прямого отвѣта Екатеринѣ въ томъ смыслѣ, что онъ не дастъ себя одурачить.

Во время знаменитой поѣздки Екатерины въ Крымъ Іосифъ прямо сказалъ французскому послу Сегюру, что онъ не потерпитъ водворенія русскихъ въ Константинополь.

Съ такими предзнаменованіями началась вторая русско-турецкая война. Планы Екатерины не стояли ни въ какомъ соотвѣтствіи съ подготовкой Россіи и съ условіями международнаго положенія. Это положеніе было для Россіи еще менѣе благоприятно, нежели въ 1768—1774 гг. Англія уже не оказывала прежней помощи русскому флоту. Шведскій король, только что укрѣпившій свою власть, напалъ на Россію въ разгаръ ея войны съ турками, Австрія вовсе не была солидарна

съ планами Россіи и притомъ должна была считаться съ тѣмъ, что въ тылу у нея была Пруссія, настроенная враждебно противъ австро-русскаго союза. И, наконецъ, несмотря на весь блескъ военнаго генія Суворова, одерживавшаго въ эту войну самыя громкія свои побѣды, все же было очевидно, что для продолжительной, упорной, грандіозной борьбы Россія въ военномъ и финансовомъ отношеніи не подготовлена. И гора, дѣйствительно, родила мышь.

Ясскій миръ 29 декабря 1791 г. принесъ Россіи всего только кусокъ степи до Днѣстра, теченіе котораго было объявлено границей между Россіей и Турціей. Вторая русско-турецкая война при Екатеринѣ представляла собою не что иное какъ потребовавшее весьма крупныхъ жертвъ доказательство того, что важныя проблемы, намѣченные кучукъ-кайнарджійскимъ трактатомъ, могутъ и должны быть разрѣшаемы совсѣмъ не тѣми способами, какіе были подсказаны легкокрылыми политическими мечтаніями Потемкина и Екатерины.

Х.

Я закончилъ изложеніе книги Иберсбергера и, можетъ быть, читатель не посѣтуетъ на меня за то, что я счелъ возможнымъ въ этомъ изложеніи войти въ нѣкоторыя подробности. Въдѣ балканскій вопросъ предстоить передъ нами въ настоящее время во всей своей остротѣ. Какъ ни расширилась къ началу XX столѣтія арена международныхъ столкновеній, а все же теперь, также какъ и въ XVIII в., при мысли о возможномъ взрывѣ всеобщей международной борьбы, взоры тревожно устремляются прежде всего на берега Босфора. Если не тамъ гайтся будущее разрѣшеніе назрѣвшихъ международныхъ конфликтовъ, то оттуда всего скорѣе можетъ быть придвинуть горящій фитиль къ тому пороховому погребу, на которомъ покоится современный европейскій миръ ¹⁾. При такомъ положеніи дѣла, думается мнѣ, бѣглый обзоръ историческихъ фактовъ, рисующихъ возникновеніе ближне-восточнаго вопроса, не можетъ не представить интереса для читающей публики. Въ теченіе XIX ст. ближне-восточный вопросъ чрезвычайно осложнился и развѣтвился. Но что касается роли и задачи Россіи въ данномъ вопросѣ, то въ этомъ отношеніи и сейчасъ остаются въ силѣ тѣ общія основы, которыя назрѣли къ концу XVIII ст. и очерку возникновенія которыхъ посвящено предшествующее изложеніе. Масштабъ и пропорціи составныхъ элементовъ балканскаго вопроса измѣнились съ тѣхъ поръ какъ нельзя болѣе. Но существенное содержаніе его оста-

¹⁾ Эти строки были написаны въ апрѣлѣ этого года. Какъ далеко былъ я тогда отъ мысли, что при появленіи ихъ въ печати европейская война будетъ уже въ полномъ разгарѣ!

лось прежнимъ. Какъ и въ концѣ XVIII в., оно сводится: 1) къ экономической необходимости для Россіи обезпечить себѣ свободное пользование проливами, и 2) къ естественному взаимному тяготѣнію балканскихъ христіанъ и Россіи ради общей цѣли давленія на Турцію: для балканскихъ славянъ это—вопросъ существованія, для Россіи—это вопросъ первостепеннаго экономического интереса. Это совпаденіе въ данномъ вопросѣ политики чувства и политики интереса и представляетъ надежнѣйшую гарантію жизнеспособности русско-славянскаго единенія.

Ошибки руководителей нашей дипломатіи не разъ наносили дѣлу этого единенія тяжкіе удары. Но на стражѣ этого дѣла стоитъ сила, болѣе вѣская, нежели измышленія отдѣльныхъ политиковъ и дипломатовъ. Эта сила называется *силою вещей*.

Мы не беремся судить о томъ, что хотѣлъ доказать Иберсбергеръ своимъ изслѣдованіемъ: вѣдь изслѣдованіе это только лишь начато и самая важная часть его—исторія развитія восточнаго вопроса въ XIX ст.—еще впереди. Но для насъ ясны выводы, дѣйствительно, вытекающіе изъ сопоставленныхъ до сихъ поръ австрійскимъ историкомъ фактовъ.

Исторически доказывается этими фактами, что единеніе Россіи съ балканскими христіанами не было предвзятой, отвлеченной отправной задачей русской ближневосточной политики. Но Россія была постепенно подведена къ этой задачѣ наиболѣе естественнымъ путемъ: произвольнымъ развитіемъ самихъ событий. Россіи нужна поддержка балканскихъ христіанъ для своихъ *русскихъ* цѣлей точно такъ же, какъ и балканскимъ христіанамъ нужна поддержка Россіи для своихъ *балканскихъ* цѣлей. Этимъ какъ разъ и обусловливается реальный и, слѣдовательно, жизненный характеръ ихъ взаимнаго притяженія, не угасающаго, несмотря ни на какіе промахи дипломатіи. Уже въ кучукъ-кайнарджійскомъ трактатѣ можно найти въ зародышѣ признаніе необходимости именно такой постановки даннаго вопроса.

А. Кизеветтеръ.

Пьяные илоты.

Нѣмецкія безчинства и европейская культура.

„Илотовъ иногда заставляли напиваться виномъ, послѣ чего ихъ вводили въ столовыя, чтобы они послужили молодымъ спартиатамъ отталкивающимъ примѣромъ ольвянїя“.

Плутархъ, ж. Ликурга, гл. 28.

Событія послѣднихъ мѣсяцевъ въ основныхъ своихъ чертахъ нельзя назвать неожиданными. Атмосфера европейской жизни сгущалась за истекшіе годы столь сильно, что надо было быть большимъ оптимистомъ, чтобы закрывать глаза на надвигавшуюся все ближе и ближе міровую катастрофу европейской войны. Но, какъ всегда, предвидѣть моментъ, когда наступитъ катастрофа, никто не могъ, и когда война началась, она захватила всѣхъ,—быть можетъ, даже тѣхъ, кто ее подготовлялъ и объявилъ,—нравственно врасплохъ. Арміи разрастались съ каждымъ годомъ, готовились къ мобилизаціи или мобилизовались, гигантскіе артиллерійскіе обозы приходили въ движеніе, въ воздухѣ пахло порохомъ и кровью, произносились оскорбительныя слова и посылались вызывающія депеши, но міру не хотѣлось вѣрить въ войну даже тогда, когда она уже была готова разразиться. Будущему историку надо будетъ учесть на-ряду съ личной отвѣтственностью опредѣленныхъ государей и общественныхъ круговъ и тотъ элементъ стихійности, который созданъ изъ массовыхъ настроеній, тщательно вскормленныхъ желтой прессой всѣхъ странъ, изъ легкомысленныхъ или безответственныхъ волевыхъ импульсовъ, изъ безмѣрно-опасной игры запугиваніемъ противника, изъ легковѣрныхъ или невѣжественныхъ надеждъ на чужое неустройство и высококомѣрнаго увлеченія собственными силами и достоинствами.

Будущему историку, вѣроятно, удастся выяснить со всей возможной точностью, какъ это случилось, что Германія, еще не испытавъ военного счастья, съ первыхъ же дней войны потеряла рядъ жестокихъ дипло-

матических поражений. Присоединение Англи къ Россіи и Франціи, нейтралитетъ Итали, категорическій отказъ Бельгіи подчиниться нѣмецкому ультиматуму, — все это несомнѣнныя и крайне тяжелыя для нѣмцевъ пораженія, послѣдствія которыхъ сейчасъ не поддаются учету.

Но уже теперь можно сказать, что однимъ изъ моментовъ, объясняющихъ, почему Германія не озаботилась подготовить себѣ лучшую дипломатическую, а стало быть и военную, обстановку для своего выступленія, является поразительная увѣренность въ своихъ силахъ, соединенная съ такимъ же пренебреженіемъ ко всему окружающему.

Едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что эта самоувѣренность ошеломила все европейское общество своимъ диапазономъ и грубостью своего проявленія. Развѣ не поразительна въ самомъ дѣлѣ та поистинѣ безпредѣльная самоувѣренность, съ которой Германія нарушила нейтралитетъ Бельгіи, твердо рассчитывая на немедленное повиновеніе или молниеносный разгромъ маленькой страны?

Второй характерной чертой нѣмецкихъ выступленій послѣдняго времени, чертой, ошеломившей Европу едва ли не больше всего, что сопутствовало пока войнѣ, является доходящая до невѣроятныхъ размѣровъ некультурность какъ власти, такъ и широкихъ слоевъ нѣмецкаго общества, проявляющаяся одинаково и въ полномъ пренебреженіи къ международному праву и договорамъ, съ одной стороны, и въ издѣвательствахъ, грубости и жестокости по адресу иностранцевъ, застигнутыхъ войной въ предѣлахъ Германіи, и по адресу мирныхъ обывателей занятыхъ нѣмецкими войсками областей, съ другой стороны. Германія, хвалившаяся долгое время тѣмъ, что въ франко-прусской войнѣ побѣду одержалъ нѣмецкій народный учитель, точно забыла о своихъ собственныхъ традиціяхъ и вернулась къ такимъ формамъ веденія войны, о которыхъ Европа, казалось, давно забыла. Только слѣпой не признаетъ, что впечатлѣніе, произведенное на общественное мнѣніе Европы этимъ чудовищнымъ фактомъ, для самой же Германіи хуже ряда проигранныхъ сраженій и самыхъ тяжелыхъ дипломатическихъ поражений. Запертые въ тюрьмахъ и на бойняхъ, мирные путешественники, принужденные убирать конюшни и солдатскія помѣщенія, выгнанные на полевые работы, избытые прикладами и лишенные всѣхъ средствъ пропитанія; женщины, раздѣтыя донага или систематически заплеванныя; больные съ сорванными повязками, наложенными послѣ операціи; родильницы, высланныя на другой день послѣ родовъ; дѣти, умершія отъ лишеній на глазахъ матерей; цѣлые города; подвергшіеся систематическому разгрому, — кровь стынетъ при мысли объ этихъ звѣрствахъ, и голова отказывается понять такое повальное безуміе.

Неимовѣрно трудно говорить обо всемъ этомъ, сохраняя видъ спо-

койствия, неизмовѣрно трудно. А между тѣмъ это нужно. Такъ же нужно, какъ нужно побороть въ себѣ первое естественное чувство—чувство, вызывающее къ жестокой беспощадной мести.

Исходъ войны покажетъ, чѣмъ Германія заплатитъ за свое самодовольство и свою жестокую грубость. Сейчасъ необходимо поставить вопросъ, откуда взялись эти черты, какъ онѣ выросли, какъ могли онѣ расцвѣсти такъ пышно, что повергли весь культурный миръ въ изумление? Стоитъ призадуматься надъ этимъ—хотя бы для того, чтобы предохранить остальные европейскіе народы отъ этой отвратительной заразы.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, дошла нація „поэтовъ и мыслителей“, какъ нѣмцы себя охотно называютъ, какъ дошла нація Гёте и Шиллера до такого умственного ослѣпленія и нравственного упадка? Вѣдь нечего и говорить, что тѣ факты издѣвательства и жестокости по отношенію къ беззащитнымъ путешественникамъ, къ старикамъ, женщинамъ и дѣтямъ, о которыхъ рассказываютъ очевидцы, что разстрѣлъ Соколова, разгромъ Калиша и Лувена не могутъ быть объяснены иначе какъ нравственнымъ одичаніемъ.

Вопросъ, возникающій передъ нами, имѣетъ не только временный интересъ. Онъ имѣетъ значеніе въ пониманіи всего нашего культурнаго развитія, въ частности для оцѣнки глубины и прочности первенствующей на земномъ шарѣ европейской цивилизаціи.

Именно поэтому разрѣшить его во всей его сложности вовсе не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, но подойти къ нему необходимо. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ произошло мессинское землетрясеніе, въ нѣкоторыхъ кругахъ возродились старыя мысли Вольтера о тщетѣ всего земного и о неприемлемости мира, какъ онъ есть, разъ возможна такая жестокая бессмыслица въ жизни природы. То, что мы наблюдаемъ сейчасъ въ Германіи, способно произвести не менѣе, если не болѣе, тяжелое впечатлѣніе относительно результатовъ культурнаго развитія человѣчества и можетъ побудить вспомнить разсужденія Руссо о вредномъ вліяніи культуры на нравственную природу человѣка. И то и другое сужденіе одинаково односторонне и преувеличено, но все же и въ томъ и въ другомъ есть зерно истины, есть достаточное основаніе для горькихъ думъ.

Изъ сказаннаго ясно, что я отнюдь не предполагаю предложить читателю полное разрѣшеніе упомянутой проблемы. Я хочу лишь высказать, быть можетъ, даже нѣсколько отрывочно, нѣкоторыя напрашивающіяся на мой взглядъ соображенія по этому поводу.

Прежде всего необходимо признать, что мы имѣемъ дѣло съ какой-то глубокой болѣзью всего нѣмецкаго народнаго организма. Ни самодовольство правящихъ круговъ, ни грубость и жестокость толпы не мо-

гуть быть поставлены въ вину одному только правительству или одной только толпѣ. Всякій народъ имѣетъ не только то правительство, которое онъ такъ или иначе заслуживаетъ, но и ту толпу, которую онъ создаетъ. Не только правительство самодовольно въ Германіи и не только толпа груба и жестока: правительство и толпа проявляютъ лишь массовыя народныя черты въ усиленномъ видѣ. Здѣсь эти черты какъ бы демонстрируются подъ увеличительнымъ стекломъ. И такъ же точно какъ нельзя сваливать отвѣтственность за нѣмецкія жестокости на „толпу“, такъ же точно близоруко винить въ нихъ одну лишь демагогію правительства или печати. Всякіе демагогическіе приемы имѣютъ лишь постольку значеніе, поскольку они находятъ откликъ въ той средѣ, къ которой они обращаются, а тонъ и поведеніе печати представляютъ опять-таки лишь отраженіе если не господствующихъ, то широко распространенныхъ настроеній. Поразившіе всѣхъ факты слишкомъ серьезны и трагичны, чтобы заглушевать ихъ значеніе или довольствоваться смягчающими ихъ объясненіями. За то, что произошло въ связи съ объявленіемъ войны въ Германіи, отвѣтственна вся нація въ цѣломъ, вся ея культура, весь ея бытъ. Это, разумѣется, не значитъ, чтобы каждый отдѣльный представитель націи могъ быть обвиненъ или заподозрѣнъ въ содѣйствіи или хотя бы въ сочувствіи къ совершившимся звѣрствамъ или даже въ сочувствіи къ той политикѣ, которая вовлекла всю Европу въ безконечно страшную войну. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что немало людей въ Германіи осуждаетъ и эту войну и безобразное поведеніе своихъ соотечественниковъ, но и отъ этого дѣло по существу не мѣняется. Война объявлена, звѣрства совершились, и если и то и другое могло совершиться и могло совершиться въ такихъ именно формахъ, то объясненіе все равно приходится искать именно въ нѣмецкой жизни въ цѣломъ, а не въ какихъ-нибудь относительно второстепенныхъ и случайныхъ явленіяхъ.

Самодовольство, доходящее до наглости, и грубость, доходящая до звѣрства, эти черты тѣсно связаны другъ съ другомъ. Ихъ нельзя отдѣлять другъ отъ друга и нельзя разбирать отдѣльно, ибо онѣ взаимно дополняютъ другъ друга. Попытаемся же разобраться въ ихъ возникновеніи и въ причинахъ ихъ пышнаго расцвѣта, попытаемся же сдѣлать это спокойно и хладнокровно, съ тѣмъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, съ которымъ врачъ обязанъ ставить свой діагнозъ, все равно, стоитъ ли онъ у одра болѣзни близкаго человѣка или врага.

Когда обсуждаются явленія той или иной національной жизни, ихъ чаще всего объясняютъ ссылкой на національный характеръ. Едва ли можно сомнѣваться, что это и есть то объясненіе, которое пользуется сейчасъ наибольшимъ успѣхомъ. Говорятъ ли одни о нѣмцахъ вообще, говорятъ ли другіе въ частности о сѣверныхъ нѣмцахъ и въ особенности

о пруссакахъ, для очень многихъ вопросъ разрѣшается просто, слишкомъ просто: нѣмцы по натурѣ грубо-заносчивы и по натурѣ же грубо жестоки, и война лишь вскрыла до очевидности эту основную черту ихъ натуры,—грубость во всемъ: въ мысли, въ чувствѣ, въ дѣйствіяхъ.

Нѣтъ болѣе сложнаго и болѣе тонкаго въ научномъ смыслѣ вопроса, чѣмъ вопросъ о національныхъ свойствахъ и национальномъ духѣ. Было бы странно отрицать, что совмѣстное долгое прошлое, однородныя условія быта и жизни, однородныя стремленія и цѣли, какъ бы всѣ эти однородныя черты ни возникли, накладываютъ извѣстную общую печать на психику каждаго народа и выдѣляютъ его болѣе или менѣе рѣзко изъ окружающей его среды. Я не рѣшился бы поэтому отрицать всякую возможность ссылокъ на національныя особенности при объясненіи тѣхъ или иныхъ современныхъ или историческихъ явленій. Но какъ историкъ, я знаю слишкомъ хорошо, съ какой исключительной осторожностью надо подходить къ этой проблемѣ. Именно потому, что такое объясненіе очень доступно, къ нему прибѣгаютъ непрерывно и готовы объяснить однимъ и тѣмъ же национальнымъ духомъ какія угодно, хотя бы даже противоположныя, черты, вызвавшія вниманіе наблюдателя. Если каждый отдѣльный человѣкъ полонъ противорѣчій, то что же сказать про цѣлую націю, за которой стоитъ тысячелѣтняя исторія, безчисленныя скрещиванія съ другими націями, долгій культурный процессъ, поставившій однихъ на вершинѣ знаній и всякихъ культурныхъ навыковъ и лишившій другихъ, отнюдь не всегда только социально низшихъ, и знаній и навыковъ? Надо надѣяться, что съ теченіемъ времени наука сумѣетъ разобраться въ этой проблемѣ, сейчасъ она безсилна передъ ней. Мало того, съ научной точки зрѣнія нѣтъ сейчасъ болѣе скороспѣлыхъ и менѣе обоснованныхъ сужденій, чѣмъ сужденія о национальномъ духѣ.

Самодовольство и жестокость,—мало ли въ нихъ обвиняли англичанъ и французовъ, и древнихъ римлянъ съ ихъ потомками, итальянцами, и насъ самихъ? Вспомните, что говорилось о высококомѣрно-самодовольномъ отношеніи англичанъ къ прочимъ европейскимъ и не-европейскимъ народамъ, что говорилось объ ихъ жестокости по отношенію къ туземному населенію ихъ колоній. И развѣ все это не объяснялось англійскимъ национальнымъ духомъ? Вспомните, что Тэнъ говорилъ по поводу французской революціи о своихъ соотечественникахъ французахъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ онъ вскрывалъ черты „жестокаго и сластолюбиваго гориллы“. Вспомните рассказы о жестокостяхъ бельгийцевъ въ государствѣ Конго и т. д. и т. д.

Вопросъ долженъ быть поставленъ шире и иначе.

Вся современная цивилизація, протестующая въ высшихъ своихъ проявленіяхъ противъ всякой грубости и жестокости, противъ всякаго

человѣкопенавистничества и пручающая къ терпимости и сердечному вниманію ко всякому человѣку, къ уваженію къ чужому праву и интересамъ, представляетъ драгоцѣнный цвѣтокъ, выросшій на совсѣмъ иной почвѣ, на почвѣ жестокаго невѣжества и варварства, звѣриныхъ инстинктовъ и звѣринаго эгоизма. Насчитывая въ своемъ прошломъ отъ одной до шести тысячъ лѣтъ полукультурной и культурной жизни, всѣ современныя цивилизаціи должны считаться съ десятками, а быть можетъ и сотнями тысячъ лѣтъ животнаго или полуживотнаго прошлаго. Это прошлое далеко не побѣждено. Въ каждомъ изъ насъ скрывается звѣрь, скрывается существо, подверженное и безумной паникѣ и жестокому опьянѣнію собственной силой, подверженное всѣмъ переходамъ отъ нѣжнаго альтруизма до жестокаго забвенія всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ. Вспомните ужасныя сцены, разыгравшіяся лѣтъ двадцать тому назадъ во время пожара на благотворительномъ базарѣ на улицѣ Gonjon: мужчины топтали и избивали женщинъ и другъ друга, чтобы найти выходъ изъ горящаго зданія. Вспомните, что дѣлается на корабляхъ, разбитыхъ бурей, и на шлюпкахъ и лодкахъ, когда у находящихся на нихъ нехватаетъ пищи и т. д., и т. д. Вспомните и то, какая огромная масса людей въ любой изъ европейскихъ странъ имѣетъ лишь внѣшнюю связь съ культурнымъ наслѣдіемъ прошлаго и располагаетъ лишь слабыми обрывками всего, что создано человѣческимъ гениемъ.

Культурныя навыки, а въ ихъ числѣ самыми драгоцѣнными несомнѣнно являются именно уваженіе къ чужимъ правамъ и вниманіе къ чужимъ интересамъ, представляютъ лишь сравнительно тонкій налетъ на чуждомъ имъ фонѣ. Для того чтобы признать этотъ фактъ, вовсе не надо доходить до гоббсовскаго *homo homini lupus*; надо только вдуматься въ ходъ культурнаго развитія всѣхъ народовъ и не закрывать глазъ на реальную жизнь.

Въ обычное время эгоистическіе инстинкты человѣка, живущаго среди культурнаго общества, сдерживаются усвоенными подъ влияніемъ семьи, воспитанія и среды навыками, сдерживаются могущественнымъ влияніемъ традиционныхъ формъ быта, страхомъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія или передъ преслѣдованіемъ государственной власти. Лишь только, однако, обычный ходъ жизни нарушается, лишь только жизнь насыщается призывомъ къ насилію или страхомъ за свою безопасность, какъ появляется острая опасность взрыва первобытныхъ инстинктовъ, дремлющихъ въ человѣкѣ и не устраненныхъ ни поверхностно воспринятой религіей, ни столь же поверхностно усвоенной культурой. Вотъ почему революціи и войны обычно будятъ въ человѣкѣ столько злобы, жестокости и звѣрства. Впечатлѣніе отъ неожиданно доставшейся власти такъ же развращаетъ человѣка, какъ и страхъ за свою жизнь или жизнь своихъ близкихъ.

Нечего и говорить, что ни революции, ни войны не поднимают только одной муты со дна народной жизни. Въ нихъ открывается въ то же время дорога къ высшимъ формамъ самоотверженнаго служенія ближнему, родинѣ, человѣчеству. И въ то же время эти два положенія такъ же точно не противорѣчатъ другъ другу, какъ хрупкость культуры и культурныхъ навыковъ не противорѣчитъ самому факту ихъ существованія и постепеннаго развитія и углубленія. Война и подобныя ей потрясенія нормальнаго состоянія культурной жизни представляютъ лишь благопріятную атмосферу для проявленія и развитія некультурныхъ и антикультурныхъ инстинктовъ.

Приходится считаться съ этимъ фактомъ. Передъ современнымъ человѣчествомъ давно стоялъ вопросъ о поднятіи не внѣшняго только, а внутренняго, культурно-нравственнаго уровня европейскихъ обществъ и массъ. Успѣхи техники и ростъ комфорта, распространявшійся на чрезвычайно широкіе круги, застилали передъ нашими глазами эту cardinalную проблему европейской и общечеловѣческой жизни. Къ ней нерѣдко относились, какъ къ несбыточной и сентиментальной мечтѣ. А между тѣмъ разрѣшеніе ея есть основной вопросъ всякой культурной жизни, условіе прочности и подлинности всякой культуры. Современныя нѣмецкія звѣрства представляютъ грозное memento mori для каждой цивилизаціи, которая забудетъ вопросы этики передъ успѣхами техники.

Въ чемъ же однако причина, почему атмосфера войны, благопріятствующая вообще развитію грубо-эгоистическихъ и насильственныхъ инстинктовъ, дала такіе ужасные результаты именно среди нѣмцевъ, постоянно кичившихся высотой своей культуры? Вѣдь нельзя же забывать, что нѣмецкая наука занимаетъ одно изъ первыхъ, а по мнѣнію многихъ даже первое мѣсто въ научной жизни человѣчества, что нѣмецкое искусство и нѣмецкая поэзія принадлежатъ къ лучшему, что создалъ гений человѣчества, что нѣмецкая школьная организація вызывала подражаніе сосѣдей, что нѣмецкая техника дѣлаетъ чудеса, что нѣмецкая промышленность извѣстна на всемъ земномъ шарѣ! Какъ примирить со всѣмъ этимъ звѣрства нѣмецкой толпы и равнодушіе къ нимъ нѣмецкой власти, какъ примирить съ этимъ безобразное отношеніе нѣмецкой власти и нѣмецкаго общества къ нарушенію элементарныхъ, не разъ торжественно признанныхъ, основъ международнаго права, того самаго международнаго права, подъ защиту котораго нѣмцы въ свое время пожелаютъ встать?

Съ точки зрѣнія изложеннаго здѣсь взгляда вопросъ сводится къ тому, чтобы выяснить, какія особенности германской народной жизни и исторіи ослабили именно среди нѣмцевъ вліяніе центровъ, задерживающихъ взрывъ некультурныхъ и животныхъ инстинктовъ, ослабили ихъ

вляние настолько, что уже теперь можно сказать, что, не потерявъ еще войны, нѣмцы уже потеряли свою честь?

Въ создани поразившихъ Европу нѣмецкой самоувѣренности и жестокости участвовалъ, повидимому, цѣлый рядъ факторовъ.

Едва ли не на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ назвать тотъ національный шовинизмъ, который сталъ усиленно развиваться съ начала прошлаго вѣка и который тщательно и послѣдовательно культивировался въ течение послѣднихъ пятидесяти лѣтъ и школой, и печатью, и властью. Корни его восходятъ довольно далеко. Я думаю, что не ошибусь, сказавъ, что ихъ слѣдуетъ искать въ событіяхъ и настроеніяхъ времени реформации, т.-е. XVI вѣка. Не только сами реформаторы, но и многие ихъ приверженцы считали себя избранными Богомъ носителями вѣчной истины, а въ Германіи и въ частности въ лютеранствѣ идея богоизбранничества опредѣленныхъ людей и религиозныхъ теченій еще въ лицѣ Лютера комбинировалась съ національной идеей борьбы противъ Рима и всѣхъ Welschen. Эта комбинація, возвеличивавшая нѣмецкій народъ или, точнѣе, его протестантскую часть до роли народа-богоносца, не утратила своего значенія и тогда, когда протестантскіе князья искали союза и защиты Франціи. Она пережила и тридцатилѣтнюю войну, и безсиліе Германіи въ XVIII вѣкѣ, и наполеоновское владычество. Послѣднее только усилило національное самосознаніе нѣмцевъ. Когда Фихте съ кафедры вновь созданнаго берлинскаго университета произносилъ свои „рѣчи къ нѣмецкой націи“, онъ убѣждалъ нѣмцевъ въ томъ, что именно на нихъ возлагается миссія спасти обще-человѣческую культуру. Публицистика временъ „освободительныхъ войнъ“ противъ Наполеона полна самыхъ преувеличенныхъ представлений о специфическихъ добродѣтеляхъ нѣмецкаго народа, — представлений, которыми полна и литература нѣмецкаго романтизма: „нѣмецкая вѣрность“, „нѣмецкая любовь“, „нѣмецкое мужество“ возвеличиваются до небесъ. Тяжкое и обидное для всякаго уважающаго себя народа несоотвѣтствіе между такой непомерно высокой самооцѣнкой и государственной немощностью Германіи, доведенной почти до положенія „географическаго понятія“, обостряло эти настроенія донельзя, и уже въ 1840 г., когда снова грозила война съ Франціей, можно было убѣдиться, что національная идея стала своего рода *idée fixe* всей интеллигентной Германіи и что она приобрѣла рѣзко агрессивный характеръ по отношенію къ сосѣдямъ—французамъ и славянамъ. Первыхъ при этомъ постепенно научились ненавидѣть какъ „наслѣдственныхъ враговъ“, притомъ и „безнравственныхъ“, и „легкомысленныхъ“, лишенныхъ „нѣмецкой основательности“ и „вдумчивости“, а вторыхъ одинъ изъ крупнѣйшихъ нѣмецкихъ писателей этой эпохи, Геббель, называлъ „народами-прислугой“ (*Bedientenvölker*): отсюда, очевидно, только одинъ шагъ до признанія ихъ „культурнымъ навозомъ“.

Въ этой оцѣнкѣ сходились и широкіе круги общества и либеральная или радикальная интеллигенція, ненавидѣвшая Россію, какъ защитницу европейской реакціи, а австрійскихъ славянъ—какъ союзниковъ австрійской власти во время революціи 1848 г.

Пораженіе національной идеи въ 1848 г. повергло общество въ глубокое разочарованіе, но не остановило начавшагося развитія. Оно лишь подорвало вѣру въ силу идеи и подготовило почву для политики „крови и желѣза“. Послѣ успѣховъ 1864 и 1866 гг. Бисмаркъ сдѣлался предметомъ настоящаго поклоненія, и съ этого времени, а въ особенности послѣ поразившаго всю Европу разгрома Франціи въ 1870—71 гг., въ Германіи создалась атмосфера, благоприятствовавшая до чрезвычайности культу силы. Первенствующее положеніе въ Европѣ, а стало быть и внѣ ея, выпавшее на долю Германіи, льстило нѣмцамъ тѣмъ болѣе, чѣмъ внезапно и неожиданно оно создалось. Старое убѣжденіе объ исключительныхъ свойствахъ нѣмецкаго народа усилилось въ такой же мѣрѣ, какъ и пренебреженіе къ сосѣдямъ, распространившееся и на „современный Кароагентъ“, на „торгашей“ англичанъ. И въ то же время ни эта самоувѣренность, ни это пренебреженіе не имѣли спокойнаго характера стараго барскаго міросозерцанія. Въ нихъ всегда чувствовалось безпокойство за прочность достигнутыхъ результатовъ и агрессивность по отношенію ко всѣмъ, кто не могъ или не желалъ мириться съ новымъ складомъ европейскихъ отношеній. Отсюда и союзъ съ Австріей, разросшійся потомъ въ тройственный союзъ, и „перестраховка“ Германіи путемъ тайнаго договора съ Россіей, отсюда и постоянный вызывающій тонъ нѣмецкой печати въ обращеніи со всѣми прочими націями, отсюда, быть можетъ, отчасти и нервная политика Вильгельма II.

Печать и школа, власть и общество были охвачены какимъ-то упоеніемъ по поводу міроваго первенства Германіи. Гигантскіе успѣхи нѣмецкой промышленности и торговли еще усиливали это настроеніе. „Молодой Германіи“, выросшей уже послѣ франко-прусской войны, было мало уже достигнутаго. Нарастали боевые лозунги пангерманизма, мысль о „величайшей Германіи“, которой только предстоитъ еще завоевать себѣ „мѣсто подъ солнцемъ“, которой необходимо рано или поздно посчитаться со всѣми, кто препятствуетъ ея триумфальному шествію,—съ Франціей, не забывшей объ Эльзасѣ и Лотарингіи и создавшей огромную колониальную имперію, съ Англіей, забравшей всѣ лучшія внѣевропейскія владѣнія въ свои руки, съ Россіей, не желавшей превращаться въ послушный Hinterland и давившей на Малую Азію и Балканскій полуостровъ. Борьба со всѣми тремя великими конкурентами одновременно представлялось однако нелегкимъ дѣломъ, а отказаться окончательно отъ счетовъ хотя бы съ какимъ-нибудь однимъ изъ нихъ не хо-

тѣлось, и вотъ нѣмецкая политика по очереди, а иногда и одновременно, то ухаживаетъ за сосѣдями, то брюскируетъ ихъ.

При такихъ условіяхъ пораженія были неизбежны (англо-бурская война, Марокко). По нѣмецкое общество, привыкавшее все больше къ тому, что „нѣмцы боятся Бога и больше ничего на свѣтѣ“, едва ли отдавало себѣ надлежащій отчетъ въ ихъ причинахъ. Оно, правда, чувствовало, что окружающее его недоброжелательство возрастаетъ, но оно не хотѣло отдать себѣ отчета въ его настоящихъ причинахъ, и объясняло его завистью и коварствомъ сосѣдей. Самоуверенные нѣмцевъ всѣхъ круговъ общества возрастало съ каждымъ годомъ. Печать старательно восхваляла все нѣмецкое и привыкла относиться иронически или пренебрежительно къ врагамъ. Школа и школьная литература проповѣдывали воинствующій націонализмъ: все развитіе человѣчества какъ бы имѣло своимъ результатомъ и своей цѣлью германскую имперію Гогенцоллерновъ. Создавалась та глубоко нездоровая атмосфера самохвальства, которая все снова поражала всякаго, кому приходилось за послѣдніе годы сталкиваться съ нѣмцами. Весь миръ былъ полонъ болѣзни и разложенія, одна Германія была въ корнѣ здорова и сильна. Будущее человѣческой культуры было связано съ ея знаменами, и только ослѣпление сосѣдей мѣшало имъ признать, что они всѣмъ лучшимъ въ своей жизни и въ прошломъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ были, есть и будутъ обязаны германцамъ вообще, нѣмцамъ въ частности. А если они этого не понимаютъ и не дѣлаютъ отсюда надлежащихъ выводовъ, то тѣмъ хуже для нихъ. Настанетъ часъ, когда Германіи поневолѣ придется поставить всѣхъ ихъ на мѣсто и обезпечить себѣ разъ навсегда покой отъ ихъ неразумной злобы.

Твердая увѣренность въ собственной правотѣ и поразительное нежеланіе считаться съ законными интересами и традиціями сосѣдей опиралось на быстро возраставшее требованіе, чтобы послѣдніе такъ или иначе раздвинулись, дабы дать мѣсто нѣмецкой торговлѣ и промышленности, питавшей съ каждымъ годомъ все большую часть націи. Сознаніе экономической важности вопроса о рынкахъ распространяло раздраженіе противъ сосѣдей въ широкихъ массахъ населенія, а увлеченіе собственными успѣхами вносило въ это раздраженіе элементъ пренебрежительнаго высокомерія. Въ концѣ-концовъ нѣмцы, подъ гнетомъ милитаристическаго развитія которыхъ стонала вся Европа, пришли къ глубокому убѣжденію, что не они тѣснятъ другихъ, а ихъ самихъ тѣснятъ со всѣхъ сторонъ. И наряду съ высокомеріемъ въ нихъ нарастала злоба,—злоба тѣмъ болѣе ожесточенная, чѣмъ больше нѣмцы привыкали видѣть въ себѣ соль земли. Нѣмцы стали смотрѣть на сосѣдей, какъ нѣкогда греки и римляне смотрѣли на „варваровъ“: въ ихъ сознаніи ихъ окружали именно варварскія или упадочныя націи, надъ которыми нѣмцы были призваны и имѣли право властвовать. Особен-

но ясно проявлялось такое отношеніе къ славянамъ и въ частности къ русскимъ. Вопросъ о Франціи считался по существу почти ликвидированнымъ и во всякомъ случаѣ ликвидація его представлялась, въ виду слабаго прироста французскаго населенія, лишь дѣломъ очень недалекаго будущаго. Другое дѣло Россія. Только благодаря ей Франція могла удерживать передъ лицомъ Германіи позиціи великой державы, но и сама по себѣ Россія представлялась постоянной угрозой для нѣмецкой гегемоніи. Правда, это былъ „колоссъ на глиняныхъ ногахъ“, и нѣмцы настолько привыкли къ этой мысли, что ихъ печать, наприм., удѣляла всему русскому поразительно мало мѣста. Правда, они не сомнѣвались въ полномъ политическомъ и нравственномъ разложеніи русскаго общества и государства, не сомнѣвались въ неизмѣримомъ превосходствѣ своего войска и своего флота надъ русскими, не сомнѣвались въ томъ, что при первомъ выстрѣлѣ изъ нѣмецкаго ружья Россія будетъ объята пламенемъ возстаній и революціи, аграрныхъ бунтовъ и рабочихъ безпорядковъ. И тѣмъ не менѣе мысль о русской опасности неотступно преслѣдовала нѣмцевъ, комбинируясь съ старой ненавистью къ реакціонному давленію Россіи на нѣмецкія дѣла и съ глубокимъ презрѣніемъ къ государственнымъ и культурнымъ способностямъ русскаго народа. Затаенный страхъ передъ грубой, дикой силой числа придавалъ отношенію нѣмцевъ къ Россіи совершенно особый характеръ, который проявился не только въ жестокихъ безобразіяхъ послѣднихъ недѣль, но и въ спѣшномъ объявленіи войны. Раздавить, растоптать врага раньше, чѣмъ онъ успѣетъ чрезмѣрно усилиться,—такова въ глазахъ нѣмецкаго правительства несомнѣнная цѣль начавшейся войны.

Казалось, что съ этимъ надо торопиться; казалось, что лучшаго момента не найти, и Германія бросилась очертя голову въ авантюру, равной которой Европа не видала со временъ Наполеона I. Высокомѣріе и самодовольство помѣшали учесть настроеніе Европы и въ частности Англии и Италіи, побудили пренебречь нейтралитетомъ Люксембурга и Бельгіи и занести надъ головой всей Европы бронированный кулакъ. То же высокомеріе и то же самодовольство заставили забыть, что для самой Германіи можетъ наступить моментъ, когда она будетъ вынуждена взывать къ защитѣ международнаго права, и никто не помѣшалъ озвѣрѣлой толпѣ творить свое гнусное дѣло надъ беззащитными людьми.

Но воинствующе-шовинистическій націонализмъ, самодовольство и высокомеріе сами по себѣ не даютъ достаточнаго объясненія всѣмъ содѣянными звѣрствамъ. Наряду съ этими фактами есть другіе болѣе сложные, менѣе уловимые, но, пожалуй, еще болѣе важные, съ которыми приходится тутъ считаться. Я имѣю въ виду рядъ моментовъ, приведшихъ къ своеобразному нравственному огрубѣнію широкихъ слоевъ нѣмецкаго общества и народа.

Вторая половина XIX вѣка отмѣчена во всей Европѣ увлеченіемъ реальностью мышленія и болѣе или менѣе острымъ пренебреженіемъ къ дѣйственной силѣ идеи и идеалистическихъ побужденій. Но ни въ одной изъ европейскихъ странъ нравственно разрушительное вліяніе этого факта не сказалось съ такой силой, какъ въ Германіи.

Выше уже было указано, что неудачный исходъ національной революціи 1848 г. повергъ Германію въ тяжелое разочарованіе. Такое же жестокое разочарованіе пережили въ то же время почти всѣ европейскіе народы, не исключая и англичанъ (распадъ чартистскаго движенія!), а Россія пережила нѣчто аналогичное по мѣрѣ ликвидаціи радостнаго возбужденія эпохи великихъ реформъ. И естественно, что разочарованіе было тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ интенсивнѣе были проснувшіяся въ 1848 г. надежды. Всѣ идеалы и лозунги непосредственно предшествовавшаго времени внезапно потускнѣли, а съ ними вмѣстѣ потускнѣла и вѣра въ организующую силу человѣческаго разума и человѣческой воли, такъ ярко нараставшая въ теченіе 30-хъ и 40-хъ годовъ во всей Европѣ. Наступила эпоха глубокой общественной реакціи, эпоха Шопенгауэра и Оффенбаха,—эпоха безнадежнаго пессимизма и эгоистическаго *je m'en fiche* 'изма. Въ основѣ своей эти настроенія не были для Европы новостью: нѣчто аналогичное она пережила въ самомъ концѣ XVIII и въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. И въ самомъ дѣлѣ, дважды—во второй половинѣ XVIII вѣка и въ 30-е и 40-е годы XIX вѣка—Европа возложила свои надежды на чудодѣйственную силу идеи, идеи правъ человѣка и гражданина или идеи социальной справедливости и національной свободы, и дважды—въ 1789 и 1848 г.—огромное напряженіе общественной энергіи окончилось тяжкимъ пораженіемъ.

Но если въ началѣ XIX вѣка противъ идеаловъ XVIII вѣка были выдвинуты идеалы романтизма и связанныхъ съ нимъ идейныхъ и политическихъ теченій, то послѣ 1848 г. мѣсто идеалистической философіи и публицистики предшествовавшаго времени вскорѣ занялъ позитивистическій реализмъ. Идеалистическія мысли и надежды осмѣивались какъ продуктъ своего рода сентиментальнаго недомыслия, недопустимаго для зрѣлаго человѣка прекраснодушія.

Въ реакціи противъ идеализма первой половины XIX вѣка было, несомнѣнно, здоровое зерно. Но было бы близоруко не замѣтить, что эта реакція выразилась не только въ расцвѣтѣ эмпирическихъ наукъ и въ болѣе осторожности философскихъ и иныхъ сужденій, но и въ реализмѣ бисмарковской политики „крови и желѣза“. Культъ идеи замѣнился культомъ организованной силы, надежды на человѣческое творчество—преклоненіемъ передъ стихійными законами природы и общественнаго развитія.

Этотъ поворотъ общественнаго настроенія сказался во всѣхъ сфе-

рахъ жизни и среди всѣхъ европейскихъ народовъ. Здѣсь невозможно не только разобрать, но даже указать всѣ его проявленія. Достаточно будетъ намѣтить главнѣйшія изъ нихъ, причемъ интересно остановиться не на тѣхъ изъ нихъ, которыя сказались въ формѣ упадка общественныхъ инстинктовъ и развитіи своеобразнаго узко-эгоистическаго аполитизма, а на тѣхъ, которыя оказали свое вліяніе на активную общественную мысль и формы ея осуществленія. При этомъ заранѣе можно ожидать, что „реалистическія“ тенденціи политической мысли должны были сказаться съ особенной силой какъ разъ въ той странѣ, въ международномъ и внутреннемъ строѣ которой энергія политической жизни достигла за послѣднія десятилѣтія наибольшаго напряженія, т.-е. именно въ Германіи.

Раньше чѣмъ остановиться на наиболѣе характерныхъ проявленіяхъ этого настроенія въ германской жизни, необходимо однако сдѣлать одну существенную оговорку. Указаніе на „реалистичность“ мысли и ея отрицательныя послѣдствія отнюдь не равносильно восхваленію добраго стараго идеалистическаго времени или жалобамъ на отсутствіе идеала въ современной жизни. Каждая эпоха человѣческой жизни, каждый періодъ національнаго развитія имѣютъ свои идеалы—небесные или земные, лежащіе въ прошломъ или будущемъ, политическіе или социальные,—и всегда человѣкъ ставитъ себѣ задачи, выводящія его за предѣлы обыденной жизни и привычныхъ формъ существованія. Въ этомъ отношеніи можно говорить лишь о большей или меньшей напряженности тяготѣнія данной эпохи къ переустройству жизни согласно нормамъ, признаваемымъ высшими по сравнению съ фактически существующими, но не объ отсутствіи такого тяготѣнія или такихъ идеальныхъ въ широкомъ смыслѣ этого слова нормъ. Въ частности Германія и послѣ 1870—71 гг. отнюдь не была лишена идеаловъ и стремленія къ нимъ. Характеръ того, что считалось идеальнымъ, т.-е. что подлежало осуществленію во имя лучшаго устройства жизни, былъ разнымъ въ разныхъ кругахъ нѣмецкаго общества. Было ли то культурное и связанное съ нимъ политическое главенство нѣмецкаго народа или социаль-демократическій Zukunftstaat, обезпеченіе преобладающаго положенія „благороднѣйшей части націи“ или развитіе либеральной демократіи или какія-либо другія задачи,—все равно всякое теченіе нѣмецкой общественной жизни ставило себѣ цѣли, требовавшія большаго напряженія ума и воли и представлявшія ихъ носителямъ крупными и „достоинными пота благородныхъ“.

Центръ тяжести вопроса заключается такимъ образомъ не въ отсутствіи идеалистическихъ (въ широкомъ смыслѣ) цѣлей, а въ томъ, какъ представляли себѣ путь къ ихъ достиженію и какъ считали возможнымъ и нужнымъ справляться съ тѣмъ сопротивленіемъ, которое встрѣтится на пути къ ихъ осуществленію. Въ этой именно области сказа-

лось своеобразно-развращающее влияние той „реалистичности“ мысли, о которой было упомянуто выше.

Бисмаркъ провозгласилъ, что національное объединеніе Германіи можетъ быть достигнуто не иначе, какъ „кровью и желѣзомъ“. Маркъсъ провозгласилъ, что созданіе социалистическаго строя возможно не иначе, какъ силой соединившагося пролетаріата, побѣдившаго своихъ враговъ. И тотъ и другой осмѣивали бредни утопическаго либеральнаго націонализма и утопическаго социализма.

Въ чемъ однако заключалась, въ концѣ-концовъ, „утопичность“ либеральнаго націонализма и „ненаучнаго“ социализма? Въ вѣрѣ въ творческую силу человѣческой личности, въ вѣрѣ въ человѣческую природу, въ вѣрѣ въ силу просвѣщеннаго и организованнаго общественнаго мнѣнія.

Можно такъ или иначе осмѣивать эти идеи, можно считать, что онѣ не выдерживаютъ критики историческаго и политическаго реализма, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что крутой поворотъ отъ нихъ въ сторону доктрины, исходящей изъ убѣжденія, что судьбы народовъ опредѣляются механическимъ соотношеніемъ силъ и готовностью использовать благоприятныя въ этомъ отношеніи условія путемъ обращенія къ „крови и желѣзу“, должно было наложить свою печать на духовный обликъ массъ.

Такия доктрины, какъ бисмарковская и тѣмъ болѣе марксистская, разумѣется, содержатъ въ себѣ много крайне существенныхъ элементовъ идеалистическаго порядка, но наиболѣе сильное впечатлѣніе на массы производятъ не эти, часто лишь молчаливо предполагаемые, элементы, имѣющие скорѣе теоретическій характеръ, а тѣ краткіе, упрощенные, практическіе лозунги, которые бросаются въ толпу какъ горячій матеріалъ и оставляютъ въ ея психикѣ далеко не только тотъ слѣдъ, на который рассчитывали сами создатели этихъ лозунговъ.

Можно смѣло сказать, что современная Германія воспиталась на Бисмаркѣ и Маркъсѣ, которыхъ она восприняла такъ же упрощенно, какъ она восприняла и Ницше, оказавшагося, какъ это, быть можетъ, ни звучитъ странно, въ своеобразномъ союзѣ и съ Бисмаркомъ и съ Марксомъ. Изъ комбинаціи этихъ трехъ упрощенныхъ донельзя вліяній сложились всѣ наиболѣе характерныя черты нравственнаго облика современной Германіи. Крайне любопытное массовое *struggle-for-life*’ерство, руководящееся чрезвычайно грубымъ представленіемъ не только о неизбѣжности, но и объ обязательности борьбы за существованіе,—такова основная черта этого нравственнаго облика. Въ немъ, въ обусловленномъ имъ напряженіи личной и коллективной энергии, заключалась и сила современной Германіи, но въ немъ же заключается и основная причина ея нравственнаго оскуднѣнія.

Право вообще, чужое право въ частности находится въ грубомъ пренебреженіи. Надо достигать—вотъ первый и основной законъ. А если на пути встрѣчаются какія-либо правовыя нормы, вродѣ, напри- мѣръ, правъ нейтральныхъ государствъ, то стѣсняться ими нечего. Цѣль оправдываетъ средство. Что-жъ дѣлать, если цѣль можетъ быть достигнута не иначе, какъ кровью и желѣзомъ?! Истинно сильный не остановится передъ сентиментальными соображеніями о недопустимости нарушенія чужихъ правъ. Единственная надежда на будущее въ собственной силѣ, притомъ прежде всего въ силѣ оружія, силѣ числа, силѣ механическаго натиска. Идеи хороши для созданія психологической базы, на которой создается спѣяленіе массъ, какъ ингредиентъ, поды- мающій ихъ настроеніе и дающій ему общее направленіе, но цѣль до- стигается кулакомъ, и да здравствуетъ бронированный кулакъ! Когда наступитъ борьба, тогда нечего будетъ стѣсняться какими-либо „сан- тиментами“. Тогда надо будетъ бить, и чѣмъ больнѣе удастся бить, тѣмъ лучше. Надо нагнать паническій страхъ на враговъ, надо прой- тись Аттилой по ихъ полямъ, чтобы и черезъ тысячу лѣтъ потомки помнили силу кулака, повергнувшаго въ прахъ ихъ предковъ.

Культь силы и кулака никогда не можетъ пройти даромъ для увлекающейся имъ націи. Незамѣтно онъ заражаетъ и тѣхъ, кто по всему складу своего міросозерцанія, казалось бы, далекъ отъ него. А когда онъ соединяется вдобавокъ съ ненавистью и презрѣніемъ къ врагу, тогда создается страшный ядъ, отравляющій весь народный организмъ. Вотъ виднѣйшій источникъ возмутительныхъ звѣрствъ и издѣвательствъ, которыми современные нѣмцы осквернили страну Гёте, Шиллера, Канта и Бетховена.

На-ряду съ указанными источниками этихъ звѣрствъ можно отмѣ- тить еще нѣсколько другихъ, относительно менѣе важныхъ и отчасти уже упомянутыхъ. Сюда относится стремленіе правящихъ круговъ под- нять воинственное настроеніе массъ путемъ планомернаго натравлива- нія ихъ на враговъ, созданная при ихъ же систематическомъ участіи нелѣпая шпіономанія, специфическая грубость прусскаго офицерскаго и унтеръ-офицерскаго состава, представляющая хроническое зло нѣ- мецкой арміи, и—last nos least—отсутствіе настоящаго желанія войны въ массахъ.

На послѣднемъ обстоятельстве стоитъ остановиться нѣсколько долѣ- ше. За послѣднія четыре десятилѣтія богатство Германіи возросло въ чрезвычайной степени и, несмотря на связанное съ этимъ обостреніе социальныхъ противорѣчій, выразившееся хотя бы въ гигантскомъ ростѣ нѣмецкой социаль-демократіи, нѣмцы не только гордились общенацио- нальными успѣхами, но въ массѣ своей были каждый за себя доволь- ны достигнутымъ и отнюдь не желали рисковать имъ ни во внутренней,

ни во внѣшней борьбѣ. Этимъ настроеніемъ несомнѣнно объясняется, на примѣръ, та затхлость внутренней политической жизни, которая позволяла Вильгельму II и прусскому юнкерству править Германіей по ихъ усмотрѣнію, не встрѣчая почти никакого серьезнаго сопротивленія, если не считать таковымъ газетную полемику и парламентскія рѣчи. Этимъ же настроеніемъ диктовалась и готовность на всякія жертвы на вооруженіе—въ нихъ усматривали неизбѣжный расходъ на страхование отъ войны и предпочитали его самой войнѣ, причемъ отвѣтственность за возрастаніе военныхъ расходовъ возлагалась и правительствомъ и народомъ цѣликомъ на коварство внѣшнихъ враговъ. Убѣжденные въ собственной правотѣ и силѣ и привыкше за рядъ лѣтъ къ уступчивости сосѣдей, особенно русскихъ, уступчивости, которая разсматривалась исключительно какъ признакъ слабости, нѣмцы всегда смутно надѣялись, что имъ удастся достигнуть всѣхъ своихъ цѣлей путемъ однихъ угрозъ безъ обращенія къ войнѣ. Когда война разразилась, она застигла ихъ врасплохъ, и чѣмъ меньше къ ней были по-настоящему готовы, тѣмъ больше озлобленія она сразу вызвала къ тѣмъ, кто коварно отказался подчиниться вѣсѣ столь разумнымъ и основательнымъ велѣніямъ Германіи. Добрая часть нѣмецкихъ звѣрствъ представляетъ, несомнѣнно, продуктъ этой злобы разъяреннаго нарушеніемъ его привычнаго, сытаго покоя, разсвирѣпѣвшаго при мысли о предстоящихъ экономическихъ и иныхъ лишеніяхъ, нѣмецкаго мѣщанина. Мѣщанство (въ культурномъ смыслѣ этого слова) всегда полно грубости, склонной при первомъ поводѣ перейти въ жестокость и звѣрство. А возрастающее господство культурнаго мѣщанства не даромъ отмѣчалось какъ характерный фактъ нѣмецкой жизни и внѣ и внутри Германіи. Если вѣрно, что нѣмецкій народный учитель выигралъ франко-прусскую войну, то вѣрно и то, что начавшюся войну проиграетъ нѣмецкій мѣщанинъ.

Высокомѣрно-самодовольный шовинизмъ, превратившійся въ догматъ, культъ силы и злоба встревоженнаго за свое благополучіе мѣщанина обезпечили успѣхъ всякому призыву къ насилию. Нѣмцы разыгрываютъ передъ лицомъ пораженной Европы роль пьянаго илота, показывающаго остальнымъ націямъ, какія опасности могутъ угрожать имъ самимъ, если онѣ неосмотрительно вступятъ на тотъ путь, на которомъ сами нѣмцы уже дошли до массоваго хулиганства. Центры культурныхъ чувствъ и культурной мысли парализованы, и наружу выступилъ варваръ,—худшій изъ варваровъ, тотъ, который возводитъ самое свое варварство въ патріотическую доблесть и глумится надъ культурной традиціей всѣхъ временъ, какъ надъ слюнявой глупостью.

Императоръ Вильгельмъ II лѣтъ десять тому назадъ призывалъ народы Европы „охранять ихъ драгоцѣннѣйшія блага“ отъ желтой опас-

ности. То, чему мы являемся свидѣтелями въ современной Германіи, даетъ народамъ Европы основаніе позаботиться прежде всего объ охранѣ культуры отъ внутренняго варвара, во сто кратъ болѣе опаснаго, чѣмъ всякая желтая опасность, того внутренняго варвара, который дремлетъ въ каждомъ народѣ и въ каждомъ изъ насъ и который въ такой омерзительной формѣ обнаружилъ свое присутствіе въ державѣ Вильгельма II. Имя этому варвару—человѣконенавистничество, преклоненіе передъ силой и мѣщанство. Борьба съ нимъ представляетъ самую настоящую потребность всей нашей культурной жизни.

Совершенно ясно, что сама по себѣ національная идея такъ же законна, какъ стремленіе отдать себѣ ясный и точный „реалистическій“ отчетъ въ условіяхъ жизни какъ отдѣльной личности, такъ цѣлаго народа и человѣчества. Мало того, для нормальнаго функционированія народной жизни бодрый оптимизмъ, всегда связанный съ извѣстной степенью индивидуальнаго довольства, представляется болѣе желательнымъ, чѣмъ неврастеническое брюзжаніе и постоянныя жалобы на свою судьбу.

То, противъ чего надо протестовать, это не національная идея, не реализмъ мысли, не чувство бодрого довольства, а шовинизмъ, пренебреженіе къ правовымъ и этическимъ цѣностямъ и мѣщанство. Въ этихъ извращеніяхъ здоровыхъ въ корнѣ своемъ мыслей и чувствъ заключается страшная опасность для культуры, воочью проявившаяся въ современной Германіи и грозящая всей Европѣ, если она не сумѣетъ найти противоядіе противъ нихъ.

Противоядіе это есть. Оно заключается въ основномъ ядрѣ подлинной человѣческой культуры, въ идеяхъ права, справедливости и любовнаго вниманія къ нуждамъ и интересамъ ближняго, все равно къ какой бы расѣ, къ какому бы общественному классу, къ какой бы средѣ онъ ни принадлежалъ. Нельзя строить будущее ни на борьбѣ народовъ, ни на борьбѣ классовъ. Борьба эта и безъ того совершается. Задача истинной культуры не можетъ заключаться въ томъ, чтобы возводить эту борьбу въ перль созданія, чтобы превращать реальный фактъ въ идеальную норму, чтобы укрѣплять всеми силами боевые лозунги и боевую ненависть, хотя бы съ надеждой на то, что впоследствии онѣ въ одинъ прекрасный моментъ почему-то исчезнутъ и уступятъ мѣсто взаимному сближенію и согласію. Нельзя всячески возбуждать звѣря въ человѣкѣ и въ то же время думать, что этимъ расчищаешь путь къ торжеству культуры. Культура и самодовольное презрѣніе къ инородцу или къ инако мыслящему, культура и поклоненіе силѣ, культура и самодовольно-комфортабельное мѣщанство—непримиримыя противорѣчія. Гдѣ растетъ одно, тамъ отмираетъ другое.

Современная европейская жизнь полна вѣковой злобы и ненависти,

политическаго и социальнаго неурейства, взаимнаго непониманія и плоскаго самодовольства, и было бы наивно думать, что легко замѣнить всѣ эти черты чертами, свойственными настоящей человѣчности и культурѣ, или что для этого достаточно одной проповѣди права, справедливости и любви. Передъ человѣчествомъ стоитъ огромная задача постепеннаго и послѣдовательнаго виѣдренія высшихъ этическихъ нормъ бытія въ жизнь всѣхъ и каждаго. На этомъ пути человѣчество не обойдется и впредь безъ войнъ и безъ борьбы, безъ тюремъ и наказаній, но и виѣшняя и внутренняя борьба могутъ и должны вестись подъ знакомъ возрастающаго уваженія къ противнику, подъ знакомъ самоограниченія во имя чужога права, подъ знакомъ великой христіанской идеи любви къ ближнему, не той обезьяньей любви, которая повторствуетъ всѣмъ инстинктамъ, лишь бы не причинить огорченія, а той настоящей любви, которая не останавливается ни передъ сопротивленіемъ, ни передъ должнымъ осужденіемъ вредныхъ для человѣчества, для народа, для отдѣльнаго человѣка свойствъ, которыми наше прошлое снабдило каждаго изъ насъ въ избыткѣ и съ которыми борьба не только законна, но и обязательна.

Было бы печально, если бы такого рода идеи звучали сентиментальностью. Повторяемъ, отъ проведенія ихъ въ жизнь зависитъ будущее всей европейской культуры. Германия показала намъ слишкомъ ясно, какая опасность грозитъ этой культурѣ, если она не вспомнитъ самымъ серьезнымъ и дѣятельнымъ образомъ о высшихъ этическихъ цѣнностяхъ, въ ней заключающихся и обусловливающихъ ея собственную цѣнность и прочность.

Ни высокая національная идея, ни высокая идея социальной справедливости не окажутся носителями творческихъ началъ культурной жизни, если они не войдутъ въ самую тѣсную связь съ высшей этической нормой уваженія и любви къ человѣку, уваженія и любви не только къ человѣку будущаго, національно-или социально-идеальнаго, государства, но и къ современному человѣку, какъ онъ есть сейчасъ, со всѣми его достоинствами и недостатками.

Обезображенное злобой лицо современной Германии должно послужить всѣмъ намъ страшнымъ предостереженіемъ и урокомъ.

Э. Д. Гриммъ.

1870 и 1914.

I.

Можно считать исторической аксіомой, что войнъ чисто-идеалистическихъ не бываетъ: всякое правительство, объявляя войну, ставитъ себѣ при этомъ цѣль временную и конкретную, точнѣе говоря — эгоистическую цѣль. Разумѣется, эгоизмъ эгоизму рознь, и цѣли войнъ бываютъ чрезвычайно различны. Эгоизмъ государя, объявляющаго войну въ видахъ личнаго честолюбія или въ интересахъ своей династіи, нельзя сравнить съ національнымъ чувствомъ самосохраненія или со стремленіемъ поработеннаго народа къ независимости; но и тамъ, гдѣ народъ борется за свою цѣлость или свободу, его побуждаетъ къ войнѣ, очевидно, эгоистическій интересъ. Всегда и всюду вѣрнымъ остается общее положеніе: война есть орудіе личнаго или коллективнаго самоутвержденія.

Но эта формальная истина еще нисколько не рѣшаетъ вопроса о *моральномъ* смыслѣ войнъ. Для всякаго ясно, что моральная оцѣнка той или другой войны вполне опредѣляется характеромъ тѣхъ цѣнностей, которыхъ эгоистически домогается, или которыя эгоистически отстаиваетъ воюющее правительство или воюющій народъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда публичный лозунгъ войны звучитъ весьма симпатично, осторожный наблюдатель постарается тщательно разузнать, какія *реальныя* права или блага поставлены на карту; и тутъ сплошь и рядомъ оказывается, что видимо-угнетаемая сторона отстаиваетъ съ оружіемъ въ рукахъ дѣло тьмы и злобы, тогда какъ „насилъники“, будучи формально неправы, въ дѣйствительности служатъ добру. Такова была, на примѣръ, война сѣверныхъ и южныхъ штатовъ Америки въ серединѣ прошлаго вѣка. Тѣ семь южныхъ штатовъ, которые въ 1861 году вышли изъ союза и образовали отдѣльную федерацію, дѣйствовали на основаніи своего естественнаго права; они отстаивали свое политическое самоопредѣленіе: что можетъ быть законнѣе? И напротивъ, рѣшеніе сѣверянъ удержать ихъ въ союзѣ было актомъ насилия. Но за этими формальными категориями скрывалось, какъ извѣстно, нѣчто дру-

гое: фактически южане боролись за право рабовладѣнія, сѣверяне—за уничтоженіе невольничества, и прavoта послѣднихъ въ нашемъ сознаниіи опредѣляется исключительно этой ихъ реальной программой. Такимъ образомъ, весь вопросъ въ томъ, насколько *дѣйствительное* назначеніе войны совпадаетъ съ направлениемъ духовной культуры человѣчества; степенью этого совпаденія и измѣряется культурная цѣнность войны. Конечно, кругозоръ современниковъ ограниченъ; очень часто война, казавшаяся современникамъ прогрессивною, въ своихъ далекихъ послѣдствіяхъ оказывается тормозомъ для прогресса,—и наоборотъ; завоеваніе Англии Вильгельмомъ Завоевателемъ было грубымъ и безбожнымъ насилиемъ, и однако исторіей оно оправдано, такъ какъ обусловленное имъ смѣшеніе расъ создало на Британскихъ островахъ первоклассную культурную почву. Но здѣсь, какъ и во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, моральная оцѣнка не можетъ считаться съ неизвѣстнымъ будущимъ: она должна быть абсолютна, какъ по своей природѣ (ибо въ ней всегда заключено зерно вѣчной правды), такъ и потому, что она сама есть жизненный факторъ, орудіе культуры.

Итакъ, война, будучи по способу своего осуществленія дѣломъ глубоко-антигуманнымъ и служа всегда эгоизму, личному ли, или національному,—можетъ тѣмъ не менѣе, по своей цѣли и поддающимся учету послѣдствіямъ, играть роль прогрессивную. И далѣе: эта же самая реальная программа войны опредѣляетъ характеръ ея веденія,—или другими словами: чѣмъ больше фактическое заданіе войны насыщено общечеловѣческими, гуманными элементами, тѣмъ болѣе стойка, самоотвержена, серьезна и даже великодушна данная воюющая сторона. Дѣло въ томъ, что подлинная, существенная цѣль войны всегда ясно просвѣчиваетъ сквозь всѣ хитросплетенія дипломатіи и сквозь сложный транспарантъ официальнаго лозунга. То, что единственно нужно знать для моральной оцѣнки войны,—именно, предпринята ли она для восстановленія какого-нибудь „естественнаго“, „божескаго“ права, или нѣтъ,—это безошибочно и какъ бы помимо сознанія чувствуетъ огромное большинство народа, и это-то чувство своей правоты или законности своего эгоизма крѣпитъ и облагораживаетъ духъ войска. По мѣткому слову Достоевскаго, можно многое понимать безсознательно; вовсе не нужно быть посвященнымъ въ тайны высшей политики, чтобы чувствовать правду или кривду ея послѣднихъ рѣшеній. Международныя отношенія, какъ и отношенія между отдѣльными людьми, опредѣляются въ послѣднемъ счетѣ не тѣми сложными и поверхностными соображеніями, которыя составляютъ ихъ внѣшній обликъ, а элементарными и вѣчными категориями человѣческаго духа, непосредственно находящими откликъ въ каждомъ человѣкѣ. Въ мирное время вопросы внѣшней политики, разумѣется, чужды народной массѣ, но какъ только рѣшеніе правительства

о войнѣ направляетъ ея вниманіе въ эту сторону, — она тотчасъ безмолвно и безповоротно оцѣниваетъ своимъ непреложнымъ нравственнымъ чутьемъ причину войны. Эта оцѣнка и основанное на ней общенародное мнѣніе о войнѣ и опредѣляютъ въ главнѣйшей мѣрѣ духъ войска. Историческій опытъ показываетъ, что, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ вопросахъ національнаго существованія народъ разбирается превосходно; когда какой-нибудь изъ его жизненныхъ функций грозитъ дѣйствительная опасность, онъ это чувствуетъ тонко, и, наоборотъ, никакое краснорѣчіе официальныхъ глашатаевъ не заставитъ его воспламениться тамъ, гдѣ его стихійное чувство не задѣто. Это стихійное народное чувство — всегда нравственнаго порядка, т.-е. оно воспринимаетъ обиду или опасность только въ переводѣ на нравственный языкъ, въ понятіяхъ справедливости или божескаго права. Какъ отдѣльный человѣкъ, защищая отъ посягательствъ свою жизнь или свободу, цѣлость своихъ членовъ или плоды своего труда, чувствуетъ себя не своекорыстнымъ, а нравственно-правымъ (и тѣмъ болѣе защищая *чужую* жизнь), такъ и цѣлый народъ ощущаетъ основные элементы своего или чужого національнаго бытія (т.-е. цѣлость, независимость, свободу религиозную и т. п.) не какъ эгоистическія цѣнности, а какъ абсолютную святыню, и потому въ защитѣ ихъ ополчается не съ низкой злобою и ненавистью къ врагу, а съ религиознымъ энтузіазмомъ, или — въ менѣе острыхъ случаяхъ — съ строгой и серьезной рѣшимостью. Тогда по всей странѣ съ непонятной скоростью разливается единое настроеніе патріотизма, солидарности, самоотверженія, и отдѣльная личность поднимается надъ своимъ обычнымъ уровнемъ, потому что общее одушевленіе очищаетъ общественную атмосферу отъ кипящихъ въ ней мазмовъ личной корысти, нерадѣнія къ общему благу и пр. Таковы были всѣ освободительныя войны, напримѣръ, Нидерландъ, Греціи, Итали, Балканскихъ славянъ, такова была наша война съ Наполеономъ въ 12-мъ году. Но не такова была наша война съ Японіей; эта война не создала вокругъ себя нравственной атмосферы, — очевидно, потому, что въ ней не были замѣшаны никакія нравственныя цѣнности, — и потому неизбежно было, во-первыхъ, чтобы мы потерпѣли неудачу въ ней, во-вторыхъ, чтобы личная корысть и нерадѣніе не только не были парализованы, но, напротивъ, именно въ ней отпраздновали свои оргіи.

II.

Въ 1870 году нѣмцы побѣдили, конечно, не потому, что международныя отношенія сложились выгодно для нихъ (имъ былъ обезпеченъ нейтралитетъ Россіи, Австріи и Итали), а также не потому, что они были лучше вооружены, дисциплинированы и освѣдомлены, чѣмъ фран-

пузы: сами эти два обстоятельства были производнаго характера. Отношение не-воюющихъ странъ къ той и другой воюющей державѣ опредѣляется вовсе не одними корыстными расчетами; и здѣсь гораздо большую роль играютъ массовыя, національныя чувства, — частью расовая симпатія или антипатія, частью же та самая моральная оцѣнка, о которой мы говорили выше; а эта оцѣнка основывается либо на общемъ духовномъ обликѣ воюющаго народа, либо на смутномъ, но увѣренномъ пониманіи его правоты или неправоты въ данной войнѣ. Лучшее доказательство тому—изолированность Россіи въ Крымской войнѣ, послѣ 30-лѣтняго царствованія Николая съ усмирениемъ Венгрии и пр. Что же касается удивительной подготовки нѣмцевъ къ войнѣ 1870 года, совершенства ихъ техническихъ средствъ и стратегіи, то для всякаго ясно, что такіе успѣхи не достигаются машинальной аккуратностью или бездушной муштровкой; эта блестящая организація явилась результатомъ безчисленныхъ индивидуальныхъ усилій, наличность и солидарность которыхъ были возможны только въ атмосферѣ высокаго нравственнаго подъема. Нѣмцы побѣдили въ 1870 году, во-первыхъ, потому, что у нихъ была такая атмосфера, во-вторыхъ, потому, что у ихъ противниковъ-французовъ ея не было. Отъ Мольтке до послѣдняго солдата нѣмцы знали, что этой войною создается единство Германіи, и эта мысль нравственно укрѣпляла ихъ; и знали они также (а на поляхъ сраженія съ первой битвы увидали и воочию), что французы воюютъ безъ всякой святой цѣли, только по приказу своего развратнаго и шалаго правительства. И самыя эти два настроенія, разумѣется, не были минутными: мысль о единствѣ Германіи нарастала издавна,—въ этой мысли нѣмцы и крѣпили для подвига 1870 года, а Франція вступила въ эту войну глубоко-деморализованная государственнымъ цинизмомъ Наполеона III, который за восемнадцать лѣтъ своего царствованія успѣлъ вытравить въ странѣ всякій патріотизмъ, всякое національное одушевленіе. Тамъ—строгая дѣловитость въ сознаніи національнаго долга, здѣсь нерадѣніе, взбалмошность и слѣпота распушеннаго духа, не просвѣтленнаго единой мыслью и единымъ сильнымъ чувствомъ,—вотъ въ чемъ заключались причины побѣды нѣмцевъ и пораженія французовъ во франко-прусской войнѣ.

Этимъ побѣждаютъ народы, и ничѣмъ другимъ; горе странѣ, начинающей войну безъ элементарнаго нравственнаго стимула, доступнаго пониманію большинства. Механизмъ побѣды долженъ быть изучаемъ не столько на способахъ вооруженія и правилахъ тактики, сколько на настроеніяхъ воюющихъ странъ.

Эта мысль—триумфъ, но она вѣчно-истинна, и вѣрность ея можетъ быть доказана на примѣрѣ любой войны. Одной изъ самыхъ яркихъ ея иллюстрацій является какъ разъ исторія франко-прусской войны, и эту

историю намъ слѣдуетъ теперь вспомнить, въ ней мы можемъ почерпнуть надежду и ободреніе, потому что она наглядно доказываетъ, что Германія побѣдила тогда той силою, которой у нея теперь явно нѣтъ и которая теперь находится на сторонѣ Россіи и ея союзниковъ.

О той войнѣ существуетъ на русскомъ языкѣ показаніе очевидца, драгоценное не только по безпристрастности и зоркости свидѣтеля, но, главное, потому, что онъ наблюдалъ событія именно въ глубинѣ, тамъ, гдѣ заложено основное условіе побѣды: въ нравственномъ состояніи обоихъ воюющихъ народовъ. Этотъ очевидецъ—И. С. Тургеневъ, а его показаніе— пять писемъ о войнѣ изъ Баденъ-Бадена, напечатанныхъ въ 1870 году и съ тѣхъ поръ глубоко забытыхъ ¹⁾. Это пророческое свидѣтельство мы хотимъ теперь напомнить.

Съ той точки зрѣнія, на которой мы стоимъ, начало войны 1870 г. представляетъ разительное сходство съ началомъ нынѣшней міровой войны,—только дѣйствующія лица обмѣнялись ролями. Ту войну вызвалъ и объявилъ Наполеонъ III по пустому поводу, какъ эту—Вильгельмъ II; и тамъ, какъ здѣсь, вызовъ былъ проявленіемъ не всенародной воли, даже не матеріальной необходимости, а нравственныхъ свойствъ государя и его ближайшаго круга: ихъ органической наглости, самомнѣнія и грубаго презрѣнія къ противнику. Предлогомъ, какъ теперь Сербія, послужила тогда Испанія. На вакантный испанскій престолъ былъ приглашенъ герцогъ Леопольдъ Гогенцоллернъ-Зигмариненъ, братъ Карла, занявшаго года за три до того румынскій престолъ и занимающаго его понынѣ; Наполеонъ III воспротивился избранію Леопольда, и прусскій король Вильгельмъ безъ особеннаго противодѣйствія уступилъ ему; но когда вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ потребовалъ отъ Вильгельма по этому поводу извиненій и гарантій на будущее время, — это требованіе (впрочемъ, искаженное Бисмаркомъ въ знаменитой „эмской депешѣ“) вызвало въ Пруссіи бурю негодованія, на что руководители французской политики поспѣшили отвѣтить объявленіемъ войны. Ихъ близорукость, самонадѣянность и хвастовство были поразительны: они ни минуты не сомнѣвались, что легко справятся съ нѣмцами,—совершенно такъ, какъ теперь нѣмцы, по слухамъ, писали на своихъ вагонахъ: „Безъ пересадки въ Парижъ“ или „въ Петербургъ“, и еще наканунѣ войны герцогъ Грамонъ былъ увѣренъ въ содѣйствіи Италіи и Австріи

¹⁾ Они были напечатаны подъ инициалами Тургенева (И. Т.) въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* за августъ и сентябрь 1870 г.; ихъ принадлежность Тургеневу засвидѣтельствована его частными письмами, изъ которыхъ видно, что они писались въ видѣ писемъ къ П. В. Анненкову и послѣднимъ, конечно по уговору съ авторомъ, передавались въ газету. Подробнѣе объ этомъ см. въ нашемъ фельетонѣ: „Тургеневъ-корреспондентъ“ въ *Рус. Вѣд.* 1912 г., № 204. Корреспонденци эти не вошли ни въ одно изданіе сочиненій Тургенева.

и въ нейтралитетъ Южной Германіи, какъ теперь Вильгельмъ, повидимому, не ждалъ сопротивленія со стороны Бельгіи, а проф. Лампрехтъ, лично близкій къ Вильгельму, дня за три до объявленія войны публично заявилъ, что нейтралитетъ Англии обезпеченъ.

Война 1870 года началась почти въ тѣ же дни года, какъ нынѣшняя: 15 юля пов. ст. французская палата вотировала кредиты на войну, 16-го началась мобилизація въ Пруссіи, 19-го Франція объявила войну.

4 августа нѣмцы одержали свою первую побѣду—при Вейсенбургѣ (который Тургеневъ называетъ по-французски—Виссамбуромъ), 6 августа они одержали двѣ побѣды—при Фрешвилерѣ и Форбахѣ; затѣмъ слѣдовали кровопролитныя сраженія подъ Мецомъ—съ 14 по 18 августа, 2 сентября капитуляція Седана, гдѣ сдался въ плѣнъ самъ Наполеонъ, 19 сентября начата осада Парижа, 27 сентября сдача Страсбурга, 27 октября—сдача Меца, 28—29 января 1871 г. перемиріе и сдача Парижа.

Корреспонденціи И. С. Тургенева обнимаютъ время съ начала августа до 30 сентября, т.-е. весь первый, рѣшающій періодъ войны, до того момента, когда относительно конечнаго исхода борьбы уже не оставалось больше сомнѣній. Тургеневъ не хотѣлъ быть „военнымъ корреспондентомъ“; онъ писалъ свои письма съ публицистической цѣлью, чтобы разъяснить своимъ соотечественникамъ смыслъ того общечеловѣческаго урока, какимъ была въ его глазахъ эта война. Онъ говоритъ имъ: Франція обречена на поражение, потому что она глубоко развращена наполеоновскимъ правленіемъ,—и не устаетъ рисовать внѣшніе признаки этой деморализаціи—самодовольство и самообольщеніе французовъ, ихъ слѣпоту и безпечность, легкомысліе и невѣжество; и онъ говоритъ: нѣмцамъ обезпечена побѣда, потому что они преданы дѣлу, трезвы и скромны, потому что у нихъ есть твердая воля и знаніе.

Мы скажемъ больше: побѣждаютъ не умъ и твердая воля, а то, что питаетъ умъ и волю, не знаніе, а то, что побуждаетъ къ усвоенію его. Въ дѣлахъ такого большого калибра, какъ подготовка народа къ войнѣ, гдѣ принимаютъ участіе десятки тысячъ людей, и самая война, гдѣ сотни тысячъ идутъ на смерть, только нравственное и общее всѣмъ длительное одушевленіе обуздываетъ личный эгоизмъ и лѣнь каждаго, т.-е. обезпечиваетъ напряженность и единодушіе личныхъ усилій. Но этого одушевленія въ массахъ не можетъ создать никакая горделивая иллюзія и никакая узкая матеріальная корысть: реально, а не видимо, массами движутъ только пружины вѣчныхъ правъ и непреложной истины.

1¹⁾.

Баденъ-Баденъ, 27 юля (8 августа).

Въ прошлый четвергъ я писалъ вамъ подь отдаленный гулъ канонады²⁾; на другой день, въ пятницу, телеграмма извѣстила насъ, что это нѣмцы брали штурмомъ Виссамбургъ—и началось исполненіе плана Мольтке, который (въ то время, какъ императоръ французовъ показывалъ своему сыну, между завтракомъ и обѣдомъ, какъ дѣйствуютъ митральезы, и съ чрезвычайнымъ эффектомъ бралъ городъ Саарбрюкенъ, защищаемый однимъ батальономъ) ринулъ всю громадную армию кронъ-принца прусскаго въ Эльзасъ, и разрубилъ французскую армию на двое. Въ субботу, т.-е. третьяго дня, мой садовникъ пришелъ сказать мнѣ, что съ утра слышится чрезвычайно сильная пальба: я вышелъ на крыльцо, и дѣйствительно: глухие удары, раскаты, сотрясения доносились явственно; но раздавались они уже нѣсколько болѣе къ югу, чѣмъ въ четвергъ: я насчитывалъ ихъ отъ 30 до 40 въ минуту. Я взялъ карету, и поѣхалъ на Ибургъ---замокъ, находящійся на одной изъ самыхъ крайнихъ къ Рейну вершинъ Шварцвальда: оттуда видна вся долина Эльзаса до Страсбурга. Погода была ясная, и отчетливо рисовалась линия Вогезскихъ горъ на небосклонѣ. Канонада прекратилась за нѣсколько минутъ до моего прибытія въ Ибургъ; но прямо противъ горы, по ту сторону Рейна, изъ-за длиннаго сплошнаго лѣса, поднимались громадные клубы черного, бѣлаго, сизаго, краснаго дыма: то горѣлъ цѣлый городъ. Дальше, къ Вогезамъ, слышались еще пушечные выстрѣлы, но все слабѣе. Явно было, что французы разбиты и отступаютъ. Страшно и горестно было видѣть въ этой тихой, прекрасной равнинѣ, подь кроткимъ сияніемъ полу-закрытаго солнца, этотъ безобразный слѣдъ войны, и нельзя было не проклясть ее и безумно-преступныхъ ея виновниковъ. Я возвратился въ Баденъ, и на другой день, т.-е. вчера, рано поутру, уже всюду въ городѣ появилась телеграмма, возвѣщающая о новой рѣшительной побѣдѣ кронъ-принца надъ Макъ-Магономъ, а къ вечеру мы узнали, что французы потеряли 4,000 плѣнныхъ, 30 пушекъ, 6 митральезъ, 2 знамени и что Макъ-Магонъ раненъ! Изумленію самихъ нѣмцевъ нѣтъ границъ: всѣ роли измѣнены. Они нападаютъ, они бьютъ французовъ на собственной ихъ землѣ,—бить ихъ не хуже австрійцевъ! Планъ Мольтке разбивается съ поражающею быстротой и блескомъ; правое крыло французской армии уничтожено, она находится между двухъ огней и—какъ при Кенигсгрецѣ—бить можетъ уже сегодня король прусскій и кронъ-принцъ сойдутся на полѣ битвы, рѣшившей участь войны! Нѣмцы до того изумлены, что даже патриотическая ихъ радость какъ будто смущена. *Этого* никто не ожидалъ! Я съ самаго начала, вы знаете, былъ за нихъ всей душою, ибо въ одномъ безповоротномъ паденіи наполеоновской системы вижу спасеніе цивилизации, возможность свободнаго развитія свободныхъ учреждений въ Европѣ: оно было немислимо, пока *это* безобразіе не получило достойной кары. Но я предвидѣлъ долгую, упорную борьбу—и вдругъ! Всѣ мысли теперь направлены къ Парижу: чтъ онъ скажетъ? *Разбиты*—Бонапартъ n'a plus raison d'être; но въ теперешнее время можно ожидать даже такое невѣроятное событіе, какъ спокой-

¹⁾ 1-е письмо Тургенева напечатано въ *С.-Петербур. Вѣд.* 8 (20) августа 1870 г., № 216, суббота, въ отдѣлѣ: „Внѣшнія извѣстія“. *Корреспонденція Спб. Вѣдомостей*; 2-е—въ № 219, вторникъ 11 (23) августа; 3-е—въ № 231, воскресенье 23 августа (4 сентября); 4-е—въ № 252, воскресенье 13 (25) сентября; 5-е—въ № 265, суббота 26 сентября (8 октября).

²⁾ *Этого* предыдущаго письма въ газетѣ нѣтъ. *Прим. М. I.*

стве Парижа при извѣстии о поражени французской армии. Я все это время, какъ вы легко можете себѣ представить, весьма прилежно читалъ и французскія, и нѣмецкія газеты—и, положа руку на сердце, долженъ сказать, что между ними нѣтъ никакого сравненія. Такого фанфаронства, такихъ клеветъ, такого крайняго незнанія противника, такого невѣжества наконецъ, какъ во французскихъ газетахъ, я и вообразить себѣ не могъ. Не говорю уже о журналахъ въ родѣ *Figaro* или презрѣннѣйшей *Liberté*, вполне достойной своего основателя, Э. де-Жирардена; но даже въ такихъ дѣльныхъ газетахъ, какъ, наприм., *Temps*, попадаются извѣстия въ родѣ того, что прусскіе унтеръ-офицеры идутъ за шеренгами солдатъ съ желѣзными прутьями въ рукахъ, чтобы подгонять ихъ въ бой и т. п. Невѣжество доходитъ до того, что *Journal Officiel*, органъ правительства (!) пресерьозно рассказываетъ, что между Франціей и Пфальцемъ (Palatinat) протекаетъ Рейнъ; и однимъ лишь совершеннымъ незнаніемъ противника можно объяснить увѣренность французовъ, что Южная Германия останется нейтральной, не смотря на явное высказанное желаніе присоединить Рейнскую провинцію, съ историческими городами Кѣльномъ, Аахеномъ, Триромъ, т.-е. едва ли не самый дорогой для нѣмецкаго сердца край нѣмецкой земли! Тотъ же *Journal Officiel* увѣрялъ на дняхъ, что цѣль войны со стороны Франціи—возвращеніе нѣмцамъ ихъ свободы!! И это говорится въ то время, когда вся Германия изъ конца въ конецъ поднялась на исконнаго врага! Объ увѣренности въ несомнѣнности побѣды, въ превосходствѣ митральезъ, Шасспо—и толковать нечего; всѣ французскіе журналы убѣждены, что стѣбитъ только французамъ сойтись съ пруссаками—и „ггга!“ все будетъ покончено мигомъ. Но не могу удержаться, чтобъ не цитировать вамъ одну изъ прелестнѣйшихъ фанфаронадъ: въ одномъ журналѣ (чуть ли не въ *Soir*) одинъ корреспондентъ, описывая настроеніе французскихъ солдатъ, восклицаетъ: „Ils sont si assurés de vaincre, qu'ils ont comme une peur modeste de leur triomphe inévitable! (т.-е. они такъ увѣрены въ побѣдѣ, что ими овладѣваетъ какъ бы нѣкій скромный страхъ передъ собственнымъ неизбѣжнымъ триумфомъ)“ Фраза эта, хотя не можетъ сравниться съ классической, шекспировской, фразой принца Петра Бонапарта на счетъ парижанъ, сопутствовавшихъ гробу *убитаго* имъ Нуара: „C'est une curiosité malsaine, que je blâme“ (это—болѣзненное, неумѣстное любопытство, которое я осуждаю!)—однако имѣетъ свое достоинство. И какія изреченія, какіе „mots“, приводятъ эти журналы, приписывая ихъ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ—императору Наполеону между прочимъ! *Gaulois*, напр., сообщаетъ, что когда беззащитный Саарбрюкенъ былъ зажженъ со всѣхъ четырехъ концовъ, императоръ обратился къ своему сыну съ вопросомъ: *Es tu fatigué, mon enfant!* Вѣдь это значить, наконецъ, потерять даже чувство стыдливости!

Хорошъ тоже анекдотъ о дипломатическомъ *attaché*, который, въ присутствіи императрицы Евгении, объявилъ, что не желаетъ побѣды надъ Пруссіей. Какъ такъ?—Да такъ же; представьте какъ будетъ неприятно жить на бульварѣ Унтеръ-Мунтеръ Биршукрутъ, или велѣтъ кучеру ѣхать въ улицу Нихкапут-клопс-мопсфуртъ!—А вѣдь это будетъ неизбѣжно, такъ какъ мы даемъ нашимъ улицамъ названія нашихъ побѣдъ!—На основаніи донесеній, быть можетъ, этого самаго *attaché*, Франція разсчитывала на нейтралитетъ Южной Германии.

Говоря безъ шутокъ: я искренно люблю и уважаю французскій народъ, признаю его великую и славную роль въ прошедшемъ, не сомнѣваюсь въ его будущемъ значеніи; многие изъ моихъ лучшихъ друзей, самые мнѣ близкіе люди—французы; и потому подозревать меня въ предвзятой и несправедливой враждебности къ ихъ родинѣ вы, конечно, не станете. Но едва ли не насталъ и

ихъ чередъ получить такой же урокъ, какой получили пруссаки подъ Іеной, австрійцы подъ Садовой — и, зачѣмъ таить правду, — и мы подъ Севастополемъ. Дай-то Богъ, чтобъ они такъ же умѣли воспользоваться имъ, извлечь сладкій плодъ изъ горькаго корня! Пора, давно пора имъ оглянуться на самихъ себя, внутрь страны, увидѣть свои язвы и стараться уврачевать ихъ; пора положить конецъ той безнравственной системѣ, которая царитъ у нихъ вотъ уже скоро двадцать лѣтъ! Безъ сильнаго внѣшняго потрясенія такая „оглядка“ невозможна; безъ глубокой скорби и боли онѣ не бывають. Но настоящій патриотизмъ не имѣетъ ничего общаго съ залосчивой, чванливой гордыней, которая ведетъ только къ самообольщенію, къ невѣжеству, къ ошибкамъ непоправимымъ. Французамъ нуженъ урокъ... потому что они еще многому должны научиться. Русскіе солдаты, умравшіе тысячами въ развалинахъ Севастополя, не погибли даромъ; пускай же не погибнутъ даромъ и тѣ безчисленныя жертвы, которыхъ потребуетъ настоящая война: иначе она была бы точно безсмысленна и безобразна.

Что касается собственно до нашего положенія въ Баденѣ, то опасность непріятельскаго вторженія теперь устранена; жизненные припасы даже подешевѣли противъ прежняго, не смотря на увѣренія французскихъ газетъ, что мы здѣсь умираемъ съ голоду.

9-го августа.

Ударъ за ударомъ. Вчера только я вамъ писалъ о побѣдѣ кронъ-принца надъ Макъ-Магономъ, а сегодня пришло извѣстіе, что и центръ главной французской армии разбитъ, что она отступаетъ къ Мецу, Парижъ объявленъ въ осадномъ положеніи, палата созвана къ 11-му числу — и французы всюду бѣгутъ, бросаютъ оружіе! Неужели *ихъ* Іена точно наступила? Не во гнѣвъ будь сказано графу Л. Н. Толстому, который увѣряетъ, что во время войны адъютантъ что-то лепечетъ генералу, генералъ что-то мямлитъ солдатамъ — и сражение какъ-то и гдѣ-то проигрывается или выигрывается, — планъ генерала Мольтке приводится въ исполненіе съ истинно-математической точностью, какъ планъ какого-нибудь отличнаго шахматнаго игрока, напр., Андерсена (тоже пруссака), который, замѣчу кстати, выигралъ здѣсь матчъ противъ самыхъ сильныхъ шахматныхъ игроковъ въ самый день первой прусской борьбы подъ Виссамбуромъ. А въ это время императоръ Наполеонъ тѣшилъ, „a la Louis quatorze“, и себя, и сына своего — представленіемъ военнаго зрѣлища. Но Наполеонъ — не Людовикъ XIV: тотъ въ теченіе многихъ лѣтъ сносилъ неудачи, и преданность къ нему его подданныхъ не поколебалась; Наполеонъ не переживетъ двухъ недѣль рѣшительнаго пораженія. Отсутствие талантовъ со стороны французскихъ генераловъ выказывается все болѣе и болѣе; и кто такіе эти Лебефъ, Фроссаръ, Базэнъ, Фальи, окружающіе императора французовъ? Придворные генералы — *des généraux de cour* — то же а la Louis quatorze. Единственный дѣльный между ними, Макъ-Магонъ, словно былъ пожертвованъ. Я очень радъ, что во время проѣзда моего черезъ Берлинъ, въ самый день объявленія Франціей войны (15-го юля), я имѣлъ случай обѣдать за *table d'hôte* омъ прямо напротивъ генерала Мольтке. Лицо его врѣзалось въ память. Онъ сидѣлъ молча, и не слѣша поглядывалъ кругомъ. Съ своимъ бѣлокурымъ парикомъ, съ гладко-выбритой бородой (онъ усомъ не носитъ), онъ казался профессоромъ; но что за спокойствіе, и сила, и умъ въ каждой чертѣ, какой пронизательный взглядъ голубыхъ и свѣтлыхъ глазъ! Да, умъ и знаніе, съ присоединеніемъ твердой воли — цари на сей землѣ! „Звѣзда“ Наполеона ему измѣняетъ: противъ него не бездарный идиотъ, Гюлай, какъ въ Итали въ 1859 г.

Что происходитъ въ Парижѣ? Журналы вамъ уже вѣроятно сообщили свѣдѣнія о начавшихся тамъ волненіяхъ... Но что будетъ дальше, когда истина все

болѣе и болѣе будетъ разоблачаться передъ глазами французовъ? Безнравственное правительство кончило тѣмъ, что привело чужестранцевъ въ предѣлы родины; раззоривши страну, раззорило армию, и, нанеши глубокія раны благосостоянію, свободѣ, достоинству Франціи, наноситъ теперь чуть не смертельный ударъ ея самолюбію! Неужели это правительство можетъ еще уцѣлѣть? Неужели оно не будетъ сметено бурей?

А всѣ эти низкіе люди—эти Олливые „au coeur léger“, эти Жирардены, Кассаньяки, эти сенаторы—въ какой прахъ будутъ они обращены? Но стоитъ ли на нихъ останавливаться!

Нѣмцы не бахвалы и не фанфароны, но и у нихъ голова пошла кругомъ отъ всей этой небывальщины. Здѣсь, сегодня, распространился слухъ, что—Страсбургъ сдался! Разумѣется—это вздоръ; но вѣдь время чудесъ настало, и почему же и этому не повѣрить? Взялъ же третьяго дня вечеромъ баденскій отрядъ цѣлыхъ тысячу французовъ въ плѣнъ—безъ выстрѣла. Деморализація началась между ними, а вѣдь это—та же холера.

И. Т.

2.

Баденъ-Баденъ, 14-го августа.

Въ концѣ прошлой недѣли, ночью, безъ особенно-сильнаго вѣтра, повалился самый старый, самый громаднѣйшій дубъ извѣстной Лихтенталевской аллеи. Оказалось, что вся сердцевина его сгнила, и онъ держался только корою. Когда я поутру пошелъ смотрѣть его, передъ нимъ стояло двое нѣмецкихъ работниковъ. Вотъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, смѣясь, другому—вотъ оно, французское государство: „da ist es, das Französische Reich!“ И дѣйствительно, судя потому, что доходить до насъ изъ Парижа и изъ Франціи, можно подуматъ, что колоссъ этотъ держался одной наружностью и готовъ завалиться. Плоды двадцатилѣтняго царствованія оказались наконецъ. Вамъ извѣстно, что въ мгновеніе, когда я пишу, наступило нѣчто въ родѣ роздыха, то-есть не происходитъ сраженія; зато нѣмецкая армія быстро двигается впередъ (по послѣднимъ свѣдѣніямъ, она заняла Нанси), а французская столь же быстро отступаетъ. Но сраженіе страшное, рѣшительное сраженіе неизбежно; обѣ стороны одинаково его желаютъ, жаждутъ, и, быть можетъ, уже завтра выпадетъ роковой жребій. Особенно Франція, взбѣшенная, возмущенная, оскорбленная до послѣднихъ нервовъ своего народнаго самолюбія, настоятельно требуетъ схватки съ пруссаками,—требуетъ „une revanche“, и едва ли не этому яростному желанію „отыграться“ слѣдуетъ приписать тотъ фактъ, что правительство еще держится и что ожидаемая многими революція не вспыхнула въ Парижѣ. „Некогда заниматься политикой—нужно спасать отечество“—вотъ общая всѣмъ мысль. Но что французы опять нѣли жаждой мести, крови, что каждый изъ нихъ словно голову потерялъ—это несомнѣнно. Не говорю уже о сценахъ въ Палатѣ Депутатовъ, на парижскихъ улицахъ; но сегодня пришла вѣсть, что *всѣ* нѣмцы изгоняются (за исключеніемъ, конечно, австрійцевъ) изъ предѣловъ Франціи! ¹⁾ Подобнаго варварскаго нарушенія международнаго права Европа не видала со временъ перваго Наполеона, велѣвшаго арестовать всѣхъ англичанъ, находившихся на материкѣ.

¹⁾ Какъ ярко сказывается въ этой чертѣ — и во многихъ другихъ подробностяхъ, сообщаемыхъ Тургеневымъ, — сходство поведения *тогдашнихъ* французовъ съ *нынѣшними* пруссаками! Читая эти письма, мѣстами кажется, что въ нихъ рѣчь идетъ о нынѣшней войнѣ—стбить лишь слово: французы замѣнить словомъ: нѣмцы. *Прим. М. I.*

Но та мѣра коснулась въ сущности только нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей; на этотъ разъ разореніе грозитъ тысячамъ трудолюбивыхъ и честныхъ семействъ, поселившихся во Франціи въ убѣжденіи, что ихъ приняло въ свои нѣдра государство цивилизованное. Что, если Германіи вздумается отплатить тѣмъ же: французовъ, поселившихся въ Германіи, не меньше, чѣмъ нѣмцевъ, живущихъ во Франціи, и обладаютъ они чуть ли не болѣе значительными капиталами. Куда это насъ поведетъ, наконецъ? Ужъ и безъ того справедливое негодование нѣмцевъ возбуждается призывомъ звѣроподобныхъ *тюркозовъ* на европейскую войну, ихъ жестокимъ обращеніемъ съ плѣнными, ранеными, съ врачами, наконецъ, съ сестрами милосердія: а тутъ еще г-нъ Поль-де-Кассаньякъ, достойное исчадіе своего отца, объявляетъ, что не хочетъ давать денегъ женевскому международному комитету, потому-дѣ что онъ будетъ такъ-же заботиться о прусскихъ раненыхъ, и что это „карикатурное сантиментальничаніе“ „une sentimentalité grotesque“; хорошо еще, что нѣмцы, имѣющие теперь на рукахъ нѣсколько тысячъ французскихъ раненыхъ, не придерживаются принциповъ этого любимаго тюильрійскаго двора, личнаго друга императора Наполеона, который называетъ его своимъ сыномъ и говоритъ ему: „ты“. До чего дошла прыть французовъ, вы можете судить по слѣдующему: Вчера *Liberté* приводила съ похвалою статью нѣкотораго Марка Фурнье въ *Paris-Journal*. Онъ требуетъ истребленія всѣхъ пруссаковъ и восклицаетъ: „Nous allons donc connaître enfin les voluptés du massacre! Que le sang des Prussiens coule en torrents, en cataractes, avec la divine fureur du déluge! Que l'infame qui ose seulement prononcer le mot de paix, soit aussitôt fusillé comme un chien et jeté à l'égout!“ И рядомъ съ этими неслыханными безобразіями и неистовствами—полцѣйшая неурядица, растерянность, отсутствие всякаго *административнаго* таланта, не говоря уже о другихъ! Военный министръ (маршалъ Лебефъ), увѣрявшій, что все *готово*, дававшій въ томъ свое честное слово, оказался просто младенцемъ. Эмиль Оливье исчезъ, выметенный вонъ какъ негодный соръ, вмѣстѣ съ своимъ министерствомъ, той самой Палатой, которая ползала передъ нимъ; и къмъ же онъ замѣненъ? Графомъ Паликао, человѣкомъ до того запятанной репутаціи, что другая Палата, еще болѣе преданная правительству, чѣмъ нынѣшняя, отказала ему въ дотации, находя, что онъ уже и такъ достаточно нагрѣлъ руки въ Китаѣ! (Онъ, какъ извѣстно, командовалъ французской экспедиціей 1860 года.) Нельзя сомнѣваться въ томъ, что при громадныхъ средствахъ французскаго народа, при патриотическомъ энтузіазмѣ, имъ овладѣвшемъ, при мужествѣ французской армии, конецъ борьбы еще не близокъ—да и предсказать съ совершенной достовѣрностью нельзя, каковъ будетъ исходъ этого колоссальнаго столкновенія двухъ расъ; но шансы пока на сторонѣ нѣмцевъ. Они выказали такое обиліе разнородныхъ талантовъ, такую строгую правильность и ясность замысла, такую силу и точность исполненія; численное превосходство ихъ такъ велико, превосходство матеріальныхъ средствъ такъ очевидно, что вопросъ кажется рѣшеннымъ заранѣе. Но „le dieu des batailles“, какъ выражаются французы, измѣнчивъ, и не даромъ же они сыны и внуки побѣдителей при Іенѣ, Аустерлицѣ, Ваграмѣ! Поживемъ—увидимъ. Но уже теперь нельзя не сознаться, что напр. прокламація короля Вильгельма при вступленіи во Францію рѣзко отличается благородной гуманностью, простотой и достоинствомъ тона отъ всѣхъ документовъ, достигающихъ до насъ изъ противнаго лагеря; то же можно сказать о прусскихъ бюллетеняхъ, о сообщеніяхъ нѣмецкихъ корреспондентовъ: здѣсь—трезвая и честная правда; тамъ—какая то яростная, тѣ плаксивая фальшь. Этого во всякомъ случаѣ исторія не забудетъ.

Однако довольно. Как только что произойдет замѣчательное—напишу вамъ. Здѣсь все тихо: первые раненные и больные появились сегодня въ нашъ госпиталь.

И. Т.

3.

Вадевь-Бадень, 28-го августа.

Не буду вамъ говорить на сей разъ о сраженіяхъ подъ Мецомъ, о движеніи кронъ-принца на Парижъ и т. д. Газеты вамъ и безъ меня натолковали объ этомъ довольно... Я намѣренъ обратить ваше вниманіе на психологическій фактъ, который, на мой по крайней-мѣрѣ памяти, въ такихъ размѣрахъ еще не представлялся, а именно о жаждѣ самообольщенія, о какомъ-то опыаненіи сознательной лжи, о рѣшительномъ нежеланіи правды, которыя овладѣли Парижемъ и Франціей въ послѣднее время. Однимъ раздраженіемъ глубоко-уязвленнаго самолюбія объяснить этого нельзя: подобная „трусость“—другого слова нѣтъ—трусость взглянуть, какъ говорится, чорту въ глаза—указываетъ, въ одно и то же время, и на Ахиллесову пятку въ самомъ характерѣ народа, и служить однимъ изъ многочисленныхъ симптомовъ того нравственнаго уровня, до котораго унизило Францію двадцатилѣтнее правленіе второй имперіи.

„Вотъ уже двѣ недѣли, какъ вы лжете и обманываете народы!“ воскликнулъ съ трибуны честный Гамбетта, и голосъ его тотчасъ былъ заглушенъ вонлями большинства, и Гранье-де-Кассаньякъ заставилъ малодушнаго президента прекратить засѣданіе. Французы не *хотятъ* знать правду: кстаті жъ, имъ подѣ руку подвернулся челоуѣкъ (графъ Паликао), который въ дѣлѣ лганья, спокойнаго, немногословнаго и невозмутимаго, заткнулъ за поясъ всѣхъ Мюнхгаузовъ и Хлестаковыхъ. Шекспиръ заставляетъ принца Генриха сказать Фальстафу, что ничего не можетъ быть противнѣе старца-шута; но старецъ-лгунъ едвали еще не хуже, а этотъ старецъ—Паликао—не можетъ рта разинуть безъ того, чтобъ не солгать. Базэнъ съ главной французской арміей запертъ въ Мецѣ; ему грозятъ голодъ, плѣнь, чума...—„Помилуйте, наша армія въ превосходнѣйшемъ положеніи, и Базэнъ вотъ, вотъ соединится съ Макъ-Магономъ.“—„Но у васъ извѣстій отъ него нѣтъ?“—„Тссъ! молчите! намъ нужно совершенное безмолвіе, чтобъ исполнить удивительнѣйшій военный планъ, и еслибъ я сказалъ, что я знаю, Парижъ бы тотчасъ сдѣлалъ иллюминацію!“—„Да скажите, что вы знаете!“—„Ничего я не скажу, а весь кирасирскій *корпусъ* Бисмарка истребленъ!“—„Но бисмаркскихъ кирасировъ нѣтъ вовсе, и кирасировъ вообще не было въ сраженіи!“—„О! я вижу, вы дурной патриотъ“, и т. д., и т. д. И французское общество притворяется, что вѣритъ всѣмъ этимъ сказкамъ. Неужели такъ долженъ поступать великій народъ, такъ встрѣчать удары рока? Безъ самохвальства мы можемъ сказать: во время крымской кампаніи русское общество поступало иначе. Энтузіазмъ, готовность всѣмъ жертвовать—конечно, прекрасныя качества; но умнѣе спокойно сознать бѣду и сознаться въ ней—качество, едвали не высшее. Въ немъ большее ручательство успѣха. Неужели достойны „великаго народа“—*de la grande nation*—эти безобразныя преслѣдованія отдѣльныхъ, ничѣмъ неповинныхъ, не заподозрѣнныхъ личностей? Въ одномъ департаментѣ дошли до того, что убили француза и сожгли его трупъ, потому только, что толпѣ показалось, что онъ заступается за Пруссію. „А! мы не можемъ сладить съ нѣмецкими солдатами, такъ давай бить нѣмецкихъ портныхъ, кучеровъ, рабочихъ! Давай клеветать, лгать, что попало, какъ попало, лишь бы горячо выходило!“ Но вотъ ужъ поневолѣ приходится спросить вмѣстѣ съ Фигаро: „*Qui trompe-t-on*

ис!» Сама себя раба бьет, коли нечисто жнетъ. Французы закрываютъ глаза, зажимаютъ уши, кричатъ какъ дѣти, а пруссаки уже въ Элерна, и генераль-губернаторъ Трошку, единственный дѣльный, честный и трезвый человѣкъ во всей администраци, готовить Парижъ къ выдержанно осады, которая не нынче, завтра начнется...

Я и прежде замѣчалъ, что французы менѣе всего интересуются истиной—с'est le cadet de leurs soucis. Въ литературѣ, напримѣръ, въ художествѣ, они очень цѣнятъ остроумие, воображеніе, вкусъ, изобрѣтательность—особенно остроумие. Но есть ли во всемъ этомъ правда? Балъ было бы занятно. Ни одинъ изъ ихъ писателей не рѣшился сказать имъ въ лицо полной, беззаветной правды, какъ, напримѣръ, у насъ Гоголь, у англичанъ Теккерей; именно имъ, какъ французамъ, а не какъ людямъ вообще. Тѣ рѣдкия сочиненія, въ которыхъ авторы пытались указать своимъ сограждапамъ на ихъ коренные недостатки, игнорируются публикой, какъ, напримѣръ, „Революція“ Э. Кинѣ, и въ болѣе скромной сферѣ—последній романъ Флобера. Съ этимъ нежеланіемъ знать правду у себя дома соединяется еще большее нежеланіе, лѣнь узнать, что происходитъ у другихъ, у сосѣдей. Это неинтересно для француза, да и что можетъ быть интереснаго у чужихъ? И притомъ, кому же неизвѣстно, что французы—„самый ученый, самый передовой народъ въ свѣтѣ, представитель цивилизации и сражается за идею“? Въ обыкновенное мирное время все это сходило съ рукъ; но, при тенерешнихъ грозныхъ обстоятельствахъ, это самомнѣніе, это незнаніе, этотъ страхъ передъ истиной, это отвращеніе къ ней—страшными ударами обрушились на самихъ французовъ... Но что они еще не отрезвились—доказываютъ всѣ, выше приведенные мною, факты. Не отдѣлались они отъ лжи, и хотя уже не поютъ Марсельезы (!) подъ знаменами императора Наполеона (можно ли вообразить большее кощунство), но до выздоровленія имъ далеко... Они еще только начинаютъ сознавать свою болѣзнь—и черезъ какіе еще опыты, тяжелые и горькіе, должны они будутъ пройти!

Кстати: *Спб. Видомости* (въ 214-мъ №) приводятъ письмо корреспондента *Биржевицкхъ Видомостей*, въ которомъ разсказывается о томъ, будто въ Баденѣ кричатъ: смерть французамъ! и что, вслѣдствіе этого, наши барыни заговорили по-русски. Г. корреспондентъ достоинъ быть французскимъ хроникеромъ: въ его заявленіи нѣтъ ни слова правды. Здѣсь живущія французскія семейства пользуются совершеннымъ уваженіемъ со стороны властей и населенія: ихъ свобода ничѣмъ не стѣснена; и въ большой общей залѣ, гдѣ сходятся всѣ здѣшнія дамы для заготовленія всевозможныхъ бандажей, бинтовъ, фуфаякъ и т. д., назначаемыхъ раненымъ и больнымъ, гораздо больше въ ходу французскій языкъ, чѣмъ нѣмецкій. Быть можетъ, г. корреспондентъ имѣлъ въ виду сдѣлать искусный намекъ здѣсь живущимъ русскимъ дамамъ; но, увы! могу его завѣрить, что онѣ продолжаютъ пренебрегать роднымъ языкомъ—и патриотическій его порывъ остался втунѣ.

На дняхъ я ѣздилъ въ Раштаттъ, съ цѣлью посѣтить тамошнихъ французскихъ раненныхъ и плѣнныхъ. Ухоть за ними очень хорошъ—и всѣ они жалуются на своихъ генераловъ. Между ними былъ старый арабъ (тюрокъ): настоящій горилла; сморщенный, черный, худой, онъ сидѣлъ на своей постели и поглядывалъ кругомъ тупо и дико какъ звѣрь; по словамъ его товарищей, онъ и по-французски не понимаетъ. Нужно было очень „странѣ, идущей во главѣ прогресса“, притащить въ Раштаттъ этого сына африканскихъ степей!

Бомбардированіе Страсбурга все продолжается; даже при закрытыхъ окнахъ, проникаютъ до меня мѣрныя, глухія сотрясенія... Ежечасно ожидается здѣсь из-

вѣстіе о битвѣ между кронъ-принцемъ и Макъ-Магономъ. Если французы и ее проиграютъ—то диктатура Трошю почти неизбежна. Повторяю опять: поживемъ—увидимъ!

И. Т.

4.

Бадень-Бадень, 18 (6) сентября.

Вы желаете, чтобъ я сообщилъ вамъ впечатлѣнія, произведенныя на нѣмецкое общество громадными событиями, совершившимися въ началѣ этого памятнаго мѣсяца—на сколько эти впечатлѣнія подпали моему наблюденію. Не стану вамъ говорить о взрывахъ национальной гордости, патриотической радости, празднествахъ и т. п. Вы уже знаете это все изъ газетъ. Постараюсь вкратцѣ и съ должнымъ безпристрастіемъ изложить вамъ воззрѣнія нѣмцевъ—во-первыхъ на перемѣну правительства во Франціи, а во-вторыхъ на вопросъ о „войнѣ и мирѣ“.

Начну съ того, что возобновленіе республики во Франціи, появленіе этой, для многихъ еще столь обаятельной, правительственной формы, не возбудило въ Германіи и тѣни того сочувствія, которымъ нѣкогда была встрѣчена республика 1848 г. Нѣмцы весьма скоро поняли, что послѣ седанской катастрофы имперія стала, на первыхъ порахъ, невозможна, и что, кромѣ республики, ее пока нечѣмъ было замѣнить. Они не вѣрятъ (можетъ быть они ошибаются), чтобъ республика имѣла глубокіе корни во французскомъ народонаселеніи и не рассчитываютъ на долгое ея существованіе; вообще они вовсе не разсматриваютъ ее безотносительно—*an und fur sich*—а только съ точки зрѣнія ея вліянія на заключеніе мира, мира выгоднаго и продолжительнаго—*„dauerhaft, nicht faul“*—который составляетъ теперь *idee fixe*. Именно съ этой точки зрѣнія появленіе республики ихъ даже смутило: она замѣнила опредѣленную правительственную единицу, съ которой можно было вести переговоры, чѣмъ-то безличнымъ и шаткимъ, не могущимъ представить надлежащихъ гарантій. Это самое и заставляетъ ихъ желать энергическаго продолженія войны и скорѣйшаго взятія Парижа, съ паденіемъ котораго, по ихъ понятію, немедленно и положительно окажется, чего именно нужно Франціи. При замѣчательномъ, можно сказать небываломъ, единодушіи, которое овладѣло всѣми ими—надѣяться остановить эти растущія, набѣгающія волны, ожидать, что побѣдитель остановится или даже вернется назадъ—есть, говоря безъ обиняковъ, ребячество; одинъ Викторъ Гюго могъ возымѣть эту мысль—да и то, я полагаю, онъ только ухватился за предлогъ произвести обычное словозверженіе. Самъ король Вильгельмъ не властенъ иначе повернуть это дѣло: тѣ волны несутъ и его. Но рѣшившись довести расчетъ съ Франціей (*Abrechnung mit Frankreich*) до конца, нѣмцы готовы объяснить вамъ причины, почему они должны это сдѣлать.

Всему на свѣтѣ есть двоякія причины, явныя и тайныя, справедливыя и несправедливыя (явныя болѣею частью несправедливы) и двоякія оправданія: добросовѣстныя и недобросовѣстныя. Я слишкомъ давно живу съ нѣмцами и слишкомъ съ ними сблизился, чтобъ они, въ бесѣдахъ со мною, прибѣгали къ оправданіямъ недобросовѣстнымъ—по крайней мѣрѣ они не настаиваютъ на нихъ. Требуя отъ Франціи Эльзасъ и нѣмецкую Лотарингію (Эльзасъ во всякомъ случаѣ), они скоро покидаютъ аргументъ расы, происхожденія этихъ провинцій—такъ какъ этотъ аргументъ побивается другимъ, сильнѣйшимъ, а именно—явнымъ и несомнѣннымъ нежеланіемъ этихъ самыхъ провинцій присоединиться къ прежней родинѣ. Но они утверждаютъ, что имъ нужно непременно и навсегда обезпечить себя отъ возможности нападеній и вторженій со стороны Франціи, и что другаго обезпеченія они не видятъ, какъ только присоединеніе лѣваго берега Рейна до Вогезскихъ

горь. Предложение разрушить все крепости, находящаяся в Эльзасе и Лотарингии, обезоружение Франции, низведенной на двух-сот-тысячную армию—им кажется недостаточным; угроза вѣчной вражды, вѣчной жажды мести, которую они возбуждаютъ въ сердцахъ своихъ сосѣдей—на нихъ не дѣлаетъ: „Все равно“, говорятъ они, „французы и такъ никогда не простятъ намъ своихъ поражений; лучше же мы предупредимъ ихъ и, какъ это представилъ рисунокъ „Кладдератча“, обрѣжемъ когти врагу, котораго все-таки примирить съ собой не можемъ“. Дѣйствительно безправное, дерзко-легкомысленное объявление войны Францией въ полѣ мѣсяць—какъ бы служить подтвержденіемъ доводовъ, приводимыхъ нѣмцами. Впрочемъ, они не скрываютъ отъ самихъ себя великихъ затруднений, сопряженныхъ съ *аннексированіемъ* двухъ враждебныхъ провинцій, но надѣются, что время, терпѣніе и умѣние помогутъ имъ и тутъ, какъ помогли въ Великомъ Герцогствѣ Познанскомъ, въ прирейнскихъ и саксонскихъ областяхъ, въ самомъ Ганноверѣ, и даже во Франкфуртѣ.

У насъ принято, съ пѣной у рта кричать противъ этого нѣмецкаго захвата; но, какъ справедливо замѣчаетъ газета *Таймс*—неужели можно одну секунду сомнѣваться въ томъ, что какой-либо народъ на мѣстѣ нѣмцевъ, въ теперешнемъ ихъ положеніи, поступилъ бы иначе? Притомъ не надо воображать, что мысль вернуть Эльзасъ явилась у нихъ только вслѣдствіе ихъ изумительно-неожиданныхъ побѣдъ; эта мысль застѣла въ голову каждаго нѣмца немедленно по объявленіи войны: они возымѣли ее даже тогда, когда ожидали долгой, упорной, защитительной борьбы въ собственныхъ границахъ. 15-го іюля, въ Берлинѣ, я своими ушами слышалъ ихъ говорящихъ въ этомъ смыслѣ. „Мы ничего не пожалѣемъ“, объявляли они, „отдадимъ всю свою кровь, все свое золото, но Эльзасъ будетъ нашъ“.—„А если васъ разобьютъ?“ спросилъ я.—„Если насъ *убьютъ* французы“, отвѣчали мнѣ, „пусть они съ нашего трупа возьмутъ рейнскія провинціи“. Игра завязалась отчаянная: ставка была несомнѣнно опредѣлена съ каждой стороны: вспомните объявленіе Жиардена, которому рукоплескала вся Франція, что нужно прикладами отбросить нѣмцевъ за Рейпъ... Игра проиграна однимъ игрокомъ; что удивительнаго, что другой игрокъ беретъ его ставку?

Такъ, скажете вы—это логика; но гдѣ справедливость?

Я полагаю, что нѣмцы поступаютъ необдуманно, и что расчетъ ихъ невѣрепъ. Во всякомъ случаѣ они уже сдѣлали большую ошибку тѣмъ, что на половину разрушили Страсбургъ, и тѣмъ окончательно возстановили противъ себя все народонаселеніе Эльзаса. Я полагаю, что можно найти такую форму мира, которая, на долго обезпечивъ спокойствіе Германии, не поведетъ къ униженію Франціи и не будетъ заключать въ себѣ зародыша новыхъ, еще болѣе ужасныхъ войнъ. И можно ли предполагать, что послѣ страшнаго опыта, которому она подверглась, Франція снова захочетъ испытать свои силы? Кто изъ французовъ, въ глубинѣ души своей, не отказался теперь на вѣкъ отъ Бельгій, отъ рейнскихъ провинцій? Было бы достойно нѣмцевъ—нѣмцевъ-побѣдителей—также отказаться отъ Лотарингии и Эльзаса. Кромѣ вещественныхъ гаранцій, на которыя они имѣютъ полное право, они могли бы удовлетвориться гордымъ сознаніемъ, что, по выраженію Гарibaldi, ихъ рукою было низвергнуто въ прахъ безправственное безобразіе бонапартизма.

Но отказывается, въ эту минуту, въ Германии отъ Эльзаса и Лотарингии только крайняя демократическая партія; прочтите рѣчь, произнесенную ея главнымъ представителемъ, I. Якоби, изъ Кенигсберга, этимъ непоколебимымъ, грандіознымъ доктринеромъ, котораго не напрасно сравниваютъ съ Катонемъ Утическимъ. Партія эта числительно слаба—и едва начинаетъ распространяться между

работниками, безъ которыхъ никакая демократія немислима. При томъ не туда направлены теперь всѣ стремленія Германіи: объединеніе нѣмецкой расы и упроченіе этого объединенія—вотъ ея дозупгъ. Она исполняетъ теперь сознательно то, что у другихъ народовъ совершилось гораздо ранѣе и почти безсознательно: кто можетъ ее обвинять въ этомъ? И не лучше ли принять и внести въ наличную книгу исторіи этотъ фактъ—столь же непреложный и неотвратимый, какъ всякое физиологическое, геологическое явленіе?

А бѣдная, растерзанная, растерянная Франція, что съ нею будетъ? Ни одна страна не находилась въ болѣе отчаянномъ положеніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она напрягаетъ всѣ силы свои для смертельной борьбы, и письма, полученные мною изъ Парижа, свидѣтельствуютъ о непреклонной рѣшимости защищаться до конца, какъ Страсбургъ. Будущее Франціи зависитъ теперь отъ парижалъ. „Намъ надо будетъ перевоспитать себя“, пишетъ намъ одинъ изъ нихъ; „мы заражены имперіей до мозга костей; мы отстали, мы упали, мы погрязли въ невѣжествѣ и самоубійствѣ... по это перевоспитаніе впереди: теперь мы должны спасти себя, мы должны дѣйствительно окреститься въ той кровавой купели, о которой только болталъ Наполеонъ; и мы это сдѣлаемъ“. Скажу не обидуясь, что мои симпатіи къ нѣмцамъ не мѣшаютъ мнѣ желать ихъ неудачи подъ Парижемъ; и это желаніе не есть измѣна тѣмъ симпатіямъ: для нихъ же самихъ лучше, если опи Парижа не возьмутъ. Не взявъ Парижа, они не подвергнутся соблазну сдѣлать ту попытку реставраціи императорскаго режима, о которой уже толкуютъ нѣкоторыя ультра-усердныя и патріотическія газеты; они не испортятъ лучшаго дѣла своихъ рукъ, они не нанесутъ Франціи самой кровавой обиды, которую когда-либо претерпѣвалъ побѣжденный народъ... Это будетъ еще хуже отнятія провинцій! „Ватерлоо можно еще простить“, справедливо замѣтилъ кто-то, „но Седанъ никогда!“ *Проклятый—le maudit*—въ устахъ французскаго солдата нѣтъ другаго имени Наполеону; и могло ли оно быть иначе? Не говорю уже о томъ, что народу, такъ глубоко, такъ безжалостно пораженному, необходимо, по законамъ психологіи, выбрать „козлыще очищенія“; а что на этотъ разъ „козлыще“ не невинное существо, въ томъ, я полагаю, не сомнѣваются даже *Московскія Вѣдомости*.

Но, повторяю, роль меча еще не копчена... опъ одинъ разрубить гордиевъ узелъ.

А я все-таки скажу: хоть и нельзя желать полной побѣды нѣмцевъ, но самая эта побѣда намъ должна служить урокомъ: она является торжествомъ большаго знанія, большаго искусства, сильнѣйшей цивилизаціи: наглядно, съ несомнѣнной, поразительной ясностью показано намъ, что доставляетъ побѣду.

И. Т.

5.

Бадепъ-Баденъ, 18-го (30) сентября.

Сегодня мнѣ невольно приходили въ голову начальные стихи гѣтовской поэмы: „Германъ и Доротей“. Такъ же, какъ и въ томъ городѣ, все народонаселеніе Бадена отправилось на большую дорогу смотрѣть „печальное шествіе злополучныхъ, изъ родины изгнанныхъ людей“—т.-е. семнадцатитысячнаго страсбургскаго гарнизона, которому, пока, назначено мѣстопробываніе въ Рапштаттѣ. (Замѣчу кстати, что „героическая“ защита Страсбурга далеко не оправдала эпитета, заранѣе данаго ей французами; не говоря уже о Севастополѣ, она не можетъ идти въ сравненіе даже съ защитою Антверпена въ 1832 г., которая продолжалась тоже

около мѣсяца, но гдѣ генераль Шассѣ сдался только послѣ взятія штурмомъ форта св. Лаврентія, командовавшаго всѣмъ городомъ; впрочемъ, ни одинъ другъ человечества не будетъ жалѣть о томъ, что генераль Урихъ избѣгъ ненужнаго кровопролитія, не дождавшись штурма. Говорятъ, у него не было больше пороха.) Длинная колонна плѣнныхъ, которыхъ пѣшкомъ привели изъ Страсбурга, сегодня только въ 5 часовъ приблизилась къ Раштатту, хотя ожидали ее къ 12-ти часамъ; она являла самую разнообразную и живописную смѣсь мундировъ: тутъ были и пѣхотинцы двадцати различныхъ полковъ, и кирасиры, и артиллеристы, и жандармы, и зуавы, и тюркосы—остатки макъ-магоповской армии. Солдаты шли бодро и даже весело—и не казались изнуренными, хотя многие были босы; почти каждый изъ нихъ держалъ въ рукѣ шомполь или палку съ ранзанными овощами и плодами, картофелемъ, яблоками, морковью, кочанами калусты; тюркосы скалили зубы и озирались какъ дѣти; офицеры шли молча, отдѣльными кучками, съ опущенными глазами, со скрещенными на груди руками: они одни, казалось, чувствовали всю горечь своего положенія. Комедантъ Раштатта выѣхалъ со всѣми своими адъютантами на встрѣчу плѣнныхъ и шелъ впереди колонны; нѣсколько французскихъ штабъ-офицеровъ также ѣхало верхомъ—все сохранили свои шпаги. Десятитысячная публика, стоявшая по обѣимъ сторонамъ дороги, вела себя очень прилично—съ полнымъ уваженіемъ къ несчастію побѣжденныхъ; не было слышно ни одного клика, ни одного слова, оскорбительнаго для ихъ самолюбія. Одна старая крестьянка засмѣялась-было при видѣ одного дѣйствительно каррикатурнаго тюркоса; но ее тотчасъ осадилъ работникъ въ блузѣ, промолвивъ: „Alles zu seiner Zeit; heute lacht man nicht“. (Все въ свое время; сегодня не смѣются). Это не мѣшаетъ всѣмъ нѣмцамъ чувствовать великую радость при мысли о безповоротномъ (какъ они полагаютъ) возвращеніи древне-германскаго города въ лоно объединенной родины; притомъ они хорошо знаютъ, что паденіе Страсбурга ускоритъ паденіе Парижа, давая имъ возможность отправить всю осадную артиллерию по желѣзной дорогѣ, ставшей совершенно свободною послѣ сдачи Туля.

Удары не перестаютъ падать, одинъ за другимъ, на несчастную Францію. Я на дняхъ имѣлъ продолжительные разговоры съ однимъ французомъ, только что возвратившимся изъ Дижона, куда онъ ѣздитъ съ цѣлью попытаться попасть въ будущее Учредительное Собрание. Выборы въ это собраніе были отсрочены, какъ извѣстно, на неопредѣленное время, подъ влияніемъ телеграммы Фавра, отправленной послѣ его разговора съ Бисмаркомъ, и послѣдовавшей затѣмъ прокламаціи Кремьё. Вотъ что говорилъ мнѣ французъ, вернувшійся изъ Дижона: „У насъ теперь нѣтъ собранія, нѣтъ правительства, нѣтъ армии,—а есть только ярость и рѣшимость отчаянно драться до конца. Умѣренные люди молчатъ—и должны молчать; дѣйствовать могутъ только одни крайніе, беззавѣтные, безумно-страстные; и, прибавилъ онъ, *ce sont peut-être les plus fous qui sont maintenant les plus sages; ils nous sauveront peut-être*“. (Самые безумные—быть можетъ, самые разсудительные: они спасутъ насъ). Если Парижъ въ состояніи продержаться три, четыре мѣсяца; если французы выкажутъ только часть того несокрушимаго темперамента, который, въ концѣ-концовъ, доставилъ испанцамъ побѣду надъ Наполеономъ; если во всѣхъ департаментахъ учредятся гверильясы, если самое паденіе Парижа насъ не смутитъ—дѣло можетъ быть еще выиграно. Надо заставить пруссаковъ бороться съ призракомъ, съ пустотою, съ совершеннымъ отсутствіемъ всякаго правительства—*il faut faire le vide devant eux*... Съ кѣмъ они заключатъ миръ, когда уже теперь они не видятъ передъ собою ни одного отвѣтственнаго, гарантированнаго лица? Не за Наполеона же взяться въ самомъ

дѣлѣ? А между тѣмъ ихъ громадная армія будетъ таять какъ воскъ; да они же не могутъ оставаться такъ долго внѣ Германіи, вдали отъ своихъ жилищъ, семействъ... Вооруженная нація способна только на короткіе походы, а наши средства нестоимы“.

Вотъ какими рѣчами старался мой знакомый хотя нѣсколько заглушить свою патристическую скорбь... Нельзя не согласиться, что въ нихъ есть значительная доля истины. А между тѣмъ, тотъ же самый французъ нисколько не скрывалъ отъ себя всѣхъ темныхъ сторонъ того самаго положенія, которое возбуждало его надежды: особенно сокрушало его совершенное исчезновение дисциплины во французской арміи, на которое намекалъ уже Трошю въ известной своей брошюрѣ... Имперія превратила солдатъ въ преторіанцевъ, а преторіанская дисциплина намъ известна изъ исторіи.

Все зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ того, какъ поведетъ себя Парижъ; лучше Страсбурга, должно надѣяться.

И. Т.

Анализъ войны 1870 г., представленный Тургеневымъ, есть какъ бы методологическій примѣръ, показательный для всѣхъ временъ. Если отбросить въ этомъ эпизодѣ всѣ временныя, конкретныя опредѣленія, то обнажается скрытый *подлинный* механизмъ войны, одинаковый во всѣхъ войнахъ,—механизмъ психическій. Не изученіемъ конкретного учить насъ исторія, но она дѣйствительно даетъ руководящія и ободряющія уроки, когда путемъ анализа конкретныхъ чертъ прошлаго она устанавливаетъ основныя, вѣчно-дѣйствительныя типы психическихъ состояній.

Тщательность подготовки и освѣдомленности, качество вооруженій, даровитость полководцевъ имѣютъ, конечно, громадное значеніе для успѣха войны: кто станетъ отрицать это? Но не они рѣшаютъ участь войны и народа. Очень вѣроятно, что германская военная организація матеріально теперь еще совершеннѣе, чѣмъ въ 1870 г., во времена Бисмарка, Мольтке и Роона, и это легко объяснить. Дѣло въ томъ, что нравственный подъемъ 1866—1871 годовъ, такъ могущественно дисциплинировавшій личность въ Германіи для національнаго подвига, вслѣдъ затѣмъ продолжалъ свое дѣйствіе, но только въ другой сферѣ: народъ прошелъ въ тѣ годы великолѣпную школу личнаго усердія, профессиональнаго прилежанія,—и всю эту выучку онъ перенесъ затѣмъ въ свою частную жизнь, т.-е. преимущественно въ промышленный трудъ. Отсюда колоссальный успѣхъ германской промышленности съ 1870 года, и отсюда же, безъ сомнѣнія, пониженіе духовнаго уровня Германіи, ибо всѣ силы ея народнаго духа поглощены механической вѣрностью формальному долгу, что и сдѣлало нѣмцевъ, отъ министра и профессора до кондуктора и почтоваго чиновника, до рабочаго на заводѣ, наиболѣе дисциплинированными работниками въ мірѣ. Эта же механическая исправность жила и съ годами крѣпла, разумѣется, и въ военномъ сословіи и держала его формально на высокомъ уровнѣ, тѣмъ

болѣе, что славныя воспоминанія 1868—1871 гг. непрерывно въ смѣнѣ поколѣній питали его профессиональную гордость. И это формальное совершенство германской арміи—безспорно могучая сила. Послѣ ужасныхъ боевъ подъ Шарлеруа мы читали въ газетахъ: „Нѣмцы шли въ атаку большими колоннами, подкрѣпленными многочисленной артиллеріей съ пушками большого калибра. Колонны имѣютъ видъ подвижныхъ крѣпостей, окруженныхъ огнемъ. Онѣ образуютъ колоссальный массивъ, какъ будто приводимый въ движеніе какимъ-то могучимъ механизмомъ“.—Нѣмецкая военная организація извлекаетъ изъ солдата максимумъ того, что можетъ дать человѣкъ, превращенный въ машину.

Но, повторяю, исходъ всякой войны опредѣляется единственно тѣмъ, въ какомъ нравственномъ состояніи народъ начинаетъ войну, или—что то же—за какую цѣнность онъ борется, потому что, очевидно, данное вождѣніе есть зрѣлый плодъ его нравственнаго состоянія въ болѣе или менѣе долгій періодъ, непосредственно предшествовавшій войнѣ. Нынѣшнюю войну ведетъ ли нѣмецкій народъ? Этому невозможно повѣрить; у него не было никакого неодолимаго побужденія къ ней,—его никто не угнеталъ, никто не грозилъ его цѣлости и свободѣ. Война 1870 года также была нужна не французскому народу: она была нужна Наполеону, который думалъ завоеваніемъ рейнскихъ провинцій вернуть себѣ расположеніе Франціи; она была нужна военной кликѣ—Лебѣфу, Грамону и др., жаждавшей мести за Садову; наконецъ, ея желала императрица, мечтавшая побѣдами обезпечить престолъ за своимъ сыномъ. Сейчасъ, разумѣется, никто не можетъ съ увѣренностью судить о цѣляхъ, которыя преслѣдуетъ Вильгельмъ и его военная клика настоящей войною; но можно догадываться, что ихъ двойной замыселъ сводится къ тому, чтобы утвердить въ Европѣ гегемонію Германіи и расширить ея колоніальныя владѣнія за предѣлами Европы. Въ этихъ двухъ замыслахъ нѣтъ ни одной крупинки ни нравственнаго идеализма, ни той острой принудительности, когда борьба за свое самосохраненіе превращается для народа какъ бы въ религиозный долгъ (какъ для Россіи въ 1812-мъ, для самихъ нѣмцевъ въ 1813—14 гг.); здѣсь только честолюбіе отъ самомиѣнія и жадность отъ избытка силъ. Но ни то, ни другое не можетъ пробудить беззавѣтнаго одушевленія въ народной душѣ. За эти 44 года Германія была деморализована національнымъ тщеславіемъ и формализмомъ своего труда. Безъ этой деморализаціи общества было бы немислимо самое объявленіе настоящей войны; и та же деморализація породила въ первые дни войны нѣкое подобіе военнаго одушевленія, именно угаръ, въ которомъ сочетались, какъ теперь уже несомнѣнно, тѣ изменныя чувства, какія взрастилъ въ нѣмцахъ за этотъ долгій періодъ духъ самодовольства и сытости. Толпа въ своемъ возбужденіи умѣетъ быть благородной и великодуш-

пой, и умѣть быть звѣремъ; по характеру ея проявленій можно безошибочно судить о качествѣ ея одушевленія. Чтобы опредѣлить, *какъ* велика сила нѣмцевъ въ этой войнѣ, намъ нужно узнать, *какая* сила движетъ ими теперь,—и вотъ признаки ея: насильничество и издѣвательство нѣмецкой толпы надъ русскими въ первые дни войны, разгромъ Калиша, Лувена и другія звѣрства нѣмецкой военщины. *Такими* признаками сказываются только мгновенныя вспышки злобы или хмель, ударившій въ голову, но не то глубокое, прочное одушевление, которое одно даетъ войску и народу силу для долгой борьбы и для побѣды. Нѣмцы будутъ одерживать побѣды, потому что они хорошо вымуштрованы, но они не могутъ побѣдить, потому что они не борются ни за что святое для нихъ, и опьяненіе, возбуждившее народъ въ началѣ, непрочно и продлится недолго, какъ всякое нервное раздраженіе. Этотъ выводъ, основанный на учетѣ нравственныхъ силъ, имѣетъ большую практическую цѣну, чѣмъ всѣ выкладки о сравнительномъ количествѣ дреднотовъ, пушекъ и дивизій на обѣихъ сторонахъ.

Исходя изъ этихъ же соображеній легко понять, что австрійцамъ не суждено имѣть даже того начальнаго успѣха, который, можетъ быть, выпадетъ на долю Германіи, потому что у нихъ нѣтъ и этихъ на время достаточныхъ ресурсовъ—возбужденной алчности Вильгельма, долговременной школы національнаго самомирія, формальной исполнительности каждаго, наконецъ образцовой военной организаціи. Австрія своей необдуманной жадностью, повидимому, только сослужила службу германскому шовинизму: надежда легко овладѣть Сербіей безъ вмѣшательства Россіи, которую долженъ былъ запугать Берлинъ,—эта надежда обманула, и Австрія оказалась коварно вовлеченной своимъ союзникомъ въ войну, которая нужна только ему, но вовсе не нужна ей самой. Не только народъ и общество, но даже самое правительство Австро-Венгрии не можетъ хотѣть этой войны, и ведетъ ее теперь, конечно, только въ силу формальнаго обязательства передъ Пруссіей. Но на союзническую вѣрность Австріи никогда нельзя было полагаться, что и понятно въ виду сложности ея состава и внутреннихъ отношеній. Нѣтъ сомнѣнія, что Австрія постарается при первой возможности, пока цѣла, выбраться подъ благовиднымъ предлогомъ изъ европейской свалки. Она съ первыхъ дней войны воюетъ вяло и неудачно; иначе и не могло быть.

Каковы бы ни были эгоистическіе, національные интересы отдѣльныхъ державъ, сплотившіе $\frac{2}{3}$ Европы въ вооруженную коалицію противъ Германіи,—глубочайшей причиной ихъ дѣйствій является та нравственная антипатія, которую постепенно за послѣднія 25 лѣтъ возбудила противъ себя новая, самоувѣренная, цинично-матеріальная, бездушно-исполнительная Германія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ даже не

самый фактъ, напримѣръ, выступления Англии или дружественнаго союзникамъ настроенія Италіи, потому что и то, и другое можно было бы объяснить практическимъ расчетомъ; но объ этомъ неотразимо свидѣтельствуется невиданное за сто лѣтъ одушевление общества и, повидимому, даже народныхъ массъ въ союзныхъ государствахъ, въ англійскихъ колоніяхъ и въ той же Италіи, потому что никакія конкретныя соображенія экономическаго или политическаго свойства не могли бы вызвать такого подъема (исключая, разумѣется, Бельгіи и Франціи, для которыхъ вызовъ Германіи сразу явился вопросомъ жизни и смерти). Давно и глухо нарастающая антипатія къ духовному облику нынѣшней Германіи не могла не разразиться грозой всеобщаго негодованія, когда этотъ обликъ внезапно обнажился весь—въ чудовищной наглости безпричиннаго объявленія войны Вильгельмомъ намъ и Франціи, въ чудовищномъ цинизмѣ и жестокости расправы съ мирной и обезпеченной трактатами Бельгіей, въ безчеловѣчномъ способѣ веденія войны нѣмцами съ первыхъ дней, и пр. До этихъ дней европейскіе народы не отдавали себѣ яснаго отчета, какое чудовище живетъ среди нихъ—германскій милитаризмъ; они видѣли только его силу, и заботились о томъ, чтобы не уступать ему въ силѣ, но они не понимали его сущности; и вдругъ онъ всталъ во весь ростъ и открылъ свое лицо,—и содроганіе прошло по всему культурному міру: это не Арминій—это Ариманъ, князь тьмы и зла. Противъ принципа физической силы солидарность могла образоваться только на почвѣ принципа моральнаго; отсюда это одушевление народовъ, которое есть сильнѣйшій и прочнѣйшій двигатель коллективнаго духа. Именно голый цинизмъ нѣмецкой солдатчины, какъ контрастъ и угроза высшимъ духовнымъ началамъ, напомнилъ культурнымъ націямъ о цѣнности этихъ началъ, расшевелилъ въ миллионахъ сердецъ чувства челоуѣчности и солидарности. Такъ странно свершается исторія, что изъ горькаго рождается сладкое, изъ крови—вѣра и любовь. Это воспитательное значеніе нынѣшней войны безпримѣрно въ исторіи и поистинѣ безцѣнно для всего челоуѣчества, въ особенности для странъ, отстаивающихъ миръ и право противъ Германіи съ оружіемъ въ рукахъ.

Исходъ этой борьбы несомнѣненъ, потому что автоматизмъ всегда есть ограниченное количество энергіи, тогда какъ живая сила духа неисчислима въ напряженіяхъ и находчивости. Первый періодъ войны будетъ очевидно благопріятенъ для нѣмцевъ; ихъ войска, въ силу своихъ формальныхъ достоинствъ, одержать рядъ побѣдъ, правда, трудныхъ и дорого стоящихъ, потому что противъ нихъ—одушевленіе. Въ этихъ трудностяхъ будетъ постепенно истрачиваться сила инерціи, сообщенная нѣмецкому солдату выучкой, и такъ какъ эта сила неспособна обновляться изъ глубинъ духа, то ея убыли ничто не возмѣститъ; тогда

возьмутъ верхъ союзники. Но будетъ великимъ счастьемъ для Европы, ежели въ силу какихъ-либо благопріятныхъ обстоятельствъ война прекратится раньше, чѣмъ она станетъ грозить самому существованію Германіи, потому что *такая* опасность безъ сомнѣнія пробудила бы въ нѣмецкомъ народѣ подлинное одушевленіе, т.-е. вооружила бы его новымъ и уже по-иному несокрушимымъ мужествомъ, что затянуло бы войну надолго. Германіи Вильгельма II сейчасъ такъ же нуженъ урокъ, какъ наполеоновской Франціи въ 70-мъ году; Европѣ надо избавиться отъ вѣчной угрозы германскаго милитаризма, которая столько лѣтъ заставляла ее истощать народныя силы въ вооруженіяхъ и таила въ себѣ возможность такихъ ужасныхъ неожиданностей, какъ эта война; но да не станетъ обузданіе — мстью и торжество мира — кровавымъ торжищемъ.

18 августа.

М. Гершензонъ.

Проблема „вѣчнаго мира“.

Французскій мыслитель конца XVII вѣка, аббатъ де Сень-Пьеръ, писалъ въ своемъ утопическомъ „Проектѣ вѣчнаго мира“ („Projet de la Paix perpetuelle“), что европейская война невозможна, потому что вся духовная и матеріальная культура стала слишкомъ общей, взаимной, чтобы такая война могла оказаться выгодной даже для побѣдителя. Свое положеніе онъ доказывалъ систематическимъ рядомъ вопросовъ и отвѣтовъ. Его трактатъ вызвалъ много насмѣшекъ у послѣдующихъ, болѣе скептически настроенныхъ поколѣній и до сихъ поръ считается образчикомъ утопическаго курьеза ¹⁾. Но если оставить въ сторонѣ практическія предложенія аббата, то можно найти въ этомъ трактатѣ интересныя и вполне разумныя теоретическія соображенія, которыя приобрѣтаютъ особый и, можно сказать, „пикантный“ смыслъ, если взглянуть на нихъ теперь, въ перспективѣ двухъ столѣтій.

Сень-Пьеръ, какъ и полагается французскому мыслителю XVII—XVIII вв., не углубляется въ метафизическую сущность проблемы „вѣчнаго мира“, а считаетъ непосредственно съ положеніемъ вещей. Миръ обезпечивается или долженъ быть обезпеченъ установленіемъ международнаго равновѣсія въ Европѣ. Данныя для такого равновѣсія налицо: „Всѣ завоеватели, производившіе перевороты, являлись съ неожиданными силами или съ иноземными войсками, по-разному обученными, являлись къ народамъ либо безоруженнымъ, либо разъединеннымъ, либо лишеннымъ дисциплины. Но откуда взять европейскому государю неожиданныя силы, чтобы подавить силы всѣхъ другихъ, если самый могущественный изъ нихъ есть только малая часть цѣлаго и если всѣ другіе такъ бдительны?... Можетъ быть, у него окажется больше денегъ? Но источники денегъ—общіе, и притомъ деньги никогда не дѣлали большихъ завоеваній. Или онъ произведетъ внезапное напа-

¹⁾ Интересно, впрочемъ, отмѣтить, что этимъ трактатомъ увлекался Пушкинъ въ пору своего участія въ кружкѣ М. Ѳ. Орлова: въ концѣ 1821 г. его „конькомъ“ былъ, по словамъ жены Орлова, „вѣчный миръ аббата Сень-Пьера“.

деніе? Голодь и укрьплонія будутъ задерживать его на каждомъ шагу. Или онъ захочетъ усиливаться постепенно? Въ такомъ случаѣ онъ дастъ врагамъ возможность объединиться для сопротивленія. И тогда очень скоро ему не будетъ хватать ни времени, ни денегъ, ни людей. Или онъ постарается разъединить остальные государства, чтобы одолѣвать ихъ каждое отдѣльно, при помощи другого? Европейскія установленія дѣлають такую политику напрасной—самый ограниченный государь не дастся въ эту западню¹⁾.

Позже Вольтеръ смѣялся надъ благодушемъ аббата, называлъ его проектъ „химерой“ и утверждалъ, что его предложенія не могутъ найти осуществленія въ средѣ государей такъ же, какъ въ отношеніяхъ между слонами и носорогами или между волками и собаками: „Плотоядные животныя всегда будутъ драться при первой возможности“. Однако, тутъ же Вольтеръ сдѣлалъ смягчающее примѣчаніе, въ которомъ указывалъ, что сама по себѣ проблема мира не бессмысленна, но что такой миръ можетъ установиться только тогда, когда *„всякій, кто вздумалъ бы предпринять войну изъ гордости или по прихоти, считался бы врагомъ всѣхъ народовъ“*²⁾. Здѣсь Вольтеръ, въ сущности говоря, вовсе не такъ далекъ отъ Сень-Пьера. Зачинщика европейской войны онъ предлагаетъ считать „врагомъ всѣхъ народовъ“ именно потому, что такая война не можетъ быть выгодна даже для побѣдителя. И вотъ это основное условіе мира начинается, повидимому, сбываться.

Обрушившаяся на голову Европы война замѣчательна тѣмъ, что въ самомъ характерѣ ея начальныхъ дѣйствій чувствовались элементы политической неврастности или даже психопатіи. Австрійскій ультиматумъ, подписанный дрожащей рукой несчастнаго 84-лѣтняго старца, есть актъ безумія, а все, что послѣ этого дѣлала и дѣлаетъ Германія, совершенно несомнѣнимо съ нормальнымъ политическимъ мышленіемъ. Если Германія и готовилась заранѣе къ столкновенію, то моментъ, ею выбранный, и образъ ея дѣйствій тѣмъ ярче доказываютъ ненормальность ея психики. Она точно забыла даже о тѣхъ элементарныхъ вопросахъ, которые ставилъ въ своемъ трактатѣ миролюбивый аббатъ. Или она думала перехитрить аббата и соединить всѣ три возможности вмѣстѣ, т.-е., постепенно усилившись, произвести внезапное нападеніе и, разъединивъ противниковъ, одолѣвать каждого отдѣльно при помощи другого? Въ такомъ случаѣ Германія не замѣтила, что политическая

¹⁾ Перевожу по тексту, который напечаталъ въ изданіи сочиненій Руссо (Lyon, 1796, t. 26, p. 5—61) передъ его критической статьей на ту же тему—„Jugement sur la Paix perpetuelle“.

²⁾ См. изданіе сочиненій Вольтера 1785 г., т. 34, стр. 41—„De la Paix perpetuelle“.

культура со временъ Сень-Пьера измѣнилась и что правительство, дерзнувшее „изъ гордости или по прихоти“ вызвать на войну остальные европейскія государства, становится въ одинъ день, въ одинъ часъ—*„врагомъ всѣхъ народовъ“*. И право, не мѣшало бы германскому правительству заглянуть передъ объявленіемъ войны въ утопическій трактатъ о „вѣчномъ мирѣ“! Оно прочитало бы тамъ, что постепенное, но упорное усиленіе объединяетъ противниковъ, а внезапное нападеніе сопряжено съ большими стратегическими трудностями и при этомъ необычайно повышаетъ воинственную эмоцію врага. Если же и это все было учтено Германіей, то приходится признать, что она переживаетъ острый періодъ политическаго умопомѣшательства, когда роковое влеченіе къ самоубійству заглушаетъ голосъ разума и совѣсти.

Замѣчательно еще, что въ началѣ XVIII вѣка именно Германія считалась оплотомъ европейскаго равновѣсія. Сень-Пьеръ пишетъ въ томъ же трактатѣ: „Вѣрной опорой этой европейской системы служить отчасти обмѣнъ торговли, который почти всегда взаимно уравнивается. Но есть у этой системы еще болѣе сильная опора—германское государство (*Congrs Germanique*), расположенное почти въ центрѣ Европы; оно относится съ уваженіемъ ко всѣмъ остальнымъ частямъ Европы и служитъ, пожалуй, лучшей поддержкой для своихъ сосѣдей, чѣмъ для членовъ собственнаго тѣла. Это государство страшно для иностранцевъ своими размѣрами, количествомъ и качествомъ входящихъ въ него народовъ, но зато полезно для всѣхъ своимъ государственнымъ строемъ, который (если отнять у него возможность и желаніе завоевывать) долженъ представлять опасность для завоевателей. Несмотря на недостатки этого государственнаго строя, несомнѣнно, что, пока онъ существуетъ, равновѣсіе Европы не будетъ нарушено, и вестфальскій договоръ, быть можетъ, навсегда останется базой нашей политической системы. Поэтому государственное право, которое съ такимъ рвеніемъ изучаютъ нѣмцы, имѣетъ еще гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ они полагаютъ, потому что оно—не только германское государственное право, но, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, право всей Европы“. И тутъ же Сень-Пьеръ дѣлаетъ грозное примѣчаніе по адресу Англіи: „Можно предсказать, что лѣтъ черезъ двадцать Англія, со всей своей славой, превратится въ развалины и потеряетъ послѣдніе остатки своей свободы... Англичане хотятъ быть завоевателями—они скоро станутъ рабами“.

Сень-Пьеръ оказался плохимъ пророкомъ. Не сбылось разрушеніе Англіи, не сбылось европейское равновѣсіе и не сбылись надежды, возлагаемыя имъ на Германію. Грозное примѣчаніе аббата должно быть теперь направлено по адресу Германіи, а проблема „вѣчнаго мира“ остается проблемой. Правда, государственный строй Германіи, со вре-

мень Сенъ-Пьера, измѣнился—благодушный аббатъ не предвидѣлъ появленія князя Бисмарка, а тѣмъ самымъ—не могъ предвидѣть, что въ концѣ XIX вѣка Германія потеряетъ уваженіе „ко всѣмъ остальнымъ частямъ Европы“ и въ такой же мѣрѣ сама лишится его. Не могъ онъ предвидѣть и того, что острое чувство національности вырождается въ национализмъ, который стальнымъ кольцомъ оковываетъ нѣмецкую культуру и въ противовѣсъ ей свободно развиваетъ элементы варварства. Но если въ этой грандіозной борьбѣ во имя культуры одолѣетъ она, а не варварство, то не должна ли передъ нами заново встать эта проблема „вѣчнаго мира“ не какъ утопическая греза аббата де Сенъ-Пьера, но какъ совершенно реальный нашъ долгъ передъ всей исторіей? И не должны ли мы серьезно задуматься надъ тѣмъ, какъ обезпечить развитіе національной культуры каждой страны отъ вторженія въ нее варварскихъ элементовъ націонализма?

Б. Эйхенбаумъ.

Въ Германіи передъ войной.

I. Наблюденія отъѣзжавшаго.

Для того чтобы имѣть представленіе о томъ, какое настроеніе царило въ Германіи въ самомъ началѣ европейскаго кризиса, надо прежде всего помнить, что событія развертывались помимо воли и участія нѣмецкаго народа. Населеніе не причастно было къ форсированію событій, приведшихъ къ катастрофѣ. Мирно настроенное, занятое своими повседневными дѣлами, оно явно не желало войны. Война мыслилась обывателю только какъ несчастіе, разореніе и казалась кошмарной далекой возможностью.

Событія были продиктованы *сверху*, прусской военной кликой. Тамъ наверху было все готово, и, должно быть, однимъ изъ первыхъ шаговъ въ стратегическомъ планѣ намѣчена была обработка общественнаго мнѣнія. Пресса какъ бы вошла въ общую систему мобилизаціи. Все, начиная отъ *Kreuzzeitung*, кончая *Vorwärts*'омъ, послушно стало на защиту и осуществленіе адскаго плана. Печать занялась ложью и укрывательствомъ. Газеты стали сообщать о происходящихъ въ Россіи рабочихъ беспорядкахъ, раздувая ихъ въ настоящую народную революцію; телеграфное бюро Вольфа упорно скрывало отъ общественнаго мнѣнія отвѣтъ сербскаго правительства на австро-венгерскую ноту.

Когда ультимативный 24-часовой срокъ австрійской ноты отъ 10 (23) іюля истекъ, я тщетно сталъ искать въ берлинскихъ газетахъ отвѣтъ сербскаго правительства. Германская власть и, оказавшаяся у нея въ полномъ послушаніи, печать *скрыли отъ общественнаго мнѣнія Германіи* лояльную, поразительную по своей уступчивости отвѣтную ноту Сербіи. Только *Frankfurter Zeitung* рѣшилась опубликовать ее независимо отъ телеграфнаго бюро Вольфа да изъ англійскихъ и русскихъ газетъ я узналъ объ отвѣтѣ на 3-й день, когда дипломатическіе переговоры велись уже на лезвіи ножа, когда Извольскій телеграфировалъ уже въ Петербургъ, что „выступленія Германіи имѣютъ несомнѣнной цѣлью раздѣлнить Россію и Францію и въ случаѣ войны отбросить

отвѣтственность за нее не на Германію, якобы всѣми силами стремящуюся сохранить миръ, а на Россію и Францію“, когда статсъ-секретарь Яговъ отвѣтилъ уже нашему повѣренному, что „не можетъ совѣтовать Австріи уступить“, и когда Сазоновъ опредѣленно констатировалъ на основаніи своихъ бесѣдъ съ Пурталесомъ, что „ключъ положенія въ Берлинѣ и что Германія благопріятствуетъ непримиримости Австріи“.

Зато не было недостатка въ телеграммахъ и извѣстіяхъ о революціи въ Россіи.

„Собственные корреспонденты“ телеграфировали, что движеніе рабочихъ разрастается и грозитъ превратиться во всеобщую забастовку, что въ Финляндіи возстаніе, въ Польшѣ—сильное повстанческое движеніе, въ Москвѣ—чума, со дня на день ожидается приостановка желѣзнодорожнаго движенія и т. д., и т. д.

Какъ ни сомнительно звучали эти телеграммы серьезныхъ газетъ, но и отъ нѣкотораго допущенія этой вѣроятности страшно стало вѣриться за родину, обреченную на войну въ такомъ положеніи. Не вѣрилось въ Берлинѣ, что Россія рѣшится на смѣлый шагъ. Вѣдь дѣло изображалось такъ, что мы, молъ, Deutschland стоимъ за Frieden, Wohlstand и Aufklagung, а война исходитъ отъ Россіи, которая не желаетъ прекратить мобилизаціи и помышляетъ коварно напасть на Фатерландъ. Даже послѣ объявленія войны, находясь въ Германіи, нельзя было отчетливо разобрать, кто кому объявилъ войну—мы Германія или она намъ.

Германское правительство скрывало отъ народа, что объявленіе войны исходитъ отъ Германіи и Австріи, а не наоборотъ.

Народъ не являлъ собою зрѣлица воинствующей толпы, не было также той патриотической торжественности, съ которой реагируютъ англичане на государственныя событія. Если считать народомъ даже толпы, фланировавшія по Unter den Linden, то и здѣсь, въ наиболѣе возбудимомъ мѣстѣ, настроеніе казалось взвинченно-нервнымъ, по существу пассивнымъ и праздно-выжидательнымъ.

Молодежь, студенты - корпоранты, подозрительные субъекты орали, выкрикивая патриотическіе лозунги; кучки любопытныхъ суетливо поджидали проѣзжавшаго кронпринца, который то и дѣло шнырялъ по улицамъ въ своемъ автомобилѣ съ разноголосымъ гудкомъ. Толпились просто люди, жадные до зрѣлицъ и городской суеты. Точно такую толпу можно видѣть въ Берлинѣ во время всякихъ торжествъ, такъ было въ юбилейные дни Вильгельма, во время свадьбы его дочери и т. п. На лицахъ не было однако обычнаго праздничнаго одушевленія. Я наблюдалъ, какъ вздыхали послѣ прочтенія телеграммъ, видѣлъ озабоченныя лица людей, обдумывавшихъ предстоящее разстройство своихъ дѣлъ, я слышалъ разговоры запасныхъ, обсуждавшихъ, гдѣ будетъ страшнѣе—на русской или на французской границѣ.

16 июля я былъ на взморьѣ, когда ожидалось возвращеніе изъ Норвегіи Вильгельма, прервавшаго свое лѣтнее путешествіе. Изъ Swinemünde вышли ему навстрѣчу военныя суда. Я стоялъ на набережной, когда показались 4 миноноски. Ничего особеннаго не было въ этомъ зрѣлищѣ, но меня поразило, что многие изъ наблюдавшихъ были очень печальны, а женщины плакали при мысли, что война неминуема. Дымъ боевыхъ судовъ, пушечные салюты угнетающе дѣйствовали на воображеніе обывателя.

19 июля я видѣлъ въ Берлинѣ замѣчательное зрѣлище у Reichsbank.

Толпа неистово осаждала размѣнныя кассы. Здѣсь былъ настоящій лагерь съ бутербродами и пивомъ; то былъ подлинный народъ, тотъ самый Mittelstand, который составляетъ гущу нѣмецкой націи.

Женщины съ мѣшочками и ридикюлями, приготовленными для золота, стонали отъ напора толпы, надѣясь попасть внутрь банка; мужчины дѣйствовали кулаками, чтобъ пробраться ближе къ входной двери. Дверь была заперта и открывалась каждыя 10—15 минутъ для нѣсколькихъ очередныхъ долготерпѣливцевъ. Она охранялась пѣшими и конными штурманами. Въ толпѣ шныряли подозрительные полупьяные субъекты, демонстрировавшие безпечность и шутками убѣждавшие сосѣдей не терять времени на эту ненужную процедуру. Номинально кассы банка были открыты, но доступъ къ нимъ былъ такъ обставленъ, что въ банкъ проникали рѣдкіе счастливыя. Фактически размѣнъ былъ фикціей.

Событія продиктованы были германскимъ правительствомъ съ такой быстротой и диктаторской прямолинейностью, что разсудительные нѣмцы не имѣли возможности критически разобраться въ смыслѣ происходящаго.

Мнѣ приходилось въ эти дни быть участникомъ и слушателемъ многочисленныхъ разговоровъ; наканунѣ объявленія войны я провелъ нѣсколько часовъ въ популярномъ литературномъ кафѣ, бесѣдуя съ самыми разнообразными нѣмцами. Всѣ мои собесѣдники, мирно настроенные, казались растерянными, безпомощными въ своей неориентированности и въ своей психологической неподготовленности къ войнѣ. Только въ офицерскихъ кругахъ къ войнѣ были готовы со всей необходимой для этого брутальностью. Для „штатскаго“ нѣмца это было непонятно, неожиданно, и недаромъ въ большомъ ходу была фраза: „Es ist kein Volkskrieg—das ist ein Offizierkrieg“.

Фактъ войны выросъ предъ ними во всей его неожиданной жуткой конкретности. Определенно чувствовалось, что не народъ, даже не правительственный аппаратъ владѣетъ событіями, а прусская военная разнузданность, какая-то слѣпая иррациональная сила, съ которой нѣмецкій Verpunft не можетъ совладать.

Одинъ адвокатъ страстно говорилъ мнѣ, что онъ никакъ не приемлетъ

войны, онъ не видитъ никакихъ реальныхъ корней русско-германскаго спора; идея о спорѣ славянства съ германствомъ слишкомъ, молъ, абстрактна, чтобъ изъ-за этого сами ружья начали стрѣлять.

— Но что дѣлать? Насъ заставляютъ воевать, мы не можемъ вѣдъ сидѣть, сложа руки, когда вы вооружаетесь, мы должны вынуть мечъ изъ ноженъ,—какъ сказалъ сегодня кайзеръ.

Это было типичное, весьма распространенное сужденіе. Оно усиленно подготавливалось прессой и правительствомъ. Стратегическіе замыслы прусскихъ верховодовъ выдавались народу какъ необходимость національной обороны; конфузы дипломатической безцеремонности истолковывались печатью какъ успѣхи, обезпечивающіе дружеское расположеніе Англи; отъ послѣдней ожидалась выжидательная позиція съ вмѣшательствомъ при дѣлежѣ. Россія трактовалась печатью какъ „варварская орда“, съ которой надо разъ навсегда покончить, какъ несчастная Московія, раздираемая революціей и національными распрями.

Умные, трезвые нѣмцы, обсуждая милитарныя комбинаціи, невысоко учитывали Россію,—по большей мѣрѣ, какъ пушечное мясо, съ которымъ придется повозиться. Любопытно, что для казаковъ, предъ которыми они испытываютъ инстинктивный ужасъ, они создавали утѣшительное для себя занятіе. Казаки, молъ, останутся внутри Россіи для усмиренія революціи.

Удивительно было слышать отъ умныхъ людей дѣтскій лепетъ, вызванный полнымъ отсутствіемъ элементарныхъ свѣдѣній о Россіи, объ ея географіи, бытѣ, устройствѣ. Непозволительнымъ, опаснымъ легкомысліемъ, несвойственнымъ нѣмцу, казались эти ходкія разсужденія.

На такомъ зыбкомъ фундаментѣ обрабатывалось настроеніе націи.

Противъ явнаго нежеланія населенія подвергать себя экономическому разоренію правительство выдвигало національную необходимость, вызванную якобы Россіей, взятыя за оружіе; о „врагахъ съ Запада“ оно распространяло вздорную ложь (наприм., о бомбахъ, брошенныхъ съ французскихъ аэроплановъ въ Нюрнбергъ), о „врагахъ съ Востока“—безотвѣтственныя увѣренія въ нашей качественной ничтожности.

Въ кругу русскихъ въ Берлинѣ не вѣрили всему тому, что писалось и говорилось о Россіи, но тѣ изъ русскихъ, кто со времени японской войны и революціи ничего не забыли и ничему отъ жизни не научились, были увѣрены, что война и революція одновременно развернутся у насъ съ логической необходимостью. И любопытно, что такъ разсуждающіе допускали тѣмъ не менѣе конечную побѣду Россіи надъ нѣмцами. Это интуитивное сужденіе о конечной побѣдѣ выражали многіе русскіе, поклонники матеріальной культуры Германіи, вѣрящіе въ ея непоколебимую мощь. Эта интуиція возникала подъ впечатлѣніемъ нѣмецкихъ настроеній. Самымъ характернымъ въ нихъ было именно *отсутствіе*

настроенія, какое-то оскудѣніе, опустошеніе психики, какая-то механическая пассивность,—то, что нѣмцы обычно называютъ съ презрѣніемъ *Schlaffheit*. Съ досадой и ужасомъ думалось, что при такомъ бездушии, внутренней вялости насъ могутъ одолѣть матеріальныя силы и техническія приспособленія нѣмцевъ!

При полной неосвѣдомленности о томъ, что дѣлается на родинѣ, казалось, что у насъ сила должна исходить именно отъ недостающихъ здѣсь моральныхъ и психологическихъ факторовъ войны, что она нарастаетъ и лавиной двинется съ востока.

Жутко было оставаться въ Берлинѣ. Намъ не было тамъ мѣста. Въ ходъ была пущена огромная машина; каждый нѣмецъ, приставленный къ ней, съ остервенѣніемъ принимался за выполненіе своей функціи въ этой машинѣ. Нѣмецъ обладаетъ вѣдь удивительнымъ свойствомъ: каково бы ни было его настроеніе, онъ со всею рачительностью принимается за свою обязанность. Въ этомъ мобилизаціонномъ планѣ каждый быстро сталъ на свое мѣсто, чтобы безропотно исполнить свой долгъ. Поистинѣ замѣчательнъ этотъ даръ исполнительности у нѣмцевъ. Вялость въ настроеніи, пессимизмъ, даже явное несочувствіе затѣянному дѣлу нисколько не вліяютъ на его исполнительную энергію. Онъ всегда на-чеку, всегда въ дѣловомъ напряженіи.

Страшно хотѣлось знать, каково тамъ, у насъ, какова настоящая дѣйствительность, а не та, что изображалась въ нѣмецкихъ газетахъ. Тянуло на родину, но, съ другой стороны, любопытно было наблюдать нѣмцевъ, смотрѣть, какъ они приводятъ въ движеніе свой имперскій аппаратъ. Все это дѣлалось у нихъ, повторяю, безъ души, безъ восторговъ, печали и гнѣва. Рѣчь Вильгельма принята была безъ всякаго одушевленія, равно какъ призывы социаль-демократіи, каждодневно повторяемые въ *Vorwärts*'ѣ, не производили на рабочихъ впечатлѣнія. Демонстраціи противъ войны рабочихъ прошли, вопреки ожиданію, вяло и неимпозантно. Реторическія возможности *Vorwärts*'а исчерпались.

Вообще слова, фразы звучали пусто, отъ кого бы они ни исходили. Всѣ спѣшили на свои мѣста.

Я покинулъ Берлинъ 19 іюля (1 августа). На вокзалахъ нельзя было ничего добиться. Билеты продавались до Варшавы, Москвы, Петрограда, между тѣмъ никто не предупреждалъ, что границы закрыты. Обычная нѣмецкая любезность исчезла, на наши тревожные вопросы слѣдовали въ отвѣтъ лишь грубые прусскіе окрики. Горы багажа стояли на перонахъ. Погрузка багажа не производилась.

Поѣзда неистово начпнялись обезумѣвшей массой русскихъ. Я сѣлъ въ первый попавшійся поѣздъ на Торнъ—Александрово. Съ этого момента началась наша Одиссея, длившаяся 11 дней, одна изъ тѣхъ исторій, о которыхъ достаточно писалось въ газетахъ подъ рубрикой

„германскія звѣрства“. Партія, въ которой я находился, была изъ раннихъ, и на моихъ глазахъ лишь нарастало наглое обращеніе съ русскими, перешедшее затѣмъ въ систему.

Когда насъ довели до Торна и съ грубымъ понуканіемъ вытащили изъ вагоновъ, обнаружилось, насколько случайно и небрежно возили застрявшихъ въ Германіи русскихъ изъ конца въ конецъ. Здѣсь были уже пассажиры, вернушіеся съ другихъ закрытыхъ границъ, утѣшенные тамъ, что пройдутъ черезъ Торнъ. Да и насъ, оказалось, зря привезли: граница была уже закрыта. Когда мы сѣли на поѣздъ въ Берлинъ, желѣзнодорожная администрація не могла не знать, что изъ Торна - крѣпости нѣтъ выхода, что пограничный черезъ рѣчку мостъ взорванъ.

Комендантъ стапціи не зналъ, что съ нами дѣлать, а намъ въ ожиданіи рѣшенія оставалось только обогащать буфетчика въ теченіе цѣлой ночи. Буфетчикъ признавалъ лишь металлическое обращеніе, не считаясь съ тѣмъ, что золото давно исчезло изъ оборота, и съ стмарковой банкнотой можно было буквально умереть съ голоду. Русскія деньги, которыми располагали многіе пассажиры, утратили свою покупательную силу еще съ 15—16 іюля. На моихъ глазахъ въ Берлинѣ давали за 100 руб.—100 марокъ, въ то время какъ курсъ стоялъ 210,25. Даже банки давали не болѣе 160—170 и то въ видѣ любезности. И мы брали—сколько давали. Намъ было не до денегъ.

Сидя здѣсь у границы, почти подъ жерлами торнскихъ пушекъ, лицомъ къ нашей землѣ, откуда вотъ-вотъ, по словамъ кондукторовъ, начнется безразборная стрѣльба, мы утратили всякое чувство цѣнности вплоть до жизни включительно. „На людяхъ и смерть красна“—было крылатой фразой среди насъ.

Мы мечтали о переходѣ границы пѣшкомъ, но никто конкретно не представлялъ себѣ этого путешествія; знали лишь, что нужно быть налегкѣ безъ вещей. Стали бросать вещи. Чемоданы валялись какіе-то чужіе и ненужные; кто-то предусмотрительно вытаскивалъ полотенце, чтобы махать русскимъ войскамъ при переходѣ границы; кое-кто спасалъ свои иптимныя шкатулки, письма, рукописи—самое минимальное по вѣсу и объему и въ то же время самое цѣнное.

Пѣмцы говорили намъ, что по ту сторону границы—безлюдье и опустошеніе, что русскіе отступили вглубь и уничтожили, сожгли все на своемъ пути—станцію Александрово и другія ближайшія станціи варшавско-вѣнской желѣзной дороги. Тѣ среди насъ, кто былъ покрѣпче въ географіи, комбинировали, какъ пробраться пѣшкомъ до Цѣхоцинка, а оттуда уже по Вислѣ пароходомъ или лодкой. Слухи и фантазіи плодились, разрастались; не предвидѣлось избавленія. Станціонное начальство ничего не сдѣлало, чтобъ внести какую-нибудь ясность въ наше

положеніе, желѣзнодорожные чины находили специальное удовольствіе въ томъ, чтобы запугивать растерявшихся истерическихъ женщинъ.

Можетъ быть, первый разъ въ жизни я почувствовалъ во всей полнотѣ и силѣ, что такое государство и составляющіе его элементы: территория, власть, народъ.

Вступить ногой на *землю*, что по ту сторону рѣчки, стало моимъ высшимъ стремленіемъ и казалось чѣмъ-то сказочнымъ. *Власть* давала себя чувствовать достаточно выразительно. Въ то время какъ представители русской власти, бывшіе среди насъ, казались самыми жалкими, беспомощными людьми, и только потому, что они находились по сю сторону границы, послѣдній носильщикъ-нѣмецъ, приобщенный къ власти, воленъ былъ безответственно оскорблять твою жену, понукать и приказывать.

Пѣлый рядъ элементарныхъ государственно-правовыхъ понятій зашевелился въ моей головѣ въ какомъ-то просвѣтлѣніи. Государство чувствовалось осязательно конкретно, какъ подлинный Левиафанъ; право казалось какой-то абстракціей, звучало насмѣшкой.

Мы, выброшенные на пограничную станцію, какъ ненужный балластъ, никѣмъ незащищенные, забытые, — мы были бессмысленной жертвой международной комбинаціи обстоятельствъ...

Такіе мастера организаци, нѣмцы не позаботились о томъ, чтобы отправить изъ Германіи массу своихъ курортныхъ гостей, кліентовъ, больныхъ, чтобъ движеніе это сдѣлать планомѣрнымъ, цѣлесообразнымъ. Впослѣдствіи по нашему случайному маршруту стали направлять и другія группы путешественниковъ, которые испытывали новыя случайности, новыя капризы и издѣвательства германскихъ властей.

Въ Торнѣ насъ спѣшно вогнали въ поѣздъ, состоящій изъ вагоновъ 4-го класса, куда мы набились по 25 человекъ въ „купэ“. И не въ томъ была унижительность нашего положенія, что насъ закрыли, не выпуская на станціяхъ, дѣло было не въ физическихъ лишеніяхъ, вполне естественныхъ при мобилизаци, а въ томъ, что скрывали, куда насъ везутъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ мы находились въ полномъ невѣдѣніи, куда ѣдемъ и зачѣмъ. Только на перекрестной станціи Kreuz, гдѣ развѣтвляются желѣзнодорожные пути, мы убѣдились, что насъ везутъ въ Штеттинъ.

Поѣздъ шелъ какими-то боковыми путями, объѣзжалъ станціи по нѣскольку разъ. По всей линіи виднѣлись мобилизационныя приготовления. Солдаты грузили сѣно, куда-то гнали лошадей, проѣзжали воинскіе поѣзда, служащіе на станціяхъ дѣловито разговаривали, кучками стояли запасные, готовые къ отъѣзду. Во всемъ видна была напряженность, и поразительно было, что эта максимальная *Leistung* давалась

при минимальномъ настроеніи. Во всемъ видна была методичность. Чувствовалась жестокая, механическая сила, не считающаяся ни съ головою, ни съ сердцемъ, ни съ какими переживаніями.

Въ Штеттинѣ насъ высадили на скотную гавань и загнали въ бойню; тутъ же рядомъ находился свиной хлѣвъ, откуда доносились визгъ и хрюканье. Унизительность нашего мѣстопробыванія, можетъ быть, нарочито подстроенная остроумнымъ щетинскимъ (Штеттинъ назывался по-славянски „Щетинъ“) градоправителемъ, вселяла въ насъ моральную силу; и здѣсь я впервые увидѣлъ преображенные твердо-спокойныя лица тѣхъ самыхъ спутниковъ, которые вчера были суетливо растеряны и малодушны. Насъ было много, несчастье сближало, люди морально росли на моихъ глазахъ.

По дорогѣ изъ Штеттина на островъ Рюгенъ, куда, какъ оказалось, насъ опять повезли, мы очутились на оживленной линіи военныхъ передвиженій. Мы стояли по нѣскольکو часовъ на каждой станціи, пропуская вереницы поѣздовъ съ лошадьми, солдатами и походными принадлежностями. Воинъ, приставленный къ намъ, по глупости и болтливости своей объяснилъ мнѣ полушопотомъ, что всѣ эти поѣзда идутъ къ французской границѣ.

Pasewalk, гдѣ мы простояли почти цѣлую ночь, былъ, повидимому, сборнымъ военнымъ пунктомъ значительной части Помераніи. Вся станція была запружена воинскими поѣздами, шла лихорадочная подготовительная работа. Казалось, что про нашъ поѣздъ совершенно забыли и мы никогда не двинемся въ путь къ острову Рюгену, гдѣ, по мнѣнію пессимистовъ, насъ заставятъ убирать жатву, а по болѣе правдоподобному предсказанію спокойно и оптимистически настроенныхъ пассажировъ—насъ ждетъ шведскій пароходъ. Оптимисты оказались правы. Правда, намъ предстояли ужасы въ борьбѣ за очередь; не попавъ на первый пароходъ, мы ждали цѣлыя сутки безъ увѣренности, что второй пароходъ вообще придетъ. Мы ночевали въ конюшняхъ пожарной команды Засеница, терпѣли голодь, мокли подъ дождемъ. Избавленіе, однако, пришло. Показался пароходъ. Съ музыкой и пѣніемъ „Deutschland über alles“ подошелъ нашъ спаситель „Trölleborg“. То пѣли пріѣхавшіе на родину чины германскаго посольства въ Петербургѣ съ Пурталесомъ во главѣ.

Не знаю, кто изъ насъ былъ болѣе счастливъ: они, прибывшіе въ Германію, или мы, наконецъ, покидающіе германскую землю.

Я. Буншпанъ.

II. Какъ погибла Н. А. Туганъ-Барановская ¹⁾.

10 мѣсяцевъ тому назадъ Н. А. Туганъ-Барановская, вслѣдствіе несчастнаго случая—ожога, подверглась цѣлому ряду весьма тяжелыхъ операций сначала въ Россіи, а потомъ въ Парижѣ и Іенѣ. Война застала ее въ Іенѣ, откуда, послѣ 7-ой операции, съ только что снятыми швами, она спѣшно тронулась, въ сопровожденіи родителей, на родину. Переѣздъ съ такой больной казался едва возможнымъ. Царила паника; поѣзда были переполнены сверхъ всякой мѣры; классовъ вагоновъ не существовало. Пропустивъ нѣсколько поѣздовъ, удалось, наконецъ, пристроить больную на полу купѣ, занятаго нѣмцами. Россію громко брали „за объявленіе войны“. Уже въ частной клиникѣ проф. Лексера атмосфера была недоброжелательная, и самъ профессоръ не стѣснялся называть русскихъ *Räuber* и *Mörder*. На вокзалѣ не принимали нашего багажа, носильщики не хотѣли нести нашихъ вещей. По пріѣздѣ въ Бреславль, когда граница уже оказалась закрытой, мы взяли билеты на Берлинъ, направляясь черезъ Данію домой. Утромъ въ 10 час. мы на перронѣ дожидались отхода нашего поѣзда. Какая-то сострадательная нѣмецкая чета примостила на своихъ корзинахъ нашу больную, и она прилегла. Нашъ багажъ былъ брошенъ. Оставались лишь ручные саки съ перевязочнымъ матеріаломъ и туалетными принадлежностями и маленькія подушечки для ранъ больной. За 1/2 часа до отхода поѣзда къ намъ подошелъ солдатъ и потребовалъ паспорта для предъявленія въ *Polizeiamt* внизу вокзала. Мы пошли, поручивъ больную солдату съ цифрой 11 на каскѣ, получивъ увѣреніе „будьте покойны“. Оттуда насъ уже отвели въ какой-то сарай, наполовину заполненный русскими. Очувтившись тамъ, мы были охвачены тревогой, не зная, какъ намъ найти больную. Однако минутъ черезъ 20 ее привелъ сюда же *Schutzmann*. Оказалось, что сейчасъ же послѣ нашего ухода тотъ же солдатъ стащилъ ее сзади за спину на полъ и началъ подталкивать ногами, крича: „русская“, прибавляя разныя ругательства и направляя ее къ лѣстницѣ. Она еще смогла подняться. Молча, подъ ударами толпы мужчинъ, которые срывали съ нея шляпу, вуаль, бинты съ шеи, дергали за больныя плечи и руки, гикали и подталкивали кулаками въ спину къ лѣстницѣ, она достигла ступенекъ. Тутъ снизу быстро вбѣжалъ

¹⁾ Н. А. Туганъ-Барановская, молодая писательница (род. въ 1885 г.) помѣстила въ *Русской Мысли* за текущій годъ (юль) рассказъ „Кома“. Покойная послѣдній годъ страдала отъ послѣдствій несчастнаго случая, ожога. Послѣ многократныхъ операций она сдѣлалась жертвой безобразнаго обращенія въ Германіи и скончалась 31 июля отъ его послѣдствій. Печатаемый здѣсь рассказъ о страданіяхъ покойной написанъ ея матерью и доставленъ намъ черезъ посредство проф. К. А. Поссе.

Schutzmann, отбилъ ее и привелъ къ намъ. Женщины жалѣли ее и поправляли на ней растерзанный костюмъ. Она казалась спокойной, но сказала: „теперь я испытала и жестокость людскую, ужъ и ногами топтана“. Оттуда подъ № 270—272 мы въ фургонахъ были перевезены въ Strafbefängniss (тюрьма). Толпа сопровождала насъ криками, радостнымъ гиканьемъ и напирала на нашъ тюремный фургонъ. Во дворѣ насъ отдѣлили отъ мужчинъ, такимъ образомъ мы простились съ отцомъ больной. При входѣ въ тюрьму насъ помѣстили съ больной вмѣстѣ, какъ мы просили объ этомъ; камера была одиночная; записали имена и званіе и заперли на ключъ. Кругомъ слышался стонъ и крикъ отчаянія запертыхъ женщинъ и дѣтей. Намъ выдавалась самая скудная арестантская пища, мы сами убирали камеры. Больная страдала и металась, мѣняя положеніе, то съ пола на кровать, то съ кровати на полъ. Ложе было жестко для ея израненнаго тѣла. На просьбу дать материалъ для перевязки докторъ отвѣтилъ „успѣется“. Надзирательницы были добры къ намъ. Одна изъ нихъ сама доставила намъ материалъ для перевязки ранъ. Въ мужской тюрьмѣ режимъ былъ суровѣе: мужчинъ обыскивали, отвѣчали грубо, тыкали въ спину и толкали. Тотъ же докторъ отказалъ въ помощи при сердечномъ припадкѣ 68-лѣтнему отцу больной, заявивъ, что нѣтъ ни мѣста, ни времени, хотя ежедневно для чего-то являлся въ тюрьму. На четвертые сутки, послѣ переклички, мужчинъ въ возрастѣ 17—45 лѣтъ отдѣлили и, подталкивая ихъ кулаками въ спину, возвратили въ тюрьму. Остальныхъ подъ сильнымъ коннымъ эскортомъ направили на вокзалъ. Для болѣе слабыхъ были поданы два вагона IV класса. Остальные размѣстились на платформахъ. Всѣ въ сопровожденіи вооруженныхъ солдатъ. Мы ничего не знали о мѣстѣ нашего назначенія: можетъ быть родина, а можетъ быть и смерть. Черезъ 5 часовъ поѣздъ остановился. Граница Wilhelmsbrücke—Верушевъ. На вокзалѣ выбѣгаютъ одинъ за другимъ солдаты съ ружьями и строятся въ шеренги. Велѣно выходить изъ поѣзда. Настроение подавленное, молчатъ всѣ. Офицеръ выкрикиваетъ: „Итти спокойно, въ порядкѣ, не оборачиваться, а то сзади будутъ стрѣлять“. Трогаемся среди двухъ линій солдатъ, идемъ 45 минутъ, проходимъ черезъ полуразрушенный мостъ подъ шлагбаумъ и вступаемъ на родную землю. Идемъ еще 45 минутъ и добираемся до мѣстечка. Желѣзной дороги нѣтъ. Еврейско-польское населеніе принимаетъ насъ, какъ родныхъ, укладываютъ, кормятъ. Въ 6 час. утра двигаемся цѣлымъ караваномъ на телѣгахъ въ путь по направленію къ г. Ляскъ. Шоссейная дорога — сплошная выбоина; мѣшокъ сѣна, на которомъ примостилась больная, колотъ ей спину и плечи. Ей все время дѣлается дурно отъ боли и тряски, а нужно сдѣлать перегонъ въ 105 верстъ. Но и это претерпѣли. Мы въ Ляскѣ. Кровать въ гостиницѣ, сердечное вниманіе нашихъ офицеровъ, желѣз-

ная дорога, достаютъ купца, и мы черезъ Варшаву ѣдемъ домой въ Петербургъ. Какое мученье весь нашъ путь для больной! Въдѣ 10 мѣсяцевъ она страдала: сначала ожогъ, потомъ перевязки изъ тѣла, сдираемыя ежедневно, ножи, пинцеты, бинты, операціонные столы, впрыскиванія, всегда и день и ночь незакрывающіеся глаза отъ ожога, перспектива операцій еще на 1½ года и наконецъ надругательство толпы, физическое и моральное, въ Бреславлѣ, тюрьма и путь... Ужь нехватаетъ силъ; по прївѣдѣ черезъ 12 часовъ она впала въ безсознательное состояніе и отошла въ вѣчность черезъ двое сутокъ, воспрїявша муку душевной и тѣлесной.

В. Клоссовная.

Война въ Европѣ.

„Великая война“ нашихъ дней захватила не только европейскія государства, но и значительную часть внѣ-европейскихъ странъ. При той тѣсной связи, которая установилась теперь между всѣми народами и землями міра, это совершенно естественно. Во-первыхъ, всѣ государства земного шара сплетены съ тѣю разнообразнѣйшихъ взаимныхъ отношеній (прежде всего торговыхъ); во-вторыхъ, у воюющихъ европейскихъ державъ на другихъ материкахъ и океанахъ есть колониальныя владѣнія, значение которыхъ для ихъ метрополій существенно и теперь, а въ будущемъ должно стать огромнымъ. Поэтому, въ то время какъ рѣшительныя событія ожидаются на старыхъ поляхъ Европы, выдавшихъ уже по нѣскольку „битвъ народовъ“, военныя дѣйствія ведутся также и въ отдаленнѣйшихъ отъ насъ странахъ, и на „черномъ материкѣ“, и на водахъ, омывающихъ всѣ пять частей свѣта. По своимъ размѣрамъ эти колониальныя военныя операціи, конечно, не представляютъ ничего грандіознаго, но на жизнь человѣчества въ теченіе ближайшаго столѣтія онѣ могутъ оказать влияние исключительное.

Внѣ-европейскія событія, связанныя съ войной, можно раздѣлить на слѣдующія категоріи: 1) содѣйствіе колоній своимъ метрополіямъ; 2) война Японіи съ Германіей на Дальнемъ Востокѣ; 3) военныя операціи въ Африкѣ; 4) военныя операціи на разныхъ океанахъ.

Германія на помощь своихъ колоній разсчитывать не могла. При настоящемъ положеніи дѣлъ она отъ нихъ совершенно отрѣзана, да и вообще содержитъ въ колоніяхъ лишь небольшіе гарнизоны, преимущественно туземныхъ войскъ, для мѣстной службы. Почти не пришлось воспользоваться Германіи и своими военными судами, стоявшими въ Киао-Чао и въ гаваняхъ Тихаго океана, благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ англійскихъ крейсеровъ и вмѣшательству Японіи. Не могла воспользоваться и Бельгія помощью своего „вассальнаго“ Конго, такъ какъ мѣстная армія (14—15 тыс. человекъ) не предназначена для дѣйствій

на европейскомъ театрѣ войны. Такимъ образомъ поддержку отъ колоній въ войнѣ могли получить только Франція и Англія.

Въ началѣ войны германцы пытались прервать сношенія Франціи съ ея сѣверо-африканскими владѣніями, т.-е. съ Алжиромъ и Тунисомъ. Германскіе крейсера (знаменитые отнынѣ „Гебенъ“ и „Бреслау“, проданные туркамъ) бомбардировали Бону и Филиппвиль (въ восточной части Алжира), но безрезультатно. Вступленіе Англии заставило германско-австрийскій флотъ прекратить всякія активныя дѣйствія на Средиземномъ морѣ. Послѣ этого Франція получила возможность свободно перевозить въ Европу свои африканскія войска (какъ сообщаютъ, до двухъ армейскихъ корпусовъ). Войска эти въ началѣ войны уже показали свое превосходство при дѣйствіяхъ въ горныхъ мѣстностяхъ, именно въ Вогезахъ. Новые эшелоны африканскихъ войскъ все продолжаютъ прибывать во Францію, постепенно усиливая французскую армію. Телеграмма 29 августа ¹⁾ сообщаетъ, какими оваціями встрѣчалъ вновь прибывшихъ туркочовъ Парижъ, готовящійся къ осадѣ.

Англіи оказали поддержку прежде всего ея колоніи, нынѣ автономныя и полуавтономныя государства, входящія въ составъ Британской имперіи. Въ самомъ началѣ войны, Канада предложила корпусъ въ 20 тыс. человекъ, съ тяжелой и легкой артиллеріей, и помощь продовольствіемъ и деньгами, что правительствомъ метрополи было „принято съ благодарностью“. Телеграфъ послѣдовательно извѣщалъ насъ, что изъ Канады отправленъ первый транспортъ въ милліонъ мѣшковъ муки, что канадскія женщины снаряжаютъ для Англіи госпитальный корабль и что въ канадскій парламентъ внесенъ законопроектъ объ отпускѣ 10 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на военныя нужды. Сходныя предложенія поступили отъ правительствъ Австраліи и Новой Зеландіи, предложившихъ также 20-тысячный корпусъ и весь свой флотъ. Эта помощь была использована Великобританіей на водахъ Тихаго океана.

Изъ собственно „колоній“ Англія могла почти всего использовать Индію, гдѣ она содержитъ постоянную армію, извѣстную по своимъ боевымъ качествамъ. Британское правительство рѣшило перевезти часть индійскихъ войскъ въ Европу. Лордъ Крю заявилъ въ палатѣ общинъ (телеграмма 19 августа), что эти войска „горятъ нетерпѣніемъ сразиться въ Европѣ“. Въ настоящее время черезъ Портъ Саидъ уже прошла, подъ прикрытіемъ особой эскадры военныхъ крейсеровъ, первая колонна индійскихъ войскъ, на пяти транспортахъ, въ составѣ 25 тыс. человекъ; всего же предполагается доставить въ Европу два корпуса. Полунезависимые индійскіе раджи, съ своей стороны, выразили готовность отдать свои войска въ распоряженіе Англіи и проявили, если

¹⁾ Числа, здѣсь и вездѣ дальше, — по старому стилю.

вѣрить „сообщенію великобританскаго правительства“ (29 августа), „величайшій энтузіазмъ“. Представители бенгальскихъ мусульманъ послали въ Турцію, великому визирю, телеграмму, въ которой высказываютъ огорченіе по поводу недоразумѣній между Великобританіей и Портой и заявляютъ, что считаютъ священнѣйшимъ долгомъ остаться вѣрными британской коронѣ. Въ другихъ колоніяхъ Англія не содержитъ настолько значительныхъ военныхъ силъ, чтобы ихъ стоило перевозить въ Европу; этимъ войскамъ былъ порученъ рядъ выступленій „на мѣстахъ“, т.-е. въ колоніяхъ же. Впрочемъ, было извѣстіе, что часть южно-африканскихъ войскъ высадилась въ Марсель.

Постоянное войско содержитъ Англія еще въ Египтѣ, который фактически находится въ англійскихъ рукахъ. Но египетскимъ войскамъ оказалось достаточно своего мѣстнаго дѣла. Съ самаго начала войны Египетъ „поручилъ свою защиту Англіи“. Вслѣдъ затѣмъ англійское правительство объявило, что въ Египтѣ обнаруженъ какой-то „заговоръ“ противъ Великобританіи, дѣятельное участіе въ которомъ приняли турецкіе и германскіе агитаторы, пробравшіеся подъ видомъ „хамалей“ и чернорабочихъ. Произведено было много арестовъ, и арестованные были преданы военно-полевому суду; вмѣстѣ съ тѣмъ англійскій комендантъ въ Каирѣ предложилъ дипломатическимъ представителямъ Германіи и Австріи, состоявшимъ при особѣ хедива, покинуть Египетъ въ 24 часа. Такимъ образомъ Египетъ оказался втянутымъ въ сферу войны, а англійскимъ египетскимъ войскамъ поручено преимущественно охранять Суэцкій каналъ.

Въ Азіи война отразилась особой японо-германскою войной. Ея причины лежатъ въ томъ политическомъ и коммерческомъ положеніи, которое за послѣдніе годы Германія стремилась занять на Дальнемъ Востокѣ, опираясь на свои тихоокеанскія владѣнія и на гавань Кіао-Чао, которую она въ 1897 г. „арендовала“ у Китая на 99 лѣтъ. Нѣмцы углубили прежде мелководную бухту, сильно укрѣпили ее и превратили въ первоклассную гавань, въ настоящее время едва ли не лучшую на всемъ китайскомъ побережьи. Желаніе овладѣть этою гаванью и сломить значеніе Германіи на Дальнемъ Востокѣ повело къ тому, что Японія, ссылаясь на свой военный союзъ съ Англіей, сначала послала Германіи свой извѣстный ультиматумъ, а потомъ, не получивъ на него отвѣта, перешла „въ состояніе войны“ какъ съ Германіей, такъ и съ Австро-Венгріей.

Какъ извѣстно, германцы приняли вызовъ. Проскользнуло сообщеніе (впрочемъ, мало вѣроятное), будто въ одной телеграммѣ къ коменданту Кіао-Чао, перехваченной японцами, императоръ Вильгельмъ писалъ, что ему было бы „болѣе стыдно сдать Кіао-Чао японцамъ, чѣмъ

Берлинъ русскимъ“. Какъ бы то ни было, нѣмцы съ лихорадочной поспѣшностью взялись за усиленіе укрѣпленій крѣпости, заставляя работать китайцевъ. Населеніе было выселено въ Шанхай; нейтральнымъ судамъ приказано покинуть гавань, на что японцами былъ данъ срокъ въ 24 часа. Крѣпость окружили рядомъ новыхъ фортовъ (Молькебергъ, Бисмарксбергъ, Вильгельмсбергъ и тому под.), выдвинутыми на 8 и даже на 12 миль отъ города Цзинтао; перспектива мѣстности очищена, деревья вырублены, строенія взорваны и т. д.; гарнизонъ и военныя суда въ гавани приведены „въ боевую готовность“.

Самый ходъ военныхъ операций японцевъ вполне ясенъ. Послѣ объявленія войны они приступили къ высадкѣ десанта и блокадѣ бухты. Одна эскадра, подъ командой вице-адмирала Садакичи-Като, прикрывала десантъ сухопутныхъ войскъ, привезенныхъ на 18 транспортахъ со стороны Лунъ-Коу; другая, подъ командой адмирала Томи,—высадку на западномъ берегу артиллеріи. Небольшая эскадра, въ составѣ 2 крейсеровъ, 2 канонерокъ и 5 миноносцевъ, осуществила дѣйствительную блокаду гавани, выловивъ германскія мины и поставивъ свои; остальные силы японскаго флота остались крейсировать въ Печилійскомъ заливѣ. Официально Кiao-Чao былъ объявленъ подъ блокадой съ 14 августа. Одновременно съ этимъ японцы перерѣзали кабели, шедшие изъ Кiao-Чao въ Шанхай и Чи-Фу, отрѣзавъ нѣмцамъ сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ (есть, впрочемъ, предположеніе, что нѣмцы успѣли провести новый кабель къ острову Япъ въ Каролинскомъ архипелагѣ). Послѣднія извѣстія сообщали, что японцы уже приступили къ обстрѣлу крѣпости; что японскіе гидропланы нѣсколько разъ бросали въ нее бомбы; что японцами заняты острова, лежащіе противъ бухты (Тай-пунгъ, Шьяо-пунгъ, Галіенъ и др.) и что ими даже взяты три форта, изъ которыхъ одинъ—„штыковымъ ударомъ“. Кромѣ того извѣстно, что Японія присоединилась къ соглашенію, состоявшемуся между Россіей, Франціей и Англіей,—не заключать сепаратнаго мира.

Конечный исходъ борьбы несомнѣненъ. Небольшой гарнизонъ крѣпости и ея наскоро построенные форты не могутъ держаться долго противъ дальнобойныхъ орудій и цѣлой арміи японцевъ. Германская эскадра въ гавани, повидимому, сведена къ двумъ броненоснымъ крейсерамъ „Гензинау“ и „Шацугорстъ“ (по 11,600 тоннъ, съ ходомъ 22 $\frac{1}{2}$ узла, вооруженнымъ орудіями сравнительно небольшого калибра) и отряду миноносцевъ. Гдѣ находятся въ настоящее время три легкихъ германскихъ крейсера, принадлежащихъ къ той же эскадрѣ,—„Лейпцигъ“, „Нюрнбергъ“ и „Эиденъ“,—неизвѣстно. Имѣется въ Кiao-Чao еще австрійскій бронепалубный крейсеръ „Императрица Елизавета“, но это небольшое судно, построенное въ 1890 г. и перестроенное въ 1905 г., не представляетъ серьезной боевой единицы; впрочемъ, именно

оно обстрѣливало 21 августа японскіе контръ-миноносцы. О серьезныхъ столкновенияхъ на морѣ около Кіао-Чао ничего не было слышно; известно только, что японскій контръ-миноносець „Широтае“ наскочилъ здѣсь на подводную скалу и затонулъ.

Военныя операціи японцевъ въ значительной мѣрѣ были облегчены позиціей, занятой Китаемъ, который воспользовался случаемъ свести счеты съ Германіей, „арендовавшей“ его гавань. Дѣло въ томъ, что собственно „арендованная“ полоса земли вокругъ Кіао-Чао очень невелика, такъ что на ней произвести десантъ было бы невозможно. Но вокругъ нея тянется, по радіусу въ 50 километровъ, такъ называемая „нейтральная зона“. Повидимому, Китай „посмотрѣлъ сквозь пальцы“ на то, что японцы высадились именно на этой нейтральной зонѣ, если только не за предѣлами ея. По крайней мѣрѣ, германскій повѣренный по дѣламъ при китайскомъ правительствѣ протестовалъ противъ нарушения японцами нейтралитета Китая, но протестъ остался безъ послѣдствій. Между тѣмъ, раньше Китай сдѣлалъ Германіи „категорическое представлеііе“ о недопустимости какихъ-либо военныхъ дѣйствій за чертой арендованной территории и отказалъ въ просьбѣ нѣмцевъ—расширить ея предѣлы въ цѣляхъ защиты порта. Китай отказался также отъ предложенія Германіи—возвратить ему Кіао-Чао. Рядъ другихъ мѣръ, принятыхъ Китаемъ, также былъ направленъ противъ Германіи. Такъ, Китай потребовалъ, чтобы всѣ германскія суда, находившіяся въ китайскихъ портахъ, покинули ихъ или остались бы въ нихъ до конца войны; съ послѣднихъ были сняты аппараты безпроводнаго телеграфа; затѣмъ пекинское правительство предписало администраторамъ Манджурии „немедленно прекратить“ въ ней анти-японскую агитацію и т. под.

Надо добавить, что, въ связи съ японо-германской войной въ Азіи, возникла мысль о посылкѣ японской эскадры въ европейскія воды и японскаго десанта на европейскій театръ войны. Это предположеніе, нѣсколько разъ опровергавшееся, продолжаетъ обсуждаться въ печати. Вопросъ о возможности (политической) для японскаго флота пройти черезъ Панамскій каналъ рѣшается специалистами (бар. Б. Э. Нольде) въ положительномъ смыслѣ, на основаніи договора 1901 г. между Великобританіей и Соединенными Штатами С. А. Говорятъ также, что десантъ,—по слухамъ, въ размѣрѣ 6 корпусовъ,—будетъ направленъ въ Малую Азію, гдѣ движенія турокъ угрожаютъ новыми осложнениями дѣлу союзниковъ. Кроме того, японская колонія въ Канадѣ самостоятельно предложила Великобританіи сформировать для европейскаго театра войны отрядъ японцевъ-волонтеровъ.

Къ событіямъ на Дальнемъ Востокѣ самый живой интересъ проявили Соединенные Штаты. Заатлантическая печать единогласно заяви-

ла, что выступление Японии является „событиемъ величайшаго политическаго и экономическаго значенія“, такъ какъ послѣ него Германія должна потерять всю свою торговлю и свое положеніе на Тихомъ океанѣ. Общественное настроеніе въ Америкѣ оказалось вообще враждебнымъ Германіи, съ которой у Штатовъ идетъ напряженное экономическое соперничество. Нѣмецкая агитація въ Штатахъ, которой руководила, по слухамъ, особая миссія, съ министромъ Дербургомъ во главѣ, и которая привлекла на свою сторону нѣсколько распространенныхъ газетъ, не имѣла успѣха въ широкихъ кругахъ общества. Правящие круги посмотрѣли на дѣло, кажется, иначе, и одно время весь міръ былъ встревоженъ выходомъ въ море американской эскадры съ неизвѣстнымъ назначеніемъ. Постепенно однако выяснилось, что правительство Штатовъ опасалось не за участь Кiao-Чао, а за судьбу германскихъ владѣній въ Тихомъ океанѣ. Америкѣ не могло быть выгоднымъ, чтобы они стали достояніемъ Японіи, которая могла бы обратить ихъ въ морскую военную базу, въ случаѣ столкновенія съ Штатами. Недоразумѣніе было улажено, и „англо-германскій конфликтъ локализованъ“ предѣлами операций противъ Кiao-Чао. Сами Соединенные Штаты окончательно заняли позицію самаго строгаго нейтралитета, имѣя въ виду выступить вполнѣ въ послѣдствіи съ предложеніемъ посредничества между воюющими сторонами.

Въ Африкѣ военныя дѣйствія свелись къ захвату германскихъ колоній. Нѣмецкія газеты утверждаютъ, что Англія и Франція уже заключили договоръ о раздѣлѣ германскихъ колоній въ Африкѣ, и это весьма вѣроятно. Колоніальной державой Германія сдѣлалась недавно, первая земли въ Африкѣ заняла только въ 1884 г., но въ настоящее время ея африканскія колоніи уже занимаютъ третье мѣсто,—послѣ англійскихъ и французскихъ. Всего владѣнія Германіи въ Африкѣ простираются на 2,6 милл. кв. километровъ, включая въ себя области: Камерунъ (750 тыс. кв. кил., приобрѣтенъ въ 1884 г.), Того (87 тыс. кв. кил., приобрѣтено въ 1884 г.), Юго-Западная Африка (835 тыс. кв. кил., окончательно присоединена въ 1890 г.) и Юго-Восточная Африка (941 тыс. кв. кил., окончательно присоединена въ 1890 г.), съ населеніемъ болѣе, чѣмъ въ 11 милл. человекъ (изъ которыхъ болѣе 20 тыс. европейцы). Эмиграція въ эти области пока ничтожна, но торговое ихъ значеніе для Германіи огромно: такъ, напримѣръ, она получаетъ отсюда собственные „колоніальные товары“, каучукъ, слоновую кость, какао, кофе, бананы, сахарный тростникъ, продукты масличныхъ и кокосовыхъ пальмъ и т. п. Между тѣмъ германскія колоніи въ Африкѣ расположены такъ, что со всѣхъ сторонъ окружены владѣніями англійскими, французскими и бельгійскими. Отрѣзанныя отъ метрополи англійскимъ флотомъ, защищаемы лишь

небольшими гарнизонами туземныхъ войскъ, германскія колоніи въ Африкѣ становятся легкой добычей союзниковъ.

Уже окончательно опредѣлилась судьба Тоголанда. Эта колонія лежитъ въ Верхней Гвинее и представляетъ узкую полосу земли, уходящую въ глубь страны, съ береговой полосой всего въ 35—40 километровъ. На западѣ Того граничитъ съ англійской колоніей Золотого Берега, на востокѣ—съ французской Дагомеей, на сѣверѣ—съ областями, находящимися подъ протекторатомъ Франціи (французская Западная Африка). Въ концѣ юля англичане заняли главный городъ Того—небольшой портъ Ломе (10—12 тыс. жителей), единственный пунктъ побережья, соединенный съ внутренностью страны желѣзной дорогой. Позднѣе пришло извѣстіе, что англійское войско Золотого Берега разбило въ Тоголандѣ германскій отрядъ и захватило столько плѣнныхъ, что для перевозки ихъ пришлось употребить два поѣзда. Нѣмецкое агентство Вольфа уже 3 августа извѣщало, что Того стало „добычей англичанъ“. 13 августа пришло извѣстіе, что нѣмцы уничтожили телеграфъ въ Кориннѣ и послали къ англійскому отряду парламентаря съ выраженіемъ согласія—капитулировать на почетныхъ условіяхъ. Британцы потребовали безусловной сдачи, и въ тотъ же день нѣмцы капитулировали безъ всякихъ условій. 14 августа союзныя, англо-французскія, войска вступили въ Коринну, и Того перестало быть нѣмецкой колоніей.

Сходная судьба постигла колонію Камерунъ, лежащую дальше къ востоку, въ самой глубинѣ Гвинейскаго залива. Съ суши она защищена природой, такъ какъ съ запада, гдѣ она граничитъ съ англійской колоніей Нигеріей, тянутся горные кряжи, а съ востока, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она соприкасается съ французскимъ Конго, лежитъ пустыня. (По морскому берегу съ юга, гдѣ Камерунъ болѣе доступенъ, онъ граничитъ съ небольшой испанской колоніей, носящей названіе испанскаго Конго.) Но 22 августа англійскій флотъ захватилъ у береговъ Камеруна два германскихъ крейсера, „Зеадлеръ“ и „Гейеръ“. Крейсера, не принявъ боя, сдались, причемъ въ плѣнъ попало 61 офицеръ и около 2,000 солдатъ. Затѣмъ англичане высадили десантъ, которому также не рѣшился оказать сопротивленіе мѣстный гарнизонъ, состоящій изъ 205 нѣмцевъ и 1,650 туземцевъ (кромѣ того, въ полиціи считается 47 нѣмцевъ и 1,450 туземцевъ). Англичане заняли на берегу домъ генераль-губернатора, военное управленіе, всѣ общественныя зданія и подняли англійскіе и французскіе флаги. Камерунъ былъ объявленъ оккупированнымъ.

Къ менѣе рѣшительнымъ результатамъ пришли пока союзники въ германской Юго-Западной Африкѣ. Эта обширная область представляетъ собою еще почти пустынную страну, требующую значительныхъ расходовъ отъ метрополіи. Предполагаютъ, что край богатъ минералами (золото и